С. В. УЗИН
ИМЯ
на карте

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Первые три книги, написанные автором ранее ("О чем молчит карта", 1959 г.; "Тайны географических названий", 1961 г. и "Гремящий дым", 1965 г.), были посвящены именно такого рода географическим наименованиям, которые связаны с проблематикой, с неоднозначностью решения. В опубликованной же в 1973 г. книге "Капитан "Золото й Лани" и предлагаемой ныне вниманию читателя речь идет о названиях, появление которых на географических картах не представляет загадки и связано с именами путешественников и исследователей, оставивших след в истории открытия и освоения различных районов Земли.

- Имя на карте
  - От автора
  - Двести пятьдесят лет забвения
  - Северным морским
  - К развалинам Хара-Хото
  - Беспокойный адмирал
  - Через горы и пустыни
  - Остров, открытый за письменным столом
  - Аристотель XIX века
  - Вниз по могучей реке
  - Предок великого поэта
  - За перешейком - Южное море
  - Открытие материка
  - В дальний вояж
  - Ледяной барьер

Имя на карте

От автора

Причины возникновения географических названий многообразны, как многообразна сама история развития нашей цивилизации. Корни происхождения большинства из них уходят в далекое прошлое и связаны с рядом обстоятельств: с особенностями языка, присущими тем или иным народам, проживающим в данной местности, с историческими событиями, способствовавшими возникновению названия, порой с курьезными случайностями. Существует, как правило, несколько версий - разной степени убедительности - происхождения названия, и поэтому отдать предпочтение какой-либо одной из них не простое дело. Нередко этот вопрос остается открытым, и именно это обстоятельство еще больше привлекает к топонимике - науке о географических названиях, где еще много нерешенных проблем.

Первые три книги, написанные автором ранее ("О чем молчит карта", 1959 г.; "Тайны географических названий", 1961 г. и "Гремящий дым", 1965 г.), были посвящены именно такого рода географическим наименованиям, которые связаны с проблематикой, с неоднозначностью решения. В опубликованной же в 1973 г. книге "Капитан "Золотой Лани" и предлагаемой ныне вниманию читателя речь идет о названиях, появление которых на географических картах не представляет загадки и связано с именами путешественников и исследователей, оставивших след в истории открытия и освоения различных районов Земли.

В самом деле, например, остров Тасмания, расположенный южнее Австралийского материка, назван в честь мореплавателя XVII столетия голландца Абеля Тасмана, открывшего его, а мыс Челюскин на полуострове Таймыр назван по имени С. И. Челюскина, участника Великой Северной экспедиции, организованной для описи берегов Северного Ледовитого океана в 30-40-х годах XVIII столетия.

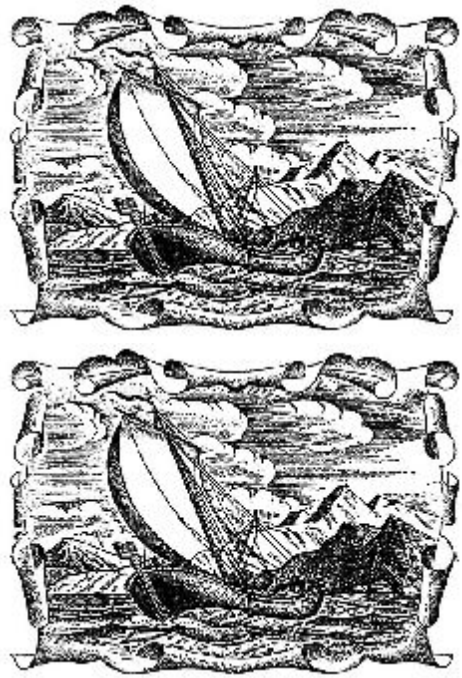
Разглядывая карту острова Сахалин, вы замечаете город Макаров, названный в честь прославленного русского адмирала С. О. Макарова. У южной оконечности острова - пролив Лаперуза. Этот пролив отделяет Сахалин от острова Хоккайдо, самого северного из японских островов, и назван так в честь французского мореплавателя XVIII столетия Жана Франсуа Лаперуза, трагически погибшего на одном из островов Тихого океана. Лаперуз первым из европейцев прошел этим проливом. В Петропавловске-Камчатском стоит памятник мореплавателю.

Путешественников и исследователей, именами которых названы города, заливы, проливы, мысы, острова, реки, - великое множество. Иные из этих путешественников, а, следовательно, и географические названия, появившиеся в их честь, хорошо известны, как, скажем, Е. Хабаров (город Хабаровск), или Ванкувер (город Ванкувер), или Беринг (Берингов пролив), иные менее известны широкой публике. Но от этого отнюдь не умаляются заслуги любого из путешественников прошлого и настоящего перед мировой и отечественной наукой.

О некоторых из путешественников, имена которых запечатлены на карте мира, о наиболее интересных и ярких моментах их деятельности, их вкладе в географическую науку рассказывается в предлагаемой читателю книге.

Адмирал и океанограф С. О. Макаров, исследователь Центральной Азии П. К. Козлов, крупнейший геолог и путешественник академик В. А. Обручев, полярный исследователь Адольф Норденшельд, канадский путешественник Александр Маккензи, английский кругосветный мореплаватель Джон Байрон - таков далеко не полный перечень действующих лиц этой книги.

Двести пятьдесят лет забвения



Двести пятьдесят лет забвения

Один из первых январских вечеров 1725 года в Петербурге. Мороз крепко сковал Неву и украсил окна домов замысловатыми узорами.

В рабочем кабинете Петра I, императора российского, весело потрескивают дрова в камине, горят свечи в массивных бронзовых канделябрах. Сам император полулежит в просторном кресле, положив длинные ноги на невысокую подставку, обитую голубым шелком. На коленях у него рукопись, в руке гусиное перо. Изредка отрываясь от работы, он обменивается репликами со своим "механики и токарного искусства" учителем Андреем Константиновичем Нартовым, неотлучно находящимся при нем вот уже который год. " Петр чувствует себя сегодня бодрее. В последнее время его все чаще одолевают телесные недуги, что служит поводом для серьезного беспокойства врачей и приближенных.

Попыхивая трубкой, император не спеша перелистывает рукопись и размашисто перечеркивает отдельные абзацы, тут же вписывая новый текст.

Нартов тоже занят делом - присев на низкий стульчик, он

читает какой-то фолиант, всякий раз слюнявя палец, прежде чем перевернуть страницу.

- Константиныч, - говорит через некоторое время Петр, не отрываясь от своего занятия, - подай уголька, трубка погасла.

И когда Нартов подносит ему зажатый в щипцах раскаленный докрасна уголек, шумно раскуривает трубку и откладывает перо.

- Отдохнули бы, Петр Лексеич, - говорит Нартов, укоризненно глядя на своего царственного товарища. - Медикусы что сказывали? Покой вам надобен и отвлечение от дел государственных. А вы сии предписания никаким манером исполнять не желаете.

- Наставления медикусов изрядно мне прискучили, - усмехается император, - да и недосуг мне им следовать. Вона никак сочинение пропозиции для Камчатской экспедиции довершить не могу. Какие уж тут отвлечения. Мешкать в деле сем никак мне невозможно. Ты это должен разуметь, Константиныч.

- Как не разуметь, Петр Лексеич, коли печетесь вы всей душой о пользе и славе отечества нашего…

- Мню я, - задумчиво произносит Петр, сделав знак Нартову помолчать, - что, оградя отечество безопасностью от неприятеля, надлежит стараться находить славу государству через искусство и науки.

- Мысль, достойная великого и мудрого государя! - с искренним восхищением восклицает Нартов. - Немало усилий предпринято вашим величеством к умножению славы российской. Сие ведомо ныне всем просвещенным иноземцам доподлинно.

- Полно тебе, Константиныч, льстивыми речами меня опутывать, - добродушно ворчит Петр. - Наслушался я их от придворных шаркунов изрядно. Ступай-ка ты лучше к дежурному офицеру да вели ему нарочного к генерал-адмиралу Апраксину послать, чтоб сей же час ко мне явился.

Нартов поспешно вышел из кабинета, а Петр снова взялся за перо. За этим занятием и застал его Апраксин, прибывший во дворец и оставивший в разгаре пира своих многочисленных гостей. Сопровождаемый Нартовым, он вошел в кабинет и отвесил по всей форме поклон, успев при этом бросить мимолетный взгляд на императора, надеясь по выражению его лица определить, гнев или милость его ожидают.

- Здорово ли живешь, Федор Матвеич? - спросил Петр, дружески кивнув своему генерал-адмиралу, и, не дожидаясь ответа, продолжал: - Вижу, вижу по физиогномии твоей, что дружков развеселых покинул ты в неурочный час. Не обессудь, что не откликнулся на приглашение, худое здоровье заставило сидеть дома. И вспомнил я, коротая время, то, о чем мыслил

давно и что другие дела предпринять мешали, то есть о дороге через Ледовитое море в Китай и Индию. На сей карте, - Петр ткнул пальцем в сторону стола, на котором была разложена карта, - сочинитель ее фламандский космограф Меркаторус проложил путь, называемый Аниант, не напрасно…

Апраксин подошел к столу и склонился над картой. На ней, в том месте, где земли азиатские сходились с американскими был изображен пролив, их разделяющий, тот самый, о котором толковал его собеседник.

- Осмелюсь напомнить вашему величеству, - сказал генерал-адмирал, осторожно расправляя пухлыми пальцами локоны своего напудренного парика, - что попытка к сему была предпринята тому шесть лет назад навигаторами нашими Иваном Евреиновым да Федором Лужиным. Собственной рукой вашего величества предписывался им розыск того, сошлась ли Америка с Азией. Надлежало зело тщательно проверить не только зюйд и норд, но и ост и вест и все исправно на карте поставить.

- Знаю, знаю, - нетерпеливо перебил Петр, - оные навигаторы, потеряв якоря, смогли достигнуть лишь пятого Курильского острова, а искать сей пролив надобно много севернее. Да и что они могли сделать столь малыми силами? А между тем в последнем вояже моем в Европу в разговорах слышал я от ученых людей, что такое обретение возможно. Не будем ли мы в исследовании этого пути счастливее голландских и аглицких мореходцев, которые многократно покушались обыскивать берега американские? - Царь пристально посмотрел на Апраксина, подергивая усом. - О сем написал я инструкцию, распоряжение же сие, Федор Матвеич, за болезнью моею, поручаю твоему попечению, дабы точно по пунктам, до кого они принадлежат, исполнено было.

Апраксин сосредоточенно слушал, кивая время от времени головой.

Петр собрал разрозненные листы и, выбрав один из них, начал размеренно читать:

- Надлежит на Камчатке или другом тамож месте сделать один или два бота с палубами. На оных ботах возле земли, которая идет на норд, и по чаянию (понеже оной конца не знают) кажется, что та земля часть Америки, искать, где она сошлась с Америкой. И чтоб доехать до какого города европейских владений или ежели увидят какой корабль европейской, проведать от него, как оный кюст (*Кюст - по-немецки "берег"*) называют, и взять на письме и самим побывать там, и взять подлинную ведомость и, поставя на карту, приезжать сюда…

Тут он внезапно прервал чтение и протянул рукопись

генерал-адмиралу со словами:

- Оную инструкцию читать тебе надлежит со всем тщанием, дабы уразуметь суть ее, а затем с возможными добавлениями своими вручить флотскому капитану Витусу Берингу, коего назначаю к этому испытанию вместе с помощниками - лейтенантами Шпанбергом Мартыном и Чириковым Алексеем. - Петр опустился в кресло и закрыл глаза. - Ступай, Федор Матвеич, ступай и без отлагательства готовь к отправлению названных мореходцев. Прощай, устал я, да и недужится что-то.

Апраксин, низко склонясь, принял из рук императора рукопись и бесшумно удалился из кабинета.

* * *

Спустя три недели, 24 января, экспедиция, возглавляемая Витусом Берингом, уже покидала Петербург. Никто из ее участников - ни Беринг с помощниками, ни мичман Чаплин, ни двадцать три матроса - не мог предположить, что человек, по чьей непреклонной воле они сегодня отправлялись в дальний и трудный поход, завтра будет бездыханен.

На возы, которым предстояло проделать длинный путь через всю Россию и Сибирь до Охотского моря, были погружены корабельное снасти и прочие материалы для постройки судна, провиант, оружие, необходимый скарб.

Около трех с половиной лет было потрачено на то, чтобы добраться до полуострова Камчатка, построить корабль и снарядить его в плавание. Только 13 июля 1728 года участники экспедиции на построенном ими небольшом одномачтовом судне "Св. архангел Гавриил" покинули Нижне-Камчатск, что в устье реки Камчатки, и вышли в открытое море.

Мореплаватели поднялись далеко на север вдоль побережья Азиатского материка. Но сколько они ни вглядывались вдаль в надежде увидеть американский берег, ничего, кроме густого, непроницаемого тумана, не открывалось их взорам. И так изо дня в день.

Начальник экспедиции заколебался - продолжать ли поиски или повернуть обратно. Прежде чем принять окончательное решение, он пригласил к себе помощников - Шпанберга и Чирикова и предложил каждому изложить свое мнение по поводу дальнейших действий.

- Господа офицеры, - с озабоченным выражением лица

обратился к ним Беринг, - вот уже месяц пребываем мы в плавании, и попытки обрести берег американский доселе для нас бесплодными были, хотя берег азиатский на вест повернулся. Мню я, что без пользы дальнейшие поиски оного будут. Однако суждения ваши надобно мне выслушать, дабы наиболее разумное решение постановить.

- Мыслю я, что для верности надобно еще два дня на норд курс держать и, коли не объявится искомый берег американский, возвращаться в Нижне-Камчатск, - решительно высказался Шпанберг с присущей ему безапелляционностью.

Чириков с сомнением покачал головой, явно выражая несогласие с мнением товарища:

- Понеже известия не имеется, - медленно произнес он, - до которого градуса широты из Северного моря (*Так в те времена называли Северный Ледовитый океан*) у восточного берега Азии от знаемых народов европейских жители бывали, и потому не можем достоверно знать о разделении Азии с Америкой, ежели не дойдем до устья реки Колымы или до льдов, - понеже известно, что в Северном море всегда ходят льды, - того ради надлежит нам непременно подле земли идти, ежели не воспрепятствуют льды или не отыдет берег на запад, к устью реки Колымы, до мест, показанных в указе, а ежели земля будет наклоняться еще к норду, то надлежит по 25 число сего настоящего месяца в здешних местах искать гавани, где бы можно было зазимовать.

Услышав столь разноречивые суждения, Беринг глубоко задумался. Молчали и его помощники. Наконец, приняв, видимо, окончательное решение, Беринг сказал:

- Прошу господ лейтенантов письменно изложить свои мнения, дабы возможно было внести их в Юрнал бытности (*Судовой журнал*), ведомый мичманом Чаплиным. - Он сделал небольшую паузу. - Полагаю я, как начальник сей экспедиции, склониться к суждению лейтенанта Шпанберга. Мню, что разумнее воротиться в Нижне-Камчатск, зазимовать там, после чего сызнова попытку учинить к выведыванию берегов американских.

Итак, было принято решение, сопряженное с наименьшим риском. Предпринятая в следующем 1729 году повторная попытка разыскать американский берег также не увенчалась успехом: непрерывные бури вынудили мореплавателей вскоре прекратить поиски.

* * *

Президент Адмиралтейств-коллегий Головин не замедлил пригласить Беринга к себе после первого ознакомления с материалами экспедиции.

- Садись, батюшка, устраивайся поудобнее да сказывай, как добрался из краев далеких, - по-домашнему обратился он к Берингу, набивая табаком трубку, - и помни при том, что журнал бытности, веденный у тебя на судне, читан мною прилежно.

- Говорить буду кратко, как и подобает офицеру морскому, - с достоинством произнес Беринг. - Предприятие наше, несмотря на все усилия, конфузом окончилось. На всем пути к норду ни к Чукоцкому, ни к Восточному углу земли никакой не подошло.

Он умолк, ожидая расспросов.

- Поистине, короче не скажешь, - усмехнулся Головин. - Опечалил ты меня, капитан, весьма опечалил. Да будет тебе ведомо, что год спустя после вашего отбытия казацкий голова Афанасий Шестаков, из Якутска прибывший, доставил карту, на коей насупротив Чукотки к осту от нее Большая земля обозначена была. Не иначе как берег американский изображен там был. Да, - вздохнул он, - что греха таить, оплошал ты изрядно.

Речь его была прервана слугой, который доложил о приходе старшего секретаря сената Кириллова - автора первого атласа России. Он тут же вошел в кабинет, отвесил поклон и по знаку Головина уселся в свободное кресло, не произнеся ни слова.

- Да, поторопился ты, батюшка, - повторил президент Адмиралтейств-коллегий с явным осуждением. - Помощник твой, лейтенант Алешка Чириков, вишь, дальновиднее оказался.

- Все так, ваше превосходительство, - развел руками Беринг. - Фортуна была к нам неблагосклонна на этот раз, но я не теряю надежды на будущее. Понеже выведывая, уразумел я, что далее оста море то волнами ниже поднимается, и на берег острова, именуемого Карагинский, великий сосновый лес, которого нет в Камчатской земле, выбросило. Признаю я, что Америка или иные, между оной лежащие земли не очень далеки от Камчатки.

- Негоже нам бросать дело, не доведенное до конца желаемого, - сурово молвил Головин. - Попытки проведать берег американский продолжены будут.

- И я так мыслю и не токмо об землях американских, - оживился Беринг. - Так не без пользы было бы, чтоб Охотской или Камчатской водяной проход до устья реки Амура и далее до Японских островов выведать. Ежели за благо рассуждено будет, северные земли или берег от Сибири, а именно от реки Оби до Енисея, а оттуда до реки Лены и далее к устьям оных рек, можно свободно и на ботах или сухим путем выведывать.

- Презнатные мысли изволили высказать, господин капитан, - вмешался в разговор Кириллов. - Льщу себя надеждой, что и Адмиралтейств-коллегия, и сенат поддержат и разовьют сей прожект и он получит всемилостивейшее одобрение государыни Анны Иоанновны. Мыслил и я о пользе сей экспедиции, каковой ни у кого не бывало и коя состоит в разных изысканиях. Во-первых, подлинно проверить, могут ли Северным морем проходить до Камчатского или полуденного океана моря (*Тихого океана*), а я по исследованию некоторых конечную надежду имею, что могут. Второе, от Камчатки до самых американских берегов, где неизвестного места около сорока пяти градусов длины, дойти. Третье, от Камчатки же до Японии, между чем расстояния получено десять градусов северной широты, пройти. Четвертое, в том походе и везде сыскивать новые земли и острова. Пятое, металлы и минералы осматривать. Шестое, разные обсервации астрономические как на земле, так и на воде делать и подлинную длину и широту сыскать. Седьмое, историю о древностях и новостях и натуральную сочинить… и прочая.

Президент Адмиралтейств-коллегий Головин встал с кресла и подошел к окну, заложив руки за спину. На несколько минут воцарилось молчание.

- Ступайте и составьте записки, в коих изложите все здесь сказанное, - молвил он наконец, возвращаясь к креслу. - Пишите подробно, не упуская ни главного, ни второстепенного. Адмиралтейств-коллегия рассмотрит с тщанием все ваши предложения, кои после изучения сенатом и Академией наук будут доложены государыне.

Спустя некоторое время в кабинете президента Адмиралтейств-коллегии собрались те же лица: сам Головин, Беринг, произведенный в капитан-командоры, Кириллов. Здесь находился также и Алексей Ильич Чириков, помощник Беринга в Первой Камчатской экспедиции. Подобно Берингу, он был повышен в звании и получил чин капитана.

- Господа навигаторы, - обратился к Берингу и Чирикову Головин, - поспешествую довести до вашего сведения, что государыня наша соизволила повелеть отправить экспедицию к берегам Ледовитого моря и Камчатки. Ведомо будет вам, что экспедиция сия назначается не только для отыскания американских берегов от Камчатки, но такожды и для обсервации и изыскания пути в Японию, коими займется Мартын Шпанберг, второй помощник капитана-командора Беринга. Вам же надлежит от Охотска или Камчатки плыть на кораблях, там построенных, до противоположных берегов американских и изыскивать их сколько можно.

Под началом вашим будут и особливые отряды, коим надлежит подыскать известия, имеется ли проход Северным морем, и опись берегов северных совершить. Их возглавят лейтенанты Степан Малыгин, Дмитрий Овцын, Дмитрий и Харитон Лаптевы, Петр Ласиниус и Василий Прончищев, штурманы Семен Челюскин, Иван Елагин, Матвей Петров, Федор Минин, Дмитрий Стерлегов. Отряд лейтенанта Малыгина произведет опись берега от устья реки Печоры до устья Оби, отряд лейтенанта Овцына - от Оби до Енисея, отряд штурмана Минина - от Енисея до полуострова Таймыр, отряд лейтенанта Прончищева - от устья Лены на запад до Таймыра, отряд лейтенанта Ласиниуса - от устья Лены на восток до устья реки Колымы.

Сверх того Академия наук командирует трех знатных академиков - Иоганна Георга Гмелина, Герарда Фридриха Миллера и Людовика Делиль де ля Кроера, коим придаются в качестве адъюнктов Георг Стеллер и Иоганн Фишер, а такожды двенадцать студентов, один толмач, девять землемеров, инструментальный мастер с учениками, один живописец, один рисовальщик, один пробирщик с двумя штейгерами. Оному ученому отряду надлежит чинить астрономические наблюдения, естественнонаучные исследования, обследовать местные архивы и собирать сведения этнографические. Указ об экспедиции подписан государыней, и ввиду важности ее велено объявить всенародно с поименным обозначением всех ее участников. - Головин обвел глазами приглашенных. Те слушали его сосредоточенно, понимая, какая ответственность на них возлагается.

- Велика честь возглавлять такое грандиозное предприятие, ваше превосходительство, - наконец промолвил Беринг, низко кланяясь. - Мню я, что все силы будут положены, чтобы все предначертания августейшие выполнить всемерно.

Чириков в знак согласия со словами капитана-командора тоже низко поклонился.

- Ступайте, господа, - сказал Головин, - и не мешкая приступайте к делу.

* * *

Великая Северная экспедиция продолжалась с 1733 по 1743 год. За этот период были описаны берега Северного Ледовитого

океана от реки Печоры до мыса Баранова, открыты северо-западные берега Северной Америки, описаны также часть Курильских островов и побережье Охотского моря. Все это было совершено усилиями русских мореплавателей, которые где по морю, где посуху шли вперед и достигали цели, перед ними поставленной.

Немалый вклад внесли также участники так называемого сухопутного, или "академического", отряда, которым мы обязаны сведениями о населении Сибири, истории ее освоения и исследования, о природе, особенно растительности, и многом другом.

Академики Г. Ф. Миллер и И. Г. Гмелин проделали длинный и трудный путь до Якутска, где наметили обосноваться. К тому же Миллер почувствовал серьезное недомогание. Адъюнкт Стеллер и С. П. Крашенинников, прославившийся впоследствии своим описанием Камчатки., отправились дальше, с тем чтобы выполнить то, что предписывалось инструкцией Гмелину.

* * *

В комнате было сильно натоплено - на дворе стоял трескучий мороз. Распахнув сюртуки, Миллер и Гмелин, каждый за своим столом, работали над записями. Миллер время от времени переставал писать и, приложив перо к носу, задумывался. На листе бумаги, лежащем, перед ним, было написано: "Мы заехали в такие страны, которые от натуры своими преимуществами многие другие весьма превосходят, и для нас почти все, что мы видели, новое было. Мы подлинно зашли в наполненный цветами вертоград (*В старину так называли сад*), где по большей части растут незнаемые травы; в зверинец, где мы самых редких азиатских зверей в великом множестве перед собой видели; в кабинет древних языческих кладбищ и тамо хранящихся разных достопамятных монументов. Словом, мы находились в такой стране, где прежде нас еще никто не бывал, который о сих местах свету известие сообщить мог. А сей повод к произведению новых испытаний и изобретений в науках служил нам не инако, как с крайней приятностью…"

- Послушайте, Иоганн, - произнес Миллер, обращаясь к Гмелину, - мне все время не дает покоя одна мысль…

- Что за мысль, мой добрый друг? - спросил Гмелин, не отрываясь от работы.

- Отвлекитесь немного от ваших трудов, Иоганн, и послушайте меня, - настойчиво попросил Миллер, отодвигая рукопись, над которой он работал. Он извлек из кипы бумаг документ и положил его перед собой. - Послушайте, что говорится в сем документе, это крайне интересно.

Гмелин развел руками и, отложив перо, принял удобную позу, зная по опыту, что от Миллера быстро не отделаешься.

- Я готов слушать вас, Герард.

Миллер взял в руки документ, который лежал перед ним, и начал его читать: "С Ковыми реки я, Семейка, на новую реку на Анандыр для прииску новых неясачных людей месяца сентября в 20 день идучи с Ковыми реки морем на пристанище торгового человека Федота Алексеева чукосьи люди на драке ранили, и того Федота со мною, Семейкою, по морю разнесло без вести, и носило меня, Семейку, по морю после Покрова Богородицы всюду неволею и выбросило на берег в передний конец за Анандыр реку.

А было нас на коче всех двадцать пять человек, и пошли мы все в гору, сами пути себе не знаем, холодны и голодны, наги и босы. А шел я, Семейка, с товарыщи до Анандыри реки ровно десять недель и пали на Анандыр реку близко моря, и рыбы добыть не могли, лесу нет, и с голоду мы бедные врозь разбрелись.

А с Ковыми реки идти морем на Анандыр реку и есть нос вышел в море далеко, а против того носу есть два острова, а на тех островах живут чухчы, а врезываны у них зубы, прорезываны губы, кость рыбей зуб. А лежит тот нос промеж сивер и полунощник, а с Рускою сторону носа признака: вышла речка, становье тут у Чухоч делано, что башни из кости китовой. А доброго побегу от носу до Анандыри реки трои сутки, а боле нет, а идти от берегу до реки недале, потому что река Анандыр пала в губу…"

- Что сие означает? - с удивлением спросил Гмелин. - О чем толкует сей документ столь замысловато?

- О, любезный Иоганн, я не стал бы занимать ваше внимание пустяками, поверьте, - с некоторой долей торжественности сказал Миллер, потирая руки от удовольствия. - Мне посчастливилось обнаружить сию отписку, доподлинно писанную якутскому воеводе некиим казаком Семеном Ивановичем Дежневым чуть ли не сто лет назад.

- Скажу по чести, добрый друг, больше половины из того, что вы зачитали, я не уразумел, - откровенно призвался Гмелин. - Не находите ли вы, что писан сей документ путанно и неразборчиво? На самом деле он зам кажется столь важным?

- Я тоже, впервые читая, озадачен был изрядно, - в свою

очередь признался Миллер, - но со временем разобрался в нем и нахожу сие не только ясным, но и чрезвычайно важным для гиштории, о чем с охотою поясню, если у вас достанет терпения.

Гмелин наклонил голову в знак того, что он готов со вниманием слушать собеседника.

- В сей отписке сказаны сведения важные и неожиданные не только для меня, но и для всех, кого касаются дела российские. Теперь мне стали понятны слухи, коими, по рассказам, полнилась земля сибирская еще много лет назад. Ходили упорные слухи о русских, сплававших от Колымы на восток до Анадыря. Откуда брались слухи, никто не ведал из служилых людей, тем паче из бояр. Теперь разумею я доподлинно, что причиною тому было плавание казака Семена Дежнева с товарищами, кое имело быть в 1648 году, как показано в челобитной его, писанной якутскому воеводе.

- О, мой добрый друг, - поднимаясь из-за стола, прочувствованно произнес Гмелин, перебивая Миллера, - позвольте принести первым свои поздравления со столь знатной удачей. Будучи соратником вашим на ниве учености, радуюсь сему открытию неожиданному и льщу себя надеждой, что оно прольет свет на сию туманную страницу гиштории российской и вместе с тем прославит и ваше высоко достойное имя. - Он подошел к Миллеру, взял его руки и энергично встряхнул их несколько раз.

- Благодарю вас, Иоганн, благодарю за добрые слова, - сказал Миллер, - но выслушайте меня до конца. Ведь вы сами просили о разъяснении сего документа, не так ли?

- Поистине, штиль изложения его столь необычен, что я не постиг всей его значительности и вряд ли постигну без вашей помощи, - закивал головой Гмелин.

- В таком случае я охотно попытаюсь раскрыть смысл и содержание отписки Семена Дежнева. Ведь открытие, невольно сделанное мною, важное значение, я полагаю, иметь будет, ибо раскроет доподлинно то, что было сокрыто от глаз и умов людских в здешних архивах изрядно долго. - Миллер взял со стола челобитную Дежнева, пробежал ее глазами и отложил в сторону. - Читать вновь сие нет надобности, я помню все отменно хорошо. Вот что говорится в сем гисторическом документе, ни более ни менее.

Двадцатого июня года 1648 шесть к очей (а коч - это плоскодонное палубное судно, которое ходило на веслах под парусом, но только при попутном ветре) отплыли из Нижнеколымска, что в нижнем течении реки Колымы. Они направились на восток для промысла моржовой кости. Среди

участников сего предприятия был казак Семен Иванович Дежнев, коему принадлежит найденная мною отписка, приказчик Федот Алексеевич Попов и другой люд, казаки и промышленники.

В одну из многочисленных бурь, которые им пришлось преодолеть, кочи разметало по морю, и Дежнев потерял своих спутников, пребывавших на других суденышках. Долгое время носило их по бушующему морю, пока не выбросило на берег южнее устья реки Анадырь, - Миллер сделал паузу и, со значением подняв палец, заметил: - Далее следует самое важное. В отписке говорится, что на пути от Колымы до Анадыря есть нос (так он именует мыс), коий выдается далеко в море, а супротив него виднеются два острова, на коих проживают чукчи. Те чукчи носят украшения из моржовой кости в губах, прорезанных для такой нужды. И находится тот мыс между севером и востоком, и отличить его можно по речке, коя впадает там в море. И от того мыса до реки Анадырь хорошего хода трое суток, - Миллер посмотрел пытливо на Гмелина и спросил: - Теперь вы понимаете, любезный друг?

- Не совсем, - смущенно промямлил Гмелин, разводя руками.

- Майн готт! - воскликнул взволнованно Миллер. - Но это так ясно! Сия отписка свидетельствует с полной очевидностью, что казак Семен Дежнев с товарищами обогнул с востока Азиатский континент и проплыл проливом, отделяющим Азию от Америки, а нос или мыс суть восточная оконечность Азии - другого вывода я сделать не могу.

- О, это есть величайшей важности обстоятельство!- вскричал Гмелин, вскакивая из-за стола и устремляясь с распростертыми объятиями к Миллеру. - Это замечательно, и я еще раз поздравляю вас, добрый Друг, с удачей. Воображаю, как примут это известие в Петербурге.

Довольная улыбка не сходила с губ Миллера - он прекрасно осознавал важность сделанного им открытия.

* * *

1898 год. Петербург. Зад заседаний Русского Географического общества полон. Участники заседания занимают места, переговариваясь между собой, после перерыва, во время которого кто выкурил сигару, кто перекусил в буфете, кто успел переговорить по делу с коллегами.

Председательствующий звенит колокольчиком, устанавливая

тишину.

- Господа! - говорит он. - Нам еще предстоит обсудить ряд вопросов, касающихся организации экспедиции во Внутреннюю Азию, но прежде мне хотелось предоставить слово нашему уважаемому собрату, Юлию Михайловичу Шокальскому, который намерен внести на ваше рассмотрение и решение весьма интересное и заслуживающее внимания, на мой взгляд, предложение. - Он делает знак Шокальскому, и тот легкой походкой поднимается на трибуну. Вид у него сосредоточенный и несколько торжественный.

- Господа, - говорит Шокальский, обводя зал горящим взглядом, - двести пятьдесят лет назад, год в род, было совершено одно из величайших географических открытий всех времен. Наш с вами соотечественник, Семен Иванович Дежнев, уроженец Великого Устюга, и его немногочисленные товарищи сумели проплыть на утлых суденышках от устья реки Колымы на восток, обогнули Чукотский полуостров и вышли из Северного Ледовитого океана в Тихий. Это беспримерное плавание в трудных ледовых условиях не только продемонстрировало мужество и упорство наших предков в чрезвычайных обстоятельствах, но и привело к огромного значения открытию - было доказано существование пролива между Азией и Америкой. С тех самых пор крайний азиатский мыс на востоке получил название Восточного… - Шокальский повернулся к председателю, потом обвел взглядом сидящих в зале. - Не кажется ли вам, господа, что давно настало время воздать должное нашим предшественникам?! - Эти горячие слова, брошенные оратором в зал, были встречены аплодисментами и криками: "Правильно! Правильно!" Шокальский протянул руку, успокаивая аудиторию, и, когда воцарилась тишина, продолжал:

- Да, господа, я убежден, что мы поступим только справедливо, если здесь, сейчас примем решение переименовать мыс Восточный в мыс Дежнева…

Снова вспыхнули аплодисменты, прокатившиеся по всему залу.

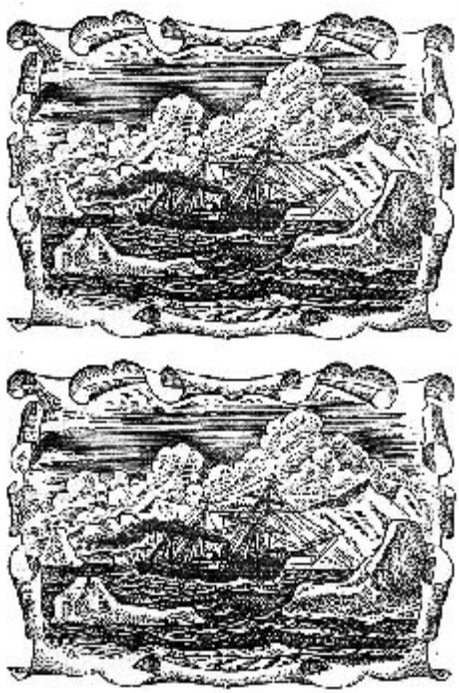
- Кстати, еще двадцать лет назад такая мысль была высказана всеми нами уважаемым господином Норденшельдом, столь успешно прошедшим Северным морским путем. Предложение, которое я выношу на ваше рассмотрение, хоть и несколько запоздалое, но необходимое. Мы должны, мы обязаны сделать то, что не сделали наши предшественники. Почему они так поступили - не нам судить, но мы должны исправить эту ошибку как можно скорее.

Последние слова Шокальского сопровождались

аплодисментами и одобрительными репликами. Оратор покинул трибуну, удовлетворенно улыбаясь. Пока он добрался до своего места, ему пришлось пожать немало рук.

По требованию всех присутствующих тут же состоялось голосование, итогом которого было единогласное решение переименовать мыс Восточный в мыс Дежнева.

Северным морским



Северным морским

Северный морской путь!

С давних времен люди мечтали пройти этим кратчайшим морским путем из Европы в страны Востока - Японию и Индию. Сколько жизней было отдано ради того, чтобы преодолеть все препятствия и пройти на корабле сквозь стужу и леденящие ветры, сквозь загроможденный льдами Северный Ледовитый океан!

Миновали столетия, но ни одному смельчаку не удалось осуществить эту мечту. А их было много - отважных, целеустремленных, рисковавших всем ради поставленной цели.

Наступила вторая половина XIX века.

* * *

Осенью 1868 года в зале городской ратуши норвежского города Тромсе было многолюдно и шумно.

Советники магистрата, судовладельцы, капитаны торговых кораблей, многочисленная молодежь - все заполнившие зал в этот вечерний час внимательно слушали человека, который с увлечением рассказывал о Сибири, ее природе, неисчислимых богатствах и приводил множество убедительных доводов в пользу налаживания постоянного морского сообщения с этим удаленным от Европы краем через Баренцево и Карское моря.

- Поймите меня правильно, господа, - говорил он. - Я - деловой человек, и мне не пристало заниматься бесплодными мечтаниями, - он широко улыбнулся, - и занимать ваше драгоценное время, ибо вы также деловые люди. Выгоды, которые сулит плавание кораблей с товарами Северным путем до Енисея, а затем вверх по реке, настолько очевидны, что не нуждаются в доказательствах. Ведь это, бесспорно, самая короткая и самая дешевая дорога из Европы в Сибирь. И я настолько убежден в этом, что решил учредить из своих личных средств капитал в четырнадцать тысяч рублей, предназначенный в качестве премии тому, кто первым сумеет добраться морем до устья Енисея.

Оратор сделал паузу, обвел глазами аудиторию, как будто хотел убедиться в произведенном его речью впечатлении на слушателей, и продолжал:

- И вот я разъезжаю по странам Европы, с тем, чтобы заинтересовать в задуманном мной предприятии людей, способных отважиться на такой поход. Я побывал в Англии, Финляндии, теперь я приехал к вам, потому что норвежцы - превосходные моряки и смелые люди, плавание в северных морях - ваша стихия. И я говорю вам: решайтесь! Вас ждет успех, вас ждет слава! Наконец, вы получите крупное денежное вознаграждение! Вы проложите новые торговые пути! Решайтесь же!

Последние слова оратора были встречены слушателями одобрительным гулом. Сидящие в зале вдруг зашевелились, поворачиваясь друг к другу и обмениваясь репликами по поводу только что услышанного.

Один из них, человек лет тридцати, е правильными чертами лица и пушистыми усами, опоздавший к началу лекции, наклонился к своему соседу и спросил:

- Кто это? Кто этот человек? Все, что он говорит, весьма любопытно и безусловно заслуживает внимания.

Сосед, пожилой моряк, обернулся к спрашивающему, и глаза его округлились от удивления.

- Как? Это вы, господин Нарденшельд? - вполголоса произнес он. - Вы уже вернулись со Шпицбергена?

- Как видите, - улыбнулся Норденшельд. - Но обо мне потом.

Ради бога, удовлетворите мое любопытство и ответьте на мой вопрос.

- Извольте, - пожал плечами моряк. - Этот господин - русский промышленник Сидоров. Он давно уже ратует за освоение Северного морского пути, но пока без особого успеха… Эх, будь я помоложе, не задумываясь согласился бы…

- Вы знакомы с господином Сидоровым? - нетерпеливо перебил его Норденшельд.

- Да, - кивнул моряк, - мне приходилось с ним встречаться.

- В таком случае прошу оказать мне услугу и познакомить с господином Сидоровым, - продолжал Норденшельд. - Я непременно должен переговорить с этим человеком.

- Охотно, - ответил моряк, добродушно поглядывая на собеседника. - Уж не собираетесь ли вы откликнуться на его предложение?

- Пока не знаю, но все может быть, - неопределенно сказал Норденшельд.

Моряк выполнил свое обещание. После окончания лекции он представил Сидорова и Норденшельда друг другу, и между ними завязалась оживленная беседа.

Сидоров, который давно уже с пристальным вниманием следил за всеми полярными плаваниями, был наслышан о молодом шведском ученом и исследователе Адольфе Эрике Норденшельде, успевшем уже совершить четыре плавания к берегам Шпицбергена и сделать немало важных наблюдений и открытий на этом суровом арктическом архипелаге.

Так, участвуя в первой экспедиции на Шпицберген, Норденшельд делает крупное открытие во время маршрутов вдоль западного его побережья. Он находит растения третичного периода, хорошо сохранившиеся в ископаемом состоянии. Находка эта способствовала раскрытию прошлого арктических земель. Климат Шпицбергена, оказывается, в те далекие геологические времена был далеко не таким суровым, как теперь. На его земле произрастали платан, бук и даже магнолия. Норденшельдом были обнаружены также напластования, относящиеся к каменноугольному периоду, что свидетельствовало о возможности обнаружения здесь значительных месторождений каменного угля. Такого рода прогнозы, высказанные Норденшельдом, впоследствии подтвердились, и сегодня на Шпицбергене ведутся промышленные разработки каменного угля.

Во втором своем плавании к берегам Шпицбергена исследователь большую часть времени посвятил изучению ледникового покрова архипелага.

Во время четвертой экспедиции была предпринята попытка достигнуть берегов северной Гренландии, однако стоявшие на пути льды не позволили осуществить задуманное. Тогда Норденшельд решил использовать в качестве помощников собак и оленей. Он покинул корабль, добрался до Гренландии и попытался пересечь остров с запада на восток, но, в связи с тем, что запасы продовольствия подходили к концу, ему пришлось возвратиться, не осуществив своего намерения.

Да, это был опытный, смелый и целеустремленный полярный исследователь. Русский промышленник обладал умением быстро и безошибочно оценивать способности и качества людей, и он сразу уразумел, что Норденшельд именно тот человек, который может осуществить его замысел. В разговоре он не один раз давал понять своему собеседнику, что чрезвычайно рад знакомству с ним и надеется на его продолжение. В заключение беседы, которая длилась более часа, Сидоров попросил Норденшельда подумать самым серьезным образом над его предложением и сообщить о своем решении письменно.

Прошло семь лет. За это время Норденшельд успел в пятый раз побывать на Шпицбергене, куда он отправился с целью организации там постоянной полярной научной станции. Когда он вернулся в Швецию, его ожидало там очередное письмо Сидорова, который убеждал Норденшельда решиться наконец и принять его предложение относительно экспедиции к устью Енисея.

И Норденшельд решился.

В 1875 году небольшое парусное судно с символическим названием "Превен" ("Попытка") направилось в Баренцево море. На борту его кроме Норденшельда находились два ботаника, два зоолога и семнадцать членов экипажа.

Погода и ледовая обстановка благоприятствовали мореплавателям. Правда, попытка проникнуть в Карское море через пролив Маточкин Шар не увенчалась успехом, так как внезапно подувший сильный ветер вызвал на море сильное волнение и нагнал крупные льдины, загромоздившие пролив. Пришлось направиться на юг и через пролив Югорский Шар войти в Карское море, которое до самого горизонта было свободно ото льда.

На всем дальнейшем пути к устью реки Енисей никаких препятствий не встречалось, и, обогнув полуостров Ямал и полуостров Гыдан, судно вошло в Енисейский залив и бросило якорь в бухте одного из островов, которому Норденшельд дал имя Диксона, шведского мецената, финансировавшего его во всех предшествующих экспедициях на Шпицберген и взявшего на себя

часть расходов и по этой экспедиции.

Оставив судно у острова Диксон (оно должно было возвратиться тем же путем, каким пришло сюда, в Швецию), Норденшельд в сопровождении пяти человек направился на небольшой шлюпке к устью Енисея и, достигнув его, поплыл вверх по течению реки. Вскоре им удалось пересесть на пароход и на нем добраться до Енисейска.

На родину Норденшельд возвращался через Россию. Повсюду его встречали гостеприимно и радовались его успеху.

Впрочем, так думали далеко не все. Раздавалось немало голосов, подвергавших сомнению успех экспедиции.

До Норденшельда доходили скептические оценки, высказывания о случайности удачи. И поэтому, когда в одной из бесед, в которой, кстати, принимал участие известный русский золотопромышленник Сибиряков, Сидоров спросил Норденшельда: "Каковы ваши дальнейшие планы?" - он не задумываясь ответил:

- В будущем году я намерен повторить пройденный, маршрут. Это необходимо сделать, чтобы доказать всем сомневающимся, что наш нынешний успех не случайность. Лично у меня в этом нет никаких сомнений. Полагаю, что господин Диксон и на сей раз согласится оказать мне денежную помощь…

- Господин Норденшельд, - прервал его Сибиряков, - вы имеете в моем лице большого вашего почитателя и не менее большого ревнителя налаживания морской торговли через северные моря. Покорнейше вас прошу помнить, что я готов с превеликой охотой участвовать в субсидировании вашей новой экспедиции.

- Благодарю вас, господин Сибиряков, - произнес Норденшельд. - Я не забуду ваших слов, обещаю вам.

* * *

Летом следующего 1876 года Норденшельд повторил свой маршрут к устью Енисея. Попытка оказалась столь же успешной, как и предшествующая. На этот раз в его распоряжении был пароход. Мореплаватели прошли из Баренцева моря в Карское через пролив Маточкин Шар, где им встретились тяжелые льды. Но это препятствие не оказалось непреодолимым, и, обойдя льды с южной стороны, пароход благополучно достиг енисейского устья.

Сомнениям, скептицизму, неверию не осталось места. Морской путь из Европы к северным берегам Сибири стал очевидностью.

Но Норденшельд не собирался успокаиваться на достигнутом. У него зрел новый проект, осуществление которого было давнишней мечтой многих и многих ученых, государственных деятелей, мореплавателей.

В письмах к своему соотечественнику Оскару Диксону и русскому золотопромышленнику Сибирякову, финансировавшим его последнее плавание, он писал:

"Основываясь на опыте моих двух плаваний к устью реки Енисей и используя знания, приобретенные за это время, а также изучив самым тщательным образом прежние, в особенности русские, исследования северного побережья Азии, я полагаю себя вправе считать установленным, что путь, которым я два года подряд свободно проходил до устья Енисея через Карское море, пользовавшийся до этого такой дурной славой, вероятно, свободен и на дальнейшем своем протяжении до Берингова пролива и что, таким образом, возможно плавание вокруг Старого Света. Если вы разделяете мое убеждение, согласитесь, что такое предприятие явится достойным продолжением уже сделанного нами. Ваша моральная и материальная поддержка - вот все, что мне нужно, чтобы пуститься в путь".

И Диксон и Сибиряков живо откликнулись на предложение Норденшельда. Они охотно согласились финансировать экспедицию в необходимых размерах. Материальную поддержку Норденшельд получил также и от короля Швеции Оскара II.

Началась деятельная подготовка к плаванию. В то время как капитан Паландер руководил работами по переоборудованию китобойного парохода "Вега" водоизмещением в 357 тонн, имевшего паровую машину в шестьдесят лошадиных сил и парусную оснастку, а также специальную ледовую обшивку, Норденшельд подбирал экипаж судна и ученых разных специальностей, которые смогли бы вести во время плавания необходимые научные наблюдения. Под его пристальным вниманием приобретался необходимый провиант и запас лекарств, могущий понадобиться в походе.

21 июля 1878 года полностью снаряженная и готовая к дальнейшему плаванию "Вега" покинула шведский порт Гётеборг. Пароход шел в сопровождении трех судов, приобретенных в Швеции Сибиряковым и предназначенных для плавания по сибирским рекам - Енисею и Лене.

Корабли без каких-либо приключений пересекли Баренцево море, подошли к Новой Земле и через пролив Югорский Шар

проникли в Карское море, которое оказалось свободным ото льда на всем их пути до Енисейского залива.

Погода была теплой, и над морем висела пелена тумана. Пришлось дожидаться, пока туман рассеется, чтобы войти в бухту острова Диксон.

После непродолжительного перерыва флотилия двинулась дальше на восток. В ее составе оставалось лишь два судна - "Вега" и небольшой пароход "Лена", предназначенный для плавания по одноименной реке. Два других корабля - пароход "Фразер" и парусник "Экспресс"- остались в бухте острова Диксон, ибо их маршрут лежал вверх по Енисею. Им предстояло доставить торговые грузы в южную, заселенную часть Сибири.

Едва остров Диксон скрылся вдали, появились плавучие льдины, хотя и разрозненные, но, тем не менее, представлявшие значительную опасность для кораблей, которым приходилось лавировать между ними чуть ли не на ощупь из-за непрерывных туманов. Флотилия медленно продвигалась на восток, часто делая вынужденные остановки.

Вот уже остался позади мыс Челюскин на полуострове Таймыр, самая северная оконечность Азиатского материка. Отсюда Норденшельд решил следовать к Новосибирским островам напрямик, а не вдоль побережья, как они следовали прежде. Некоторое время суда шли строго на восток, но льды и густые туманы вынудили мореплавателей изменить курс и вновь приблизиться к берегу в поисках чистой воды.

В последних числах августа, обменявшись прощальными гудками, пароходы расстались: "Вега" продолжила плавание на восток, "Лена" же повернула на юг, к дельте реки Лены, проход в которую ей еще предстояло отыскать.

Между тем с каждым днем плавание становилось все более трудным. Льды то обступали корабль со всех сторон, то вдруг расходились, давая ему проход. Чтобы пробиться сквозь льды, нередко приходилось пускать в ход топоры и ледорубы.

Был уже конец сентября. Мороз все усиливался. С трудом преодолевая сопротивление льдов, "Вега" подошла к Колючинской губе.

Незадолго до этого произошла первая встреча мореплавателей с чукчами (6 сентября), как раз в то время, когда корабль огибал мыс Шелагский. "Вдалеке показались две лодки из кожи, - вспоминал впоследствии Норденшельд, - они были набиты смеющимися и болтающими туземцами - мужчинами, женщинами, детьми, криками и жестами выражавшими желание посетить нас. Машину остановили, лодки причалили, и множество одетых в меха существ с обнаженными головами

полезли по трапу на палубу. Было ясно, что они уже прежде видели суда. Начался оживленный "обмен речами", но скоро оказалось, что ни у нас, ни у туземцев нет никакого общего языка. Это было неприятное обстоятельство, но хозяева и гости усердно помогали себе знаками. Сами они себя называли "чукч", или "чаучу".

В ожидании появления благоприятных условий для дальнейшего движения сквозь льды "Вега" укрылась в небольшой бухте, на берегу которой находилось стойбище чукчей.

Шесть дней, проведенные здесь, хотя и обогатили знания путешественников об особенностях жизни и быта местных жителей, но, по всей вероятности, сыграли роковую роль: эта задержка привела к неизбежности зимовки, хотя от Колючинской губы до Берингова пролива было совсем недалеко - около двухсот километров. "Веге" так и не удалось освободиться от ледового плена, в который она попала внезапно, когда никто этого не ожидал. Девять месяцев провели мореплаватели на неподвижном судне, вмерзшем в лед всего в полутора километрах от берега. Их часто навещали чукчи, с которыми сложились самые доброжелательные отношения.

Как-то в начале зимовки, когда Норденшельд стоял на палубе судна вместе с капитаном и зоологом Нордквистом, обсуждая с ними вопросы организации быта экипажа корабля на весь срок вынужденной стоянки, он обратил внимание на то, что зоолог рассеян, то и дело отворачивается от собеседников и что-то разглядывает в направлении берега.

- Послушайте, Нордквист, - тоном, в котором сквозило некоторое недовольство, сказал Норденшельд, - согласитесь, что не слишком вежливо крутить головой вправо и влево, когда с вами говорят, делая при этом вид, будто вы занимаетесь крайне важным делом.

- Ах, прошу прощения, господин Норденшельд, - ответил извиняющимся тоном зоолог, - право, я не хотел этого. Но взгляните, - он протянул руку и указал на группу людей, приближающуюся к судну по льду, - не кажется ли вам, что они тащат на нартах больного человека?

Норденшельд схватил бинокль и несколько мгновений пристально всматривался в медленно двигающуюся кучку чукчей.

- Похоже, вы правы, Нордквист, - наконец отрывисто произнес он, - лежащий на нартах человек совершенно недвижим. Видимо, он без сознания. Паландер, - обратился он к капитану, - распорядитесь, чтобы вызвали врача.

Капитан подозвал знаком стоящего неподалеку матроса:

- Ступай, Олле, позови сюда господина Альмквиста, пусть

быстро берет свой инструмент и поднимается на палубу, видно, ему предстоит работенка.

Матрос побежал выполнять приказание. Через несколько минут на палубе появился доктор Альмквист с саквояжем.

- Что случилось, господа? - спросил он встрево-женно. - Кто-нибудь из наших пострадал?

Норденшельд молча показал врачу на приближающееся шествие и протянул бинокль. Тот покачал головой:

- Благодарю вас, нет надобности, я вижу все невооруженным глазом… Странно, очень странно, - пробормотал он, - они нисколько не торопятся.

Нарты довольно медленно передвигались по льду, влекомые людьми. Человек, лежащий на них, был совершенно неподвижен. Прошло минут десять, прежде чем странный поезд оказался у борта "Беги". И тогда произошло неожиданное: предполагаемый больной как ни в чем не бывало вскочил на ноги и, сделав тащившим его чукчам повелительный знак, быстрым шагом направился к трапу.

Норденшельд недоуменно пожал плечами:

- Нас, видимо, провели. Господин Альмквист, как видите, тревога оказалась ложной, и мы напрасно вас побеспокоили. Можете возвращаться к своим делам, если хотите.

- С вашего позволения, господин Норденшельд, я останусь, - улыбнулся Альмквист. - Хотелось бы познакомиться с нашим гостем. По всему видно, что это важная персона.

Тем временем прибывший легко поднялся по трапу и очутился лицом к лицу с Норденшельдом и его спутниками.

Он был невысок ростом и довольно тщедушен, но одет щегольски - в искусно отделанную орнаментом кухлянку (*Одежда из оленьих шкур мехом наружу*) и держался очень уверенно, даже несколько развязно.

Поклонившись Норденшельду, в котором он каким-то образом распознал старшего начальника, пришелец начал говорить на ломаном русском языке:

- Меня зовут Василий Менка, - объявил он не без гордости. - Я староста здешних людей далеко вокруг, и мое слово для них закон, потому что я облечен всей полнотой власти русскими большими начальниками. Люди меня боятся и уважают, сильно боятся и сильно уважают. Видели небось, - Он махнул рукой в сторону нарт, - как вместо собак люди впряглись в нарты, чтобы доставить меня к вам? - Менка самодовольно усмехнулся и добавил: - Русские начальники меня тоже уважают и доверяют мне все важные дела на Чукотке.

В подтверждение своих полномочий он извлек из-за пазухи

пачку документов и протянул их Норденшельду.

Тот взял их, пробежал глазами и возвратил хозяину со словами:

- Почтенный господин Менка, мы с уважением относимся к вам и вашему посту, и я даже рассчитываю на вашу помощь. Но об этом после, а сейчас я прошу вас в мою каюту, где мы сможем продолжить наш разговор и отведать угощения.

Он проводил гостя в каюту, который тотчас же начал креститься, глядя на висящие на стенах гравюры, однако быстро понял свою ошибку. В качестве подарка он вручил Норденшельду кусок жареной оленины. Тот поблагодарил дарителя и в свою очередь преподнес ему шерстяную рубашку и несколько пачек табака.

- Надеюсь, - сказал при этом Норденшельд, - что господин Менка останется доволен подарками, так как они сделаны от души.

Менка заверил начальника экспедиции, что он очень польщен оказанным ему вниманием. Между тем стол был накрыт, и все приступили к трапезе. Беседа была для путешественников весьма интересной, потому что Василий Менка превосходно знал свой край и его рассказы были предметными и впечатляющими.

Перед тем как проститься, Норденшельд открыл ящик стола ключом с секретом и, помедлив, сказал:

- Почтенный господин Менка, я хочу обратиться к вам с большой просьбой. Вот в этом ящике я сложил письма, адресованные губернатору Иркутской губернии. В них я пишу о том, что случилось с нами во время плавания. Очень вас прошу, господин Менка, перешлите их губернатору в Иркутск, если у вас есть такая возможность. Для нас, участников экспедиции, это очень, очень важно.

Василий Менка, отдуваясь после обильного угощения, заверил Норденшельда, что его просьба будет выполнена незамедлительно.

- Я тотчас же снаряжу упряжку, которая отправится в путь не мешкая, - важно заявил он, прощаясь с гостеприимными хозяевами.

Обещание свое староста оленеводов выполнил исправно. 10 мая 1879 года письма были доставлены в Иркутск, и через несколько дней весть о "Веге" дошла до всех европейских столиц. К этому времени беспокойство о судьбе шведской экспедиции достигло своего апогея, и уже были начаты приготовления для снаряжения поисков экспедиции. Своевременно доставленные письма Норденшельда вызвали радость и успокоение на его родине. Василий Менка был награжден шведским правительством

золотой медалью.

К тому времени, когда о судьбе Норденшельда и его спутников стало известно во всем мире, весна на зимовке уже давала себя знать. И все же из ледового плена "Вега" смогла высвободиться лишь в первой половине июля, то есть через год после своего отплытия из Гётеборга.

Первого июля, вырвавшись из ледовых объятий, "Вега" устремилась вновь на восток. До Берингова пролива оставалось не более двух дней пути.

К исходу второго дня плавания капитан Паландер вызвал Норденшельда на мостик.

- Сейчас будем огибать мыс Восточный, - сказал он с подобающей такому случаю торжественностью.

- Наконец-то! - воскликнул Норденшельд, сияя улыбкой. - Наконец-то, капитан, мы у цели! Итак, нам понадобился ровно год, чтобы пройти Северо-восточным проходом! Каково?

Паландер усмехнулся:

- Целый год! А ведь не застрянь мы на шесть суток в той маленькой бухточке для ваших научных наблюдений, прошли бы весь путь за одну навигацию.

- Не сердитесь, капитан, прошу вас. Вы, конечно, правы, - беззаботно сказал Норденшельд. - Но пусть это обстоятельство не омрачает нашей радости. Все равно я счастлив! - Норденшельд рассмеялся от избытка чувств. - Будьте так добры, Паландер, отдать распоряжение, чтобы на камбузе приготовили праздничный обед. Такое событие непременно следует отметить! - Он дружески обнял капитана за плечи. - Да, вот еще что, чуть не забыл. Хотел бы с вами посоветоваться кое о чем, капитан.

- Почту за честь, - лаконично ответствовал невозмутимый моряк.

- Видите ли, дело вот в чем состоит, - начал Норденшельд не очень решительно, - как бы вам лучше все разъяснить… Впрочем, вот в чем вопрос-Голос его приобрел уверенность. - Как вы отнесетесь к моему предложению переименовать мыс Восточный? Да, да, тот самый, мимо которого мы сейчас с вами проходим?

- Переименовать? - искренне удивился Паландер. - Но чего ради?

- Правильнее было бы сказать: кого ради, - ответил Норденшельд. - Согласитесь, капитан, что нынешнее название не очень-то подходит для крайней восточной оконечности Азиатского материка? Как вы полагаете?

- Признаться, никогда над этим не задумывался, - ответил капитан совершенно серьезно.

- А я задумался и нахожу его совсем невыразительным. И мне

очень хочется заменить это название другим. Что вы скажете, если я предложу назвать его мысом Дежнева в честь отважного русского морехода, двести тридцать лет назад впервые обогнувшего этот мыс, следуя от устья реки Колымы?

Паландер несколько минут размышлял, теребя густые усы.

- Я читал кое-что о русских походах к Тихому океану в семнадцатом столетии и искренне восхищаюсь мужеством и упорством землепроходцев. Право, они заслуживают того, чтобы их имена не остались забытыми.

- Значит, вы со мной согласны? - обрадовался Норденшельд.

Паландер кивнул головой и решительно сказал:

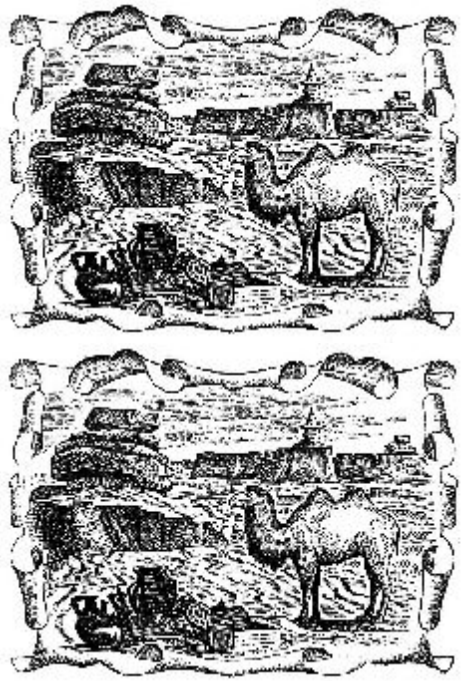
- Это будет только справедливо, насколько я могу судить.

- Превосходно, - воскликнул Норденшельд. - Признаться, я не сомневался ни на йоту в том, что встречу у вас понимание, капитан. Ну что ж, коль скоро мы приняли с вами решение, потрудитесь занести его в судовой журнал. А я в свою очередь запишу в своем дневнике, - он задумался ненадолго, - примерно следующее: "После того как большинство сведущих в мореходстве людей объявили предприятие невозможным, Северо-восточный проход наконец открыт. Это произошло благодаря выдержке, усердию и находчивости наших моряков и дисциплине, поддерживавшейся их начальством; произошло это без единой человеческой жертвы, без заболеваний среди участников экспедиции, без малейшего повреждения судна и при условиях, показывающих, что то же самое может быть повторено ежегодно и выполнено в течение нескольких недель. При таких обстоятельствах нам извинительно, что мы с гордостью смотрим на наш желто-голубой флаг в проливе, где старый мир и новый мир протягивают друг другу руки".

Так было совершено первое в истории сквозное плавание Северным морским путем. Норденшельд и его спутники не только доказали, что оно возможно, но во время путешествия они произвели множество ценных научных наблюдений и сделали ряд открытий.

Одно из таких открытий - острова в восточной части Карского моря, носящие имя Норденшельда.

К развалинам Хара-Хото



К развалинам Хара-Хото

Как это бывает? Как это случается?

Мы часто задаем себе такой вопрос, узнав о каком-либо открытии. Нам кажется или хочет казаться, что любое открытие связано с какими-то необычными, единственными в своем роде обстоятельствами. А на поверку оказывается, что все было довольно буднично, обыкновенно.

Об одном таком открытии, совершенном замечательным русским путешественником, исследователем Центральной Азии, пойдет здесь речь. Козлов был достойным представителем блестящей плеяды исследователей Средней и Центральной Азии, среди которых сверкали имена Семенова-Тян-Шанского, Пржевальского, Певцова, Потанина и многих других.

Соратник и ученик Николая Михайловича Пржевальского, Козлов продолжил дело своего учителя, всецело посвятив себя исследованию Монголии и Тибета. Естествоиспытатель в самом широком смысле этого слова, Петр Кузьмич Козлов оказал науке неоценимую услугу, открыв для нее тайны природы, истории и этнографии исследованных им территорий. А как написаны его книги! Каким ярким языком! Сколько в них истинной поэзии!

Как же все-таки это было? Как было совершено открытие во время путешествия Козлова в Монголию в 1907-1909 годах? Открытие, принесшее ему мировую славу!

Перелистывая страницы его книги, где исследователь подробно описывает все обстоятельства этого путешествия, я мысленно следую за ним в глубь пустыни Гоби, к берегам озера Согонор и реки Эдзин-Гол. Мое воображение живо рисует картины дикой природы, образы монголов, радушно принимавших Козлова и его спутников по экспедиции и помогавших ему во всех его поисках.

Вот одна из таких картин. Урочище Уголцзин-Тологой, ставка местного начальника, князя Балдын-цзасака. Чиновники князя любезно встречают Козлова и вводят в специально приготовленную для гостей юрту. Петра Кузьмича усаживают на мягкое сиденье из ковровых подушек и угощают монгольским чаем (с молоком и маслом), лепешками, сахаром, изюмом.

Спустя некоторое время появляется сам монгольский князь. Он в парадной одежде по случаю прибытия важного гостя из России. После взаимных приветствий начинается разговор.

- Куда направляет свой караван уважаемый русский начальник и в чем он нуждается? - спрашивает князь, медленно произнося слова и чуть шепелявя.

- Я очень рассчитываю на вашу помощь, почтенный Балдын-цзасак, - степенно, как и князь, отвечает Козлов. - Мне крайне нужны проводники, которые бы указали кратчайший путь к реке Эдзин-Гол. Мне понадобятся также и верблюды, которые могли бы доставить нас туда.

- Зачем русскому начальнику идти на Эдзин-Гол? - удивляется Балдын-цзасак. - Туда совсем нет дорог, на всем пути голая пустыня, каменистая и песчаная. Самые отборные верблюды едва ли смогут дойти туда. Трудная дорога, ай-яй, какая трудная дорога! - Князь качает сокрушенно головой и цокает языком. - Но очевидно, у русского начальника есть большой интерес? - Он хитро и понимающе улыбается.

- Еще какой интерес, уважаемый Балдын-цзасак, - смеясь, соглашается Козлов.

- Вы, русские, упорные люди, - задумчиво произносит местный властитель, - и я за это очень вас уважаю. Что хочет найти на берегах Эдзин-Гола господин Козлов?

- По слухам, которые до меня дошли от моих коллег, господина Потанина и господина Обручева, там имеются весьма любопытные развалины старинного города, - поясняет Петр Кузьмич.

- Вот как? - в упор глядя на собеседника, с подозрением

говорит Балдын-цзасак.

- Да-да, кое-какие разрозненные сведения мне удалось почерпнуть из их писем и рассказов, - простодушно продолжает Козлов.

- Да, - важно кивает головой Балдын-цзасак, - в их словах есть доля правды. Я слышал сам о Хара-Хото - так называют этот город - от многих моих людей, побывавших поблизости от него. И если верить тому, что они говорят, там в самом деле есть город, обнесенный стенами, но город этот давно уже мертвый, жителей в нем нет, и его постепенно засыпает песком. Слыхал я и то, что на развалинах тех бывают разные люди, которые раскапывают песок в поисках будто бы спрятанных там богатств. И еще слышал я, что кое-кто и находил кое-что. Если пойдете туда, быть может, и вы что-нибудь важное найдете.

- Значит, я могу рассчитывать на вашу помощь? - спрашивает князя Козлов.

- Я вам помогу верблюдами и людьми, если нужно, - решительно произносит Балдын-цзасак. - Думаю, торгоуты (*Торгоуты - одно из племен западных монголов*) не будут вам препятствовать на пути к развалинам, хотя до сих пор никто из пришельцев не бывал там и торгоуты тщательно скрывают Хара-Хото и старинный путь через этот город. Должен вас предупредить, господин Козлов, что вам придется иметь дело с тамошним торгоут-бэйле, родовым князем. Единственное, о чем прошу вас, не проговоритесь, что я вам сообщил что-либо о городе. Скажите ему просто: "Сам узнал", а Балдын-цзасак по вашей настоятельной просьбе дал вам проводника и верблюдов, чтобы вы смогли добраться до ставки торгоут-бэйле.

Хозяин и гость понимающе улыбнулись друг другу.

* * *

Ненастным холодным утром экспедиция Козлова тронулась в путь. Некоторое время она двигалась на юго-юго-запад в сопровождении князя и его приближенных. Когда настало время расставаться, Балдын-цзасак тепло попрощался с Козловым и его спутниками, шепнув Петру Кузьмичу на ухо: "Прощай, я уверен, что ты попадешь в Хара-Хото и найдешь там немало интересного".

Более десяти дней двигалась экспедиция, не меняя направления, пока не расположилась биваком неподалеку от берега озера Согонор. Устроившись, Козлов направил

переводчика в ставку торгоут-бэйле, чтобы завязать отношения с местным князем. Переводчик Бадмажапов отсутствовал недолго и возвратился с хорошими известиями.

Судя по его рассказу, торгоутский князь в первые минуты разговора проявил суровость и надменность, но вскоре смягчился и заверил посланца Козлова в том, что постарается оказать экспедиции содействие в переходе через Алашанскую пустыню и в поисках развалин города Хара-Хото. Он предложил экспедиции перебазироваться в урочище Торой-онце, которое находилось вблизи его ставки, и послал в помощь ей своего проводника.

Уже расположившись в этом урочище, Козлов вновь послал к бэйле Даши (так звали князя) Бадмажапова с выражением благодарности и с подарками, которые были приняты благосклонно. В ответ Даши прислал юрту и людей, которые должны были прислуживать путешественникам. Одновременно он подтвердил свое обещание прислать проводника для похода в Хара-Хото.

* * *

Маленький отряд из шести человек медленно продвигается по пустыне. Во главе отряда Козлов и проводник Бата, за ними следуют остальные.

Оголенная пустыня, пересеченная во многих местах холмами и поросшая то здесь то там саксаулом и тамариксом, простирается вокруг, насколько хватает глаз.

Солнце по-весеннему пригревает - ведь сегодня уже 19 марта. Ветер дует порывами, то стихая, то усиливаясь. Внезапно налетает буря. Она приводит в движение пески, вершины холмов начинают дымиться. Завихрения песка приобретают причудливые очертания, а затем сливаются в одну массу, которая устремляется на покрытую щебнем равнину. Мириады песчинок заволакивают воздух, слепят глаза, стесняют дыхание.

Буря в разгаре. Вокруг все потемнело, как будто внезапно наступили сумерки. А спустя некоторое время ветер стих так же внезапно, как и начался, и снова все спокойно, воздух очищается, светит весеннее солнце.

Верблюды мерно переступают ногами, высоко неся свои головы. Отряд медленно движется по щебнистой равнине, однообразной и монотонной.

Но вот среди обломков щебня появляются осколки глиняной

посуды, разбитые жернова, следы оросительных сооружений, другие предметы - признаки былой жизни человека.

А вот сухое русло реки, на дне которого разбросаны в беспорядке стволы деревьев, источенные временем и его верными помощниками - песком и ветром.

Чуть поодаль на возвышенном берегу высохшей реки виднеются какие-то развалины.

- Неужели это Хара-Хото? - взволнованно спрашивает Козлов у проводника.

- Нет, хозяин, - качает головой Бата, - рано еще, ехать надо дальше. Потом будет Хара-Хото. Скоро будет Хара-Хото, совсем немного остается.

- Скажи, Бата, - продолжает расспрашивать Петр Кузьмич, - что ты знаешь о тех развалинах, к которым нас ведешь? Что сам видел или что слышал от знающих людей? Ведь тебе доводилось там бывать, не так ли?

- Верно, шибко много раз бывал, хозяин, - охотно отвечает Бата, которому лестно такое внимание со стороны большого русского начальника.

- И что же ты там видел интересного? - задает вопрос Петр Кузьмич в надежде, что почерпнет какие-либо сведения об этих таинственных развалинах.

- Зачем интересное? - Пожимает плечами проводник равнодушно. - Ничего интересного, хозяин, там нет. Людей нет, домов целых нет, жизни никакой нет, один песок кругом.

- А что говорят ваши почтенные старики об этом городе? Почему из него ушла жизнь? Почему он превратился в развалины и когда это произошло? - Козлов не теряет надежды что-нибудь выудить у не очень разговорчивого проводника.

- Старики что говорят? Старики много чего говорят, - невозмутимо отвечает Бата. - От них много чего слышал и от отца много чего слышал…

- Что же ты слышал? Расскажи, пожалуйста, Бата, - просит Козлов.

- Можно рассказать, - продолжает в своей манере говорить Бата. - Хозяин просит, ответить надо. Почему не рассказать. Если хочешь, слушай, как наши старики говорят, они много мудрых вещей знают. Слушай, хозяин, давно это было, совсем давно. Город здесь стоял, Хара-Хото назывался, Черный город, по-нашему. Богатый был город, много людей в нем жило, много домов и храмов строили. Посуду делали, другие предметы делали, землю пахали. Караваны торговые приходили и уходили, товары привозили, товары увозили. Большая торговля была. Сильный был город, большой и богатый город. Войско большое у

владетеля было…

- Что же произошло? - не утерпел Козлов. - Отчего город вымер и превратился в развалины?

- Не торопись, хозяин, и слушай дальше, - продолжал Бата. - Все тебе расскажу, что слышал от стариков. Правил в те времена в Хара-Хото батырь Хара-цзянь-цзюнь. Очень сильный был батырь, очень смелый, очень богатый. Мало было ему владеть Хара-Хото. Начал он сражаться с войсками китайского императора.

Никто не мог победить батыря Хара-цзянь-цзюня, никого он не боялся. Только на этот раз ничего у него не получилось. Раз сражался - не смог победить, второй раз сражался - опять не смог победить, третий раз сражался - бежать пришлось, за стенами Хара-Хото спрятаться с остатками войска своего.

Плохое было его дело, не хватило у него сил победить китайского императора, тот оказался намного сильнее. Но Хара-цзянь-цзюнь был большой батырь и сдаваться не собирался. Решил он, что город его неприступен и что не смогут войска императора одолеть его в городе. Один раз бросались воины императора на стены города, чтобы взять, второй раз бросались - так и не смогли взять город. Сели тогда начальники китайского войска и стали думать.

Народная мудрость гласит: на войне хитрость - сестра храбрости. Думали, думали начальники войска и придумали. Велели они своим воинам наполнить мешки песком и бросить их в реку Эдзин-Гол. А река та обтекала город с двух сторон. Много мешков с песком побросали в ту реку и всю ее наконец перегородили. Потекла река в сторону, а город Хара-Хото остался без воды. Как узнал батырь Хара-цзянь-цзюнь, что нет больше в городе воды, велел тотчас же копать колодец. Все жители города копали. День копали колодец, два копали, много дней копали. Глубокий получился колодец, а воды в нем все не было, хотя на 80 чжан (*Чжан - мера длины, равная 3,5 метра*) выкопали. Опечалился батырь Хара-цзянь-цзюнь и стал долго думать, как ему спастись самому и спасти город. И ничего другого не придумал, как сразиться в последний раз с войсками императора. Но плохое было его дело, не надеялся он на победу.

Стал он готовиться к бою, а перед тем велел свезти к выкопанному колодцу все свое богатство - восемьдесят повозок одного серебра там было - и закопать в колодце. Богатый, очень богатый был батырь Хара-цзянь-цзюнь. Спрятал он свои драгоценности, потом убил своих жен и детей, чтобы не достались они победителям, потом велел сделать дыру в городской стене, потом во главе своего войска бросился на врага.

Ай-яй, смелый был человек батырь Хара-цзянь-цзюнь, очень

смелый человек, но сил было у него мало. Куда ему было против войск императора! Зарубили батыря Хара-цзянь-цзюня, убили всех его воинов, а город Хара-Хото разорили. С тех пор города совсем нет, людей никаких нет, жизни нет, одни голые развалины стен да осколки посуды здесь остались…

- А богатства Хара-цзянь-цзюня? - спросил Петр Кузьмич, жадно слушавший повествование проводника. - Те, что он закопал в колодце? Нашлись они? Ведь с тех пор много лет прошло, наверно?

- Аи, хозяин, какие богатства? - таинственно ответил Бата. - Разве их найдешь, если батырь их заколдовал?

- Значит, их все-таки пытались обнаружить? - настаивал Козлов.

- Зачем не пытались, - согласился Бата. - Кто откажется от такого богатства? Искали колодец, искали серебро. Были люди такие. А что нашли?

- Что же, если не секрет?

- Зачем секрет? Какой секрет? - усмехнулся проводник. - Двух больших змей нашли: одну с красной чешуей, другую с зеленой. Старые люди говорят, что не змеи это, а духи, которые охраняют сокровища батыря.

- Спасибо, Бата, за рассказ, - поблагодарил Козлов проводника. - Он очень любопытен. Скажи, друг, а что за развалины мы видели на берегу сухого русла, мимо которого недавно проехали?

- Говорят, там крепость стояла, а в той крепости находилась стража Хара-Хото.

- Значит, мы уже близки к цели? - взволнованно спросил Козлов, взглянув на часы.

- Смотри вперед, хозяин, и увидишь город Хара-Хото, - невозмутимо произнес Бата, протянув руку чуть вправо.

…Впереди показалась стена. С трепетом Козлов приблизился к ней. Большие ворота как бы приглашали: "Добро пожаловать". Полный предчувствий чего-то необыкновенного, Козлов, сопровождаемый немногочисленными спутниками, проник за таинственную стену.

Печальная картина открылась его взору. Кругом виднелись одни развалины. Посредине этих развалин прослеживалась прямая улица. Когда-то, вероятно, она была главной улицей города, предположил Петр Кузьмич. От этой улицы вправо и влево отходили узкие улочки, вдоль которых, видимо, стояли глинобитные домики, ныне почти доверху засыпанные песком. Кое-где виднелись остатки некогда величественных храмов.

На северо-западе показались развалины большой постройки.

Очевидно, это были остатки дворца властителя Хара-Хото, батыря Хара-цзянь-цзюня.

В восточной части стены находились вторые ворота, - следовательно, в город можно было попасть с двух сторон: с запада, как это сделали путешественники, и с востока.

Все кругом говорило о том, что когда-то город был полон жизни: на его улицах было людно, через городские ворота входили и выходили караваны с торговыми товарами, въезжали и выезжали отряды воинов.

Когда же возник этот город? Какой народ его населял? Почему люди покинули его? Неужели все было так, как гласит рассказанная Батой легенда?

Петр Кузьмич пытливо смотрел вокруг, как бы ища того, кто смог бы ему поведать правдивую историю процветания и гибели этого города. Быть может, думалось ему, сохранились какие-либо свидетельства, письменные разумеется, из которых удалось бы узнать о прошлом этого ныне мертвого, полузасыпанного песком города.

Путешественники с увлечением занялись поисками и раскопками, превратившись на время из естествоиспытателей в археологов.

Первые же усилия увенчались успехом. Очень скоро были обнаружены обломки фарфоровой посуды, потускневшие от времени и источенные песком монеты, бумажные деньги, фигурки, изображавшие богов. И что самое ценное - рукописи и книги с тангутскими и персидскими письменами…

Находок было так много, что понадобилось множество ящиков, чтобы отправить обнаруженные богатства в Россию, в Географическое общество и Академию наук.

Вторичное посещение Хара-Хото Козловым в конце его путешествия дало дополнительные важные материалы, и последующее изучение всех археологических находок позволило ученым не только раскрыть тайну Хара-Хото, но и выяснить множество других интересных вопросов, связанных с историей Центральной Азии.

Вот что удалось узнать о возникновении и гибели этого города.

Хара-Хото был построен очень давно. Первое упоминание о нем под тангутским наименованием Идзин-Ай относится к XII столетию. Принадлежал он к тангутскому государству Си-Ся. Тангуты захватили долину Эдзин-Гола в тридцатых годах XI века. Уже тогда город был довольно крупным торговым центром, к которому сходились караванные пути с востока и запада.

В начале XIII столетия тангутское государство Си-Ся было

покорено Чингисханом. Город был использован в качестве крепости,откуда неоднократно производились набеги на соседние земли. При этом Хара-Хото не утратил своего значения как торговый центр.

Об этом есть упоминания и в записках Марко Поло, знаменитого итальянского путешественника.

Благодаря археологическим раскопкам удалось установить, что во второй половине XIV столетия китайские войска после длительной осады овладели городом, захватив одновременно всю территорию по нижнему течению реки Эдзин-Гол. Город был разрушен до основания.

Почему же все-таки из города совершенно ушла жизнь? На этот вопрос найти определенного ответа не удалось, и остается только строить предположения.

Возможно, основной причиной запустения Хара-Хото, некогда большого многолюдного города, в самом деле послужило то обстоятельство, что осаждавшие город войска отвели, как гласит легенда, русло реки, с тем чтобы лишить жителей воды и взять находящийся в городе гарнизон измором. Такая версия подтверждается тем, что в старом сухом русле реки были найдены остатки запруды и мешков с песком.

Впрочем, есть и другое предположение. Можно допустить, что река Эдзин-Гол в какое-то время сама изменила направление своего течения и понесла свои воды по другому руслу. Такие явления нередко наблюдаются в Средней и Центральной Азии, когда реки пустынь "блуждают", время от времени меняя направление течения. Так случилось некогда с Амударьей, впадавшей в Каспийское море, и с другими реками.

Одно совершенно очевидно: было время, когда река Эдзин-Гол протекала не за десятки километров от Хара-Хото, а в непосредственной близости от него, омывая город двумя рукавами и давая его жителям столь необходимую для них воду. Но вот что-то случилось, река повернула в сторону, город лишился воды. Люди покинули его и ушли туда, где была вода. Ибо вода - это жизнь.

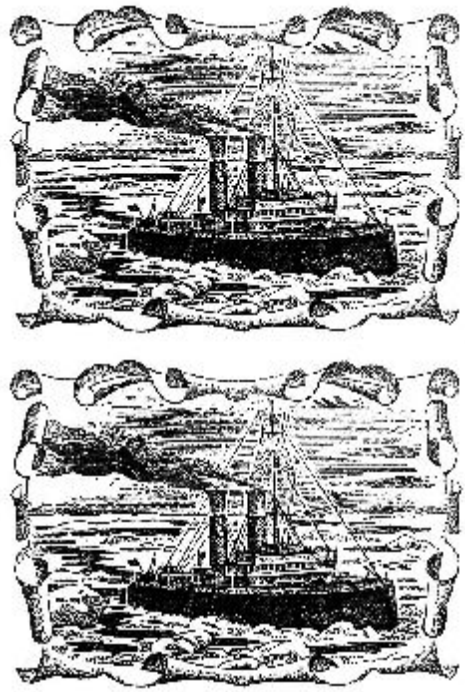
Оставляя развалины города, чтобы продолжать свое путешествие к Тибетскому нагорью, Козлов записал в своем дневнике: "Грустно становилось мне при мысли, что мне суждено покинуть мое детище Хара-Хото. Сколько радостных, восторженных минут я пережил здесь! Сколько новых прекрасных мыслей открыл мне мой молчаливый друг! Невольным образом он расширил горизонт моих знаний, указал чуждую мне до тех пор отрасль науки, к которой я с этой минуты должен направить всю пытливость своего ума".

Возвращение экспедиции П. К. Козлова было встречено восторженно. Русское Географическое общество избрало его своим почетным членом. Английское и Итальянское географические общества присудили ему медали, а Французская Академия наук - премию имени Чихачева (*Чихачев Петр Александровну (1808-1890 гг.) - русский геолог, географ, путешественник. Известен исследованиями Малой Азии, Алтая, других районов*).

В 1910 году Козлов выехал в Лондон, куда был приглашен Английским географическим обществом, чтобы сделать сообщение о результатах экспедиции и археологических открытиях в Хара-Хото. А между тем он уже обдумывал план новой экспедиции в Центральную Азию. Его снова неотразимо влекли к себе таинственные глубины Азиатского материка.

Есть в горах Алтая хребет Табын-Богдо-Ола. Со склонов этого хребта спускается мощный ледник, носящий имя П. К. Козлова. Это единственное географическое наименование, которым увековечено имя замечательного исследователя Внутренней Азии. И право, он заслуживает большего.

Беспокойный адмирал



Беспокойный адмирал

Лейтенант флота Степан Осипович Макаров находился в Севастополе, куда прибыл из Петербурга в распоряжение адмирала Попова. Занимаясь служебными делами, лейтенант пристально следил за ходом политических событий, стремительно разворачивающихся в это время на Балканском полуострове, отчетливо понимая, что война между Россией и Турцией неизбежно вспыхнет в ближайшее время. Не менее ясно понимал он и значение в этой войне Черного моря как арены возможных сражений. Но чем сражаться в море, если по условиям Парижского мирного трактата Россия, потерпевшая поражение в Крымской войне, не имела права держать в Черном море военный флот?

Размышляя обо всем этом, лейтенант Макаров, успевший уже заявить о себе как автор интересных предложений о непотопляемости кораблей, придумал оригинальный способ использования торговых судов для борьбы с военным флотом противника.

С готовым планом осуществления его он не замедлил явиться

к начальству.

В кабинете старшего морского начальника в Севастополе собрались все высшие офицеры - адмиралы и капитаны первого ранга. Они со снисходительным любопытством рассматривали молодого лейтенанта, думая про себя: "Чему может научить этот юный петушок нас, старых и опытных морских офицеров? А ну-ка послушаем, а потом поставим его на место".

Макаров, едва вошел в кабинет, тотчас же почувствовал всеобщее молчаливое противодействие и весь подобрался.

- Ну-с, господин лейтенант, - произнес хозяин кабинета, - мы слушаем вас со вниманием. Только прошу изложить ваше предложение предельно коротко, не растекаясь, как говорится, мыслью по древу, как это и подобает моряку.

Макаров в знак повиновения наклонил голову.

- Ваше превосходительство! Господа! - начал он. - Моя идея в двух словах сводится к следующему. Вследствие скорого начала войны с Оттоманской империей мы столкнемся с необходимостью вести боевые действия против турецкого военного флота. Это неизбежно. В нашем распоряжении имеются только торговые суда, которые в их нынешнем состоянии, даже при условии оснащения артиллерией, не смогут противостоять военным кораблям противника ни по скорости хода, ни по вооружению. С тем чтобы в какой-то степени уравновесить силы, предлагаю оснастить наши самые быстроходные торговые суда катерами, которые по мере надобности будут спускаться на воду и использоваться для минных атак…

- Помилуйте, батенька, - встрепенулся пожилой контр-адмирал, покойно устроившийся в кресле и приготовившийся было задремать, - Это неслыханно и противу всех правил ведения морского боя, коими мы обязаны руководствоваться.

- Может быть, и против правил, как вы изволили заметить, ваше превосходительство, - почтительно, но настойчиво продолжал Макаров, - однако морская война военного флота против торгового тоже не укладывается ни в какие правила. Убежден, что расчетливое использование минных катеров даст немалый военный эффект. Судно с катерами на борту должно быстро и скрытно достигнуть места, откуда намечено произвести атаку, и предельно быстро спустить катера на воду для внезапного и неотвратимого поражения цели - вражеского военного корабля. Главное - быстрота и внезапность, в них залог нашего успеха.

- Позвольте полюбопытствовать, господин Макаров, - растягивая слова, задал вопрос лощеный штабной офицер со знаками отличия капитана первого ранга, - каким способом вы

намерены достигнуть той быстроты, о которой толкуете здесь? Ведь на разведение паров в топках катеров уйдет немало времени, не говоря уже о том, что их надобно спустить на воду, а затем после атаки поднять обратно на борт.

- Я ожидал этого вопроса и готов на него ответить, - непринужденно сказал Макаров. - Полагаю, что ускорение спуска и подъема катеров может быть достигнуто специальной тренировкой и доведением до возможного минимума. Что же до разведения паров в топках минных катеров, то и здесь есть средство ускорить эту процедуру. Для этого понадобится подвести пар от парового котла корабля к котлам катеров, чтобы поддерживать в них достаточно высокое давление даже тогда, когда они находятся на борту.

- Возможно ли это? - с сомнением произнес хозяин кабинета.

- Вполне возможно, ваше превосходительство, - уверенно ответил Макаров. - Я уже произвел необходимые расчеты, посоветовавшись с механиками. Дополнительное оборудование не повлечет больших расходов и может быть осуществлено силами экипажа корабля.

- Пустое прожектерство, - недоверчиво проворчал престарелый контр-адмирал. - Не вижу оснований для дальнейшего обсуждения. Считаю единственно возможным в случае открытия военных действий переоборудование торговых судов обычным порядком: укреплением палубы и установлением возможно большего числа орудий.

Некоторые из присутствовавших кивали головой в знак согласия со словами контр-адмирала, другие выжидающе молчали, поглядывая на старшего начальника.

- Господа офицеры, - откашлявшись, сказал наконец тот после непродолжительного размышления. - При нынешних обстоятельствах, когда мы не располагаем в Черном море военным флотом, положение складывается весьма трудное. И хотя я не очень верю в успех плана, изложенного лейтенантом Макаровым, тем не менее считаю возможным предоставить в его распоряжение пароход "Великий князь Константин" для проверки на опыте его идеи. Соответствующие распоряжения, господа, будут отданы мною незамедлительно. Я вас более не задерживаю.

В декабре 1876 года Макаров приступил к переоборудованию отданного под его команду парохода "Князь Константин". Он энергично взялся за дело, памятуя, что время не ждет и что война может разразиться со дня на день. Каждодневно тренируя команду парохода, он добился того, что катера поднимали на борт не более семи минут, а пары на катерах разводились всего за пять минут.

И когда 12 апреля 1877 года была объявлена война с Турцией, пароход "Великий князь Константин" оказался вполне подготовленным к ведению военных действий.

Первая вылазка к Батуму, где стояли турецкие броненосцы, была неудачной, хотя пароход подошел к порту вечером и, не замеченный противником, спустил минные катера на воду. Под турецкий броненосец была подведена мина, но она не взорвалась - не сработал запал.

Вторая попытка оказалась более успешной. При внезапном нападении турок на порт Сулин минные катера подвели под один из турецких броненосцев мину и подорвали его. Повреждения были настолько серьезны, что турецкий корабль сделался небоеспособным до самого конца войны.

Вскоре последовали новые операции: внезапные нападения на неприятельские порты, на корабли турецкого флота, находящиеся в пути. Эти действия, дерзкие и решительные, привели к тому, что турки вынуждены были прекратить бомбардировки русских берегов из страха потерять свои суда.

Успешные действия "Константина" под командованием Макарова были по достоинству оценены. Степан Осипович удостоился награждения Георгиевским крестом и золотым оружием за храбрость и был произведен в капитаны второго ранга.

Осенью 1879 года Степан Осипович Макаров получил новое назначение - начальником морской группы Ахал-Текинской экспедиции на Каспийском море, возглавляемой генералом Скобелевым, А спустя два года вернулся на Черное море в качестве командира парохода "Тамань", Постоянным местонахождением этого судна был Константинопольский рейд, поскольку оно было предоставлено в полное распоряжение русского посла в Турции,

Новое назначение сулило беззаботную праздную жизнь, но такая перспектива ни в коей степени не устраивала Макарова, энергичного и деятельного человека, и он очень тяготился таким времяпрепровождением, постоянно думая, что пора заняться каким-нибудь полезным делом.

Однажды, обратив внимание на то, как его вестовой, посланный на берег за свежей рыбой, долго о чем-то беседовал с турецкими рыбаками, он не удержался от любопытства и спросил того по возвращении:

- Скажи, Петрович, о чем это ты толковал с рыбаками?

Петрович смущенно хмыкнул и, пожав плечами, ответил:

- Так об чем же нам говорить, ваше высокоблагородие. Оно, конечно, и об жизни, и об улове - одно слово, о всяких разностях,

которые для вас без антиресу.

- Ну, и что же они тебе рассказали? - настаивал Степан Осипович, надеясь хотя бы услышать что-либо новое.

- Всякое сказывали, - неопределенно ответил вестовой, недоумевавший по поводу неожиданного интереса, проявленного командиром к его общению с местными жителями. Понимая, что уйти от ответа ему не удастся, он пояснил:

- Известно, что сказывали. О доле своей несладкой сказывали, ваше высокоблагородие.

- Вот как, - задумчиво произнес Макаров, и на лице его отразилось сочувствие. - И больше ничего?

- Да вроде бы ничего, - развел руками Петрович. - Правда, еще разные сказки рассказывали…

- Какие сказки? - насторожился Степан Осипович, настойчиво глядя на вестового.

- Да так, разные, - небрежно объяснил тот, усмехнувшись презрительно. - Этот самый Юсупка, старый рыбак, баил, будто слышал от стариков, течение нижнее есть в Босфоре-проливе, которое насупротив верхнего прет.

- Как ты сказал? - оживился Макаров. - Старик говорил о глубинном течении, ты не ошибся, часом, Петрович?

- Истинная правда, - перекрестился вестовой. - Только кто его знает, какое оно - глубинное али нет, да есть ли оно на самом деле, ваше высокоблагородие. Полагаю я в рассуждении своем, что все это сказки, брехня… из ума, верно, старик выживает.

- Нет, Петрович, - покачал головой Степан Осипович, - зря ты обижаешь старого рыбака. Быть может, то, что он сказал, соответствует истине, и тогда это приобретает глубокий смысл.

- Вам виднее, ваше высокоблагородие, - охотно согласился вестовой, радуясь, что расспросы окончились.

- Видишь ли, Петрович, - продолжал Макаров, - до меня стороной тоже доходили кое-какие слухи об этом удивительном явлении - глубинном течении в проливе Босфор. Но я не придавал им особого значения до сих пор. - Он потер лоб рукой, потом, видимо, приняв окончательное решение, сказал: - Вот что мы сделаем с тобой, и притом незамедлительно…

Вестовой вытянулся, ожидая приказаний. Макаров между тем продолжал:

- Мы сегодня же проделаем с тобой следующий опыт. Возьмем шлюпку и выйдем в ней в пролив, где и попробуем установить с помощью нехитрого приспособления, существует ли в действительности глубинное течение или же оно плод фантазии твоего Юсупки и ему подобных. Ступай и скажи вахтенному офицеру, что я приказал спустить на воду шлюпку. Пусть

распорядится положить в нее длинный трос и бочонок с балластом. Больше ничего не нужно. Понял?

- Так точно, ваше высокоблагородие, Степан Осипович! - лихо ответил вестовой и бросился выполнять приказание.

Спустя полчаса шлюпка уже направлялась к середине пролива. Когда она достигла намеченного места, Макаров приказал матросам сушить весла и спустить в воду бочонок, прочно прикрепленный к тросу.

Мысль его была предельно проста. Он рассчитывал, постепенно отпуская трос, дать возможность бочонку с балластом опускаться все ниже и ниже. Пока имеет силу поверхностное течение в проливе, направляющееся из Черного моря в Мраморное, оно будет тянуть бочонок, а следовательно, и шлюпку в Мраморное море. В случае если где-то на глубине действительно существует сильное встречное течение, оно неминуемо повлечет за собой бочонок и шлюпку в противоположном направлении.

По мере того как трос отпускался все больше и все глубже опускался бочонок, шлюпка все медленнее двигалась в сторону Мраморного моря. Наконец наступил волнующий момент, когда трос стал вертикально, а затем начал медленно наклоняться в другую сторону. Происходило это с каждой секундой все заметнее, и вот произошло, казалось бы, невероятное - шлюпка двинулась навстречу поверхностному течению.

Сидевшие на веслах матросы ахнули от удивления, а Петрович восхищенно воскликнул, глядя на своего командира:

- Эх, мать честная! Вот это здорово!

Макаров улыбнулся удовлетворенно и сказал своему вестовому:

- Вот видишь, Петрович, оказывается, твой приятель Юсупка не наврал, а сказал истинную правду. Ты теперь сам удостоверился, что нижнее течение действительно существует. Сомнений в этом никаких нет.

- Где уж тут сумлеваться, - согласился вестовой. - Бона как прет шлюпку бочонок супротив верхнего-то течения. - Он произнес эти слова с нескрываемой гордостью, сознавая, что невольно приобщился только что к какому-то важному открытию.

- Поднять бочонок! - скомандовал Степан Осипович.

Чрезвычайно довольный успешно проведенным опытом, Макаров возвратился на свой корабль, обдумывая дальнейшие действия. Природный исследователь, он не удовлетворился проделанным опытом и вознамерился его продолжить, чтобы не только удостовериться в наличии течения, но и выявить кое-какие характерные особенности этого интересного явления.

Несколько дней он тщательно готовился к серии намеченных опытов, которые должны были помочь ему разобраться в явлении всесторонне. Его интересовали температура воды на разных глубинах, ее удельный вес, граница между верхним и нижним течениями и, разумеется, скорость того и другого течения. Не мешкая он послал заказ на приборы, с помощью которых намерен был получить ответы на поставленные вопросы. Ему нужны были батометр (прибор для получения проб воды на заданных глубинах), ареометр (прибор для определения удельного веса воды), термометр и какое-нибудь приспособление для определения скорости течения на разных глубинах. Первые три имелись и использовались специалистами, четвертого не существовало,

В ожидании прибытия заказа Макаров не сидел сложа руки. Он сделал чертеж простейшего батометра и попросил механиков изготовить его. Как только прибор был готов, наблюдения в проливе возобновились. А примерно через два месяца пришли заказанные приборы, и опыты продолжались уже с их помощью. Между тем в свободное время Степан Осипович обдумывал конструкцию прибора, применив который он рассчитывал определить скорость течения на глубине.

За основу он взял пропеллер-крылатку, который под напором течения будет вращаться тем быстрее, чем сильнее само течение. По числу оборотов этого пропеллера, имевшего два крыла, можно было бы определить скорость течения, если удастся фиксировать число оборотов. Но как учесть их количество, если прибор будет находиться на значительной глубине? Каким образом установить наблюдение? В этом состояла главная трудность. И Макаров придумал.

- Ну, Петрович, давай-ка проверим, как будет работать мое приспособление, - сказал как-то Макаров своему вестовому, молча наблюдавшему за действиями командира.

- Не возьму я в толк, Степан Осипыч, - почесывая затылок, произнес Петрович, - чего вы тут соорудили и как эта штука будет с глубины сигналить.

Макаров рассмеялся:

- Я еще и сам не знаю как. Но полагаю, что будет. Видишь эту вертушку с двумя лопастями? Так вот, когда мы ее опустим на глубину, туда, где встречное течение, оно своей силой будет вращать лопасти. Понял?

Вестовой кивнул головой.

- А для того чтобы вычислить, с какой скоростью движется течение, я приделал к середине вертушки вот такой колокольчик. Видишь?

Вестовой опять кивнул.

- У колокольчика стержень с язычком, который через каждые пол-оборота падает вниз и ударяет о колокольчик, производя звук. Чтобы не считать каждые пол-оборота, я на одной его стороне сделал резиновую прокладку. Ну, уразумел?

- Уразуметь-то уразумел, - неуверенно ответил вестовой. - Только непонятно, как звук-то мы будем улавливать. Ведь на глубине он далече.

- Ты прав, Петрович, что задаешь такой вопрос, - похлопал по плечу вестового Макаров. - Но и это попробую тебе объяснить. Дело все в звукопроводности воды. Знай, что в воде звук распространяется в пять раз быстрее, чем в воздухе. А это значит, что если мы с тобой опустим на глубину мой флюктометр, а сами спустимся в трюм и будем слушать, то сможем сосчитать, сколько оборотов сделает вертушка за определенный отрезок времени: сколько раз звякнет колокольчик, столько и оборотов.

Они проделали несколько раз этот опыт, и Макаров получил необходимые данные, которые он скорректировал по возможности с учетом вероятных отклонений.

И вот настал день, когда можно было подводить итоги проделанного. Степан Осипович расположился в своей просторной каюте, и из-под его пера одна за другой ложились на бумагу ровные строчки:

"Когда я убедился, что нижнее течение существует, то захотелось определить точно границу между ним и верхним течением. Когда сделалось очевидным, что граница эта идет по длине Босфора не горизонтально, а с некоторым наклонением к Черному морю, захотелось выяснить это наклонение, наконец, захотелось выяснить подмеченные колебания границы между течениями в зависимости от времени года и дня, от направления ветра и пр. Точно так же было интересно определить относительную скорость течения на разных глубинах и распределение воды по удельному весу.

Сделанные нами наблюдения, хотя и не дают достаточно материала для полного выяснения всех законов, по которым совершается обмен вод между Черным и Средиземным морями, тем не менее могут служить для составления некоторых выводов и обобщений. В Босфоре существует два течения - верхнее из Черного моря в Мраморное и нижнее из Мраморного в Черное. Нижнее течение происходит от разности удельных весов Черного и Мраморного морей. Тяжелая вода Мраморного моря производит на нижние слои большее давление, чем легкая вода Черного моря на тех же глубинах, и это побуждает воду стремиться из области большего давления в область меньшего.

Разность удельных весов происходит оттого, что реки, дожди и пр. дают Черному морю больше воды, чем испарение из него уносит… Имеет также чувствительное влияние количество осадков, температура моря, барометрическое давление и пр.

Вследствие того, что разность уровней двух морей колеблется от атмосферных явлений, верхнее течение, происходящее от этой разности уровней, подвержено большим изменениям. Граница между двумя течениями идет по длине пролива не горизонтально, а наклонно, понижаясь по мере удаления от Мраморного моря к Черному. Количество воды, изливающееся из Мраморного моря нижним течением, относится к количеству воды, вносимой в него верхним течением, как 1 к 1,847. Разность уровней Черного и Мраморного морей должна быть около 43 сантиметров ".

Степан Осипович писал легко и гладко, изредка заглядывая в таблицы, составленные ранее во время наблюдений. Сам того еще не ведая, он закладывал основы новой науки - океанографии.

Плодом произведенных исследований и экспериментов явилась книга "Об обмене вод Черного и Средиземного морей". В 1887 году автор книги был удостоен премии Русской Академии наук.

Океанографические работы Макаров продолжил и приумножил, будучи командиром корвета "Витязь", посланного в Тихий океан. Там в течение длительного времени он производил океанографические наблюдения, итоги которых имели большое значение в мировой океанографической науке. Не случайно на фасаде здания Монакского океанографического института имя "Витязь" поставлено рядом с именами прославленных кораблей, на которых производились важные исследования океана, - "Челленджером", "Гускаром", "Вальдивией".

В последние годы XIX столетия, будучи уже вице-адмиралом и командующим эскадрой Балтийского флота, Степан Осипович увлекся новой идеей - созданием мощного ледокола, который был бы в состоянии преодолевать тяжелые льды Северного Ледовитого океана. Работая над проектом такого ледокола, он лелеял мысль не только совершить на нем исследования арктических вод, но и идти к Северному полюсу.

По его просьбе Русское Географическое общество организовало лекцию, в которой он горячо и убедительно доказывал своевременность и важность выдвинутой им идеи. "Строительство ледокола, - сказал он, - позволит решить три главные задачи. Во-первых, научное обследование огромных просторов Северного Ледовитого океана, во-вторых, обеспечение регулярного сообщения по Северному морскому пути до устья рек

Оби и Енисея в летнее время, в-третьих, открытие регулярного сообщения о Петербургом на пароходах в зимнее время. Ни одна нация не заинтересована в создании ледоколов более чем наша Россия, ибо наши северные по преимуществу моря, скованные льдом долгое время, служат препятствием для судоходства".

Поддержанный такими учеными авторитетами, как Семенов-Тян-Шанский и Менделеев, Макаров сумел убедить министра финансов Витте выделить средства для сооружения ледокола.

Ледокол был построен по проекту Макарова на английских верфях. С вице-адмиралом на борту этот ледокол, названный "Ермаком", направился в Кронштадт. Было это 21 февраля 1899 года. А спустя десять дней корабль был уже в Кронштадте, преодолев без труда встреченные у Ревеля (*Ныне Таллин*) льды. Успех был очевиден, и в Кронштадте "Ермака" встретили восторженно. И буквально в это же время понадобилось вызволить из ледового плена несколько судов в районе Ревеля. Двадцать девять пароходов были освобождены от сковавших их льдов с помощью ледокола и проследовали в Ревельский порт.

В последующие недели ледоколу не раз пришлось оказать помощь многочисленным кораблям, следовавшим в Кронштадт и Петербург. Было совершенно очевидно, что для выполнения одной из трех задач, сформулированных вице-адмиралом, "Ермак" оказался как нельзя лучше приспособленным. Оставалось проверить его качества в условиях Крайнего Севера.

Восьмого мая 1899 года "Ермак" вышел из Кронштадта, а ровно через месяц (с учетом захода в Ньюкасл для осмотра обшивки) он был уже на семьдесят восьмом градусе северной широты.

В пять часов утра стоявший на вахте капитан корабля Васильев обнаружил присутствие в море крупных льдин. Он тотчас же приказал разбудить адмирала.

Степан Осипович не заставил себя долго ждать. Он был, как всегда, подтянут и свеж, хотя его разбудили в ранний утренний час.

Капитан молча указал Макарову на теснившиеся впереди и по сторонам льдины, весьма значительные по размерам.

- Что будем делать, Степан Осипович? - глядя выжидающе, спросил он.

- Не так сразу, дайте поразмыслить хоть немного, - ответил Макаров. - А каково ваше мнение, Михаил Петрович? Небось обдумали уже?

- Страшновато, что и говорить, - пожал плечами Васильев, пристально вглядываясь вперед по ходу корабля. - Впрочем…

- Думается, нам следует отважиться, - решительно перебил

его Макаров. - Для того и пришли мы сюда, не так ли, Михаил Петрович?

- По чести, Степан Осипович, я пригляделся к этим льдам и полагаю, что "Ермак" должен с ними справиться. - Васильев усмехнулся. - И хоть волна, накатывающаяся на лед, крупна, мне кажется, надо действовать.

Макаров еще несколько мгновений размышлял, потом махнул рукой:

- Действуйте, Михаил Петрович, с богом!

Васильев отдал необходимые распоряжения, и ледокол вскоре сблизился с льдами, а затем и вошел в них. Он, не снижая хода, перемалывал или раздвигал льдины.

Макаров и Васильев переглянулись, удовлетворенно улыбаясь.

- Запросите, Михаил Петрович, машинное отделение, как ведут себя машины, - попросил Степан Осипович.

Ответ поступил успокоительный: машины работали в установленном режиме и не показали никаких отклонений.

- А как корпус? - озабоченно спросил вице-адмирал как раз в тот момент, когда огромная льдина со скрежетом зацепила обшивку корабля.

- Наблюдения в трюме показывают, что корпус вибрирует и кое-где даже появилась течь, - через несколько минут доложил капитан. - Не воздержаться ли нам от дальнейших экспериментов, Степан Осипович? - тут же спросил он с тревогой в голосе, опасаясь за судьбу вверенного ему корабля.

- Нд-а-а, - процедил сквозь зубы Макаров. - Ваши опасения, Михаил Петрович, я вполне разделяю. Пожалуй, впредь до укрепления корпуса на удар и давление следует прекратить опыт. А как крошит, как крошит, любо-дорого смотреть! Велите выходить из льдов. Но мы сюда еще вернемся.

- Разумеется, Степан Осипович, - подтвердил Васильев. - Главное, идея ваша оказалась верна. А осуществление ее может и должно быть усовершенствовано со временем.

- Поистине, с плеч свалилось большое бремя - ответственность за исполнимость идеи, - согласился Макаров. - Право, взвесив все обстоятельства, я доволен испытаниями. Пойду к себе в каюту сделать кое-какие записи. А вы, голубчик, Михаил Петрович, прикажите выходить из льдов, - повторил он.

Через месяц поход к Шпицбергену был повторен с большим успехом - в Ньюкасле было произведено укрепление корпуса ледокола. "Ермак" в течение восемнадцати дней пробыл в водах Шпицбергена, пройдя во льдах не менее двухсот миль.

Предпринятая Макаровым в скором времени попытка

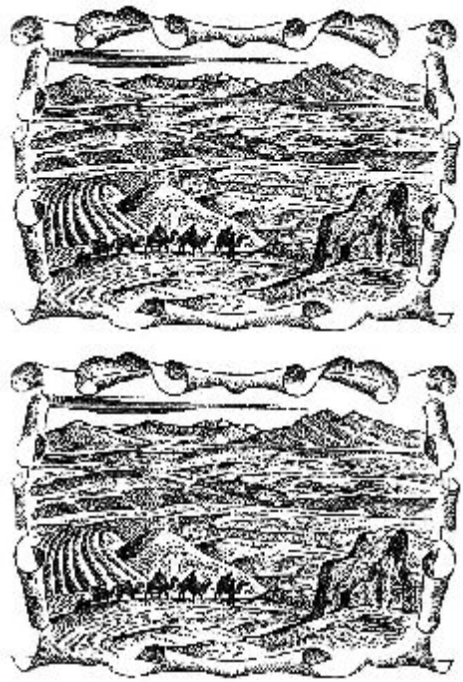
проникнуть на ледоколе в Карское море не удалась. В Петербурге отреагировали на это недвусмысленно: по распоряжению свыше "Ермак" был передан в управление портами для использования на Балтийском море.

В 1904 году началась русско-японская война. Степан Осипович Макаров назначается командующим флотом на Тихом океане. Но всего лишь месяц пробыл он в этой должности: гибель броненосца "Петропавловск" была и гибелью адмирала - корабль подорвался при возвращении в Порт-Артур на японской мине.

Замечательный русский флотоводец С. О. Макаров вошел в историю как автор теории непотопляемости кораблей, новатор минного дела и тактики морского боя, создатель мощного ледокола, продемонстрировавшего на деле необходимость и ценность такого типа кораблей в северных морях. Он известен всему миру как выдающийся ученый-океанограф, одним из первых заложивший основы этой науки.

И хотя он не совершил открытий земель или островов, его имя увековечено в географических названиях. На западном побережье островов Новая Земля не трудно отыскать мыс Макарова, на Курильских островах - хребет Макарова и перевал Макарова, на островах Шпицберген - вершину Адмирала Макарова, на острове Сахалин - гору Макарова и город Макаров, в архипелаге Норденшельда в Карском море - остров Макарова.

Через горы и пустыни



Через горы и пустыни

О путешествиях и открытиях многих замечательных наших соотечественников и зарубежных деятелей мы узнаем, как правило, из книг, написанных либо ими самими, либо другими авторами. Нередко мы зачитываемся этими описаниями, сделанными сочным языком, захватывающе интересно. Но куда более заманчиво услышать рассказы о походах, приключениях и находках из уст самих путешественников.

Тридцать лет назад автор этой книги имел счастливую возможность встретиться и беседовать с известным путешественником, исследователем Сибири, Средней и Центральной Азии, академиком Владимиром Афанасьевичем Обручевым. По долгу службы я приехал на его дачу, чтобы обсудить вопросы, связанные с переизданием его научно-фантастических романов "Плутония" и "Земля Санникова" и опубликованием нового романа "В дебрях Центральной Азии". Представьте себе, ученый с мировым именем, знаменитый путешественник, продолжатель славных традиций Семенова-Тян-Шанского и Пржевальского, писал научно-фантастические романы, которыми зачитывались в свое время мои сверстники, да

и сейчас их читают с не меньшим интересом!

Владимиру Афанасьевичу было в ту пору без малого девяносто лет, но он по-прежнему был полон творческих сил, энергии, бодрости. С юношеским увлечением он рассказывал о былых походах, делился планами, обсуждал со мной, молодым редактором, правку верстки его книг. Знакомство с этим необыкновенно интересным человеком оставило неизгладимый след в моей памяти.

* * *

В 1886 году В. А. Обручеву исполнилось двадцать три года. Позади остались годы учебы в Горном институте, лекции профессоров, их увлекательные рассказы о геологических исследованиях, путешествиях, полных романтики открытиях, неожиданных встречах, поисках и находках. Особенно сильное впечатление на молодого Обручева и его сверстников производили лекции Ивана Васильевича Мушкетова, талантливого геолога, обладающего к тому же даром увлекать студенческую аудиторию своими рассказами о геологическом развитии Земли, о процессах, развивающихся в ее недрах и на поверхности.

Судьбу молодого Обручева во многом предопределило его общение с Мушкетовым, лекции этого выдающегося педагога. Ведь был момент, когда Владимир Афанасьевич заколебался: кончать ли Горный институт или заняться литературной деятельностью, к которой у него проявилась склонность уже в первые годы учебы. Геология, не без помощи Мушкетова, победила. И вот новоиспеченный горный инженер Обручев вместе со своим однокашником Богдановичем чинно шествует по улицам Петербурга, держа путь к дому своего учителя. Иван Васильевич Мушкетов дал знать, что хочет переговорить с ними по весьма важному делу. Молодые люди шли к знакомому дому, догадываясь, что речь, очевидно, пойдет о работе.

Мушкетов встретил своих молодых коллег на пороге кабинета, усадил их в кресла и, посмеиваясь в пушистую бороду, спросил, поглядывая то на одного, то на другого:

- Не кажется ли вам, друзья мои, что настало время применить на практике полученные в институте знания? Не пора ли вам отправиться туда, где ваши знания найдут достойное применение? Что вы об этом думаете?

- Мы только об этом и мечтаем, Иван Васильевич, - пылко воскликнул экспансивный Богданович, а более сдержанный Обручев подтвердил:

- Не для того мы кончали Горный институт, чтобы отсиживаться в Петербурге. Укажите, куда нам должно ехать, и мы не заставим себя ждать.

- Иного ответа я от вас и не ожидал, - ответил Мушкетов удовлетворенно. - Я был уверен, что не ошибся в своем выборе, уважаемые коллеги, когда имел честь пригласить вас в этот дом. - Он достал какую-то бумагу и, глядя в нее, продолжал: - Вам, вероятно, известно, что уже несколько лет генерал Анненков руководит строительством Закаспийской железной дороги и что от берегов Каспийского моря на восток проложено более шестисот верст пути. Условия, в которых работают строители, очень сложны, а далее в сторону Самарканда они ожидаются еще сложнее, потому что дорога должна пересечь юго-восточную часть Каракумских песков. Без помощи геологов там никак не обойтись, а кроме того, весьма важно обнаружить достаточные источники воды для снабжения паровозов.

Генерал Анненков по моему совету решил провести геологическое исследование области, через которую должна пролечь дорога, и попросил порекомендовать ему для этой цели двух специалистов, на которых он мог бы вполне положиться. И я, - Мушкетов бросил лукавый взгляд на своих собеседников, - назвал ваши фамилии, друзья мои, будучи совершенно уверен, что в одно и то же время обеспечил генералу надежных помощников и способствовал осуществлению ваших надежд. Полагаю, я не ошибся?

- Во втором несомненно, - после краткого молчания сказал Обручев и вопросительно посмотрел на своего товарища. Тот энергично закивал головой в знак согласия. - А что касается первого - время покажет.

- Ваше заявление, милый Владимир Афанасьевич, лишний раз подтверждает, что я не ошибся в своем выборе, - рассмеялся Мушкетов. - Буду очень рад познакомиться с материалами, которые вы привезете из-за Каспия после проведения обследований. Кстати, я полагаю, Что вам следовало бы заняться изучением пустынной части территории, тогда как Карлу Ивановичу - горной страной Копет-Даг. Не возражаете против такого распределения обязанностей?

- Нисколько, - в один голос произнесли молодые люди, счастливые открывающейся перед ними перспективой.

- В таком случае, - резюмировал Иван Васильевич, - будем считать, что дело сделано. Приступайте к подготовке в

экспедицию и помните, что двери моего дома всегда для вас открыты и что я готов в любое время помочь вам советом как в части снаряжения, так и по работе.

Обручев и Богданович, радостные, распрощались со своим учителем и долго еще бродили по улицам, взволнованно обсуждая полученное от Мушкетова предложение.

А в августе того же года Владимир Афанасьевич Обручев верхом, в сопровождении двух казаков уже направлялся через Каракумы от Кызыл-Арвата в сторону Чарджоу. За два с половиной месяца ему удалось сделать немало: обследовать большую территорию, включая течение рек Мургаба и Теджена, вплоть до афганской границы.

Осенью следующего года, после того как он отбыл воинскую повинность, сдал экзамен на прапорщика полевой пешей артиллерии и уволился в запас, Обручев продолжил изыскания от Амударьи в сторону Самарканда вдоль строящейся железной дороги, а весной 1888 года вновь вернулся в Кызыл-Арват по железной дороге из Чарджоу, предварительно обследовав Каракумы в южной их части. Из Кызыл-Арвата он предпринял экскурсию к Узбою, высказав впоследствии мнение, что Балхашский Узбой представляет собой не бывший морской пролив, соединявший некогда Аральское море с Каспийским, а высохшее русло реки, ранее служившее для стока излишка воды из озера Сарыкамыш, питавшегося в свою очередь водами Амударьи.

Результаты своих исследований молодой ученый изложил сначала в статьях, а затем в сочинении "Закаспийская низменность", напечатанном в "Записках" Географического общества и удостоенном малой золотой медали Общества. Этим трудом Обручев впервые заявил о себе как о многообещающем ученом и исследователе.

- Ну что ж, - сказал Иван Васильевич Мушкетов, когда Обручев, возвратившись в Петербург, поспешил с визитом к своему учителю, чтобы поделиться впечатлениями от посещения Закаспийского края, - по всему видно, дорогой коллега, что с порученным делом вы справились преотлично. Рад искренне рад! Впрочем, рекомендуя вас, я на иное и не рассчитывал. Да-с! - Он доброжелательно посмотрел на смущенного похвалой Обручева и продолжал: - Кстати, ваши рассуждения о типах песков - барханном, бугристом, грядовом и песчаной степи, а также о возможностях их закрепления весьма любопытны. Они оригинальны, новы и, бесспорно, заслуживают самого пристального внимания. Очень интересны ваши рассуждения и о древнем русле Амударьи. Словом, вы преуспели изрядно, и я не

спрашиваю, довольны ли вы своей поездкой. Я это вижу по выражению вашего лица.

- Чрезвычайно доволен, Иван Васильевич, - пылко произнес Обручев. - И должен заметить, что с охотою продолжил бы там свои наблюдения, но, увы, изучение местности вдоль железной дороги закончено и дальнейшие мои услуги не нужны… - последние слова он произнес с невольной грустью.

- Стоит ли сожалеть об этом, - с сочувствием произнес Мушкетов, - Россия велика, и всегда найдется уголок, где можно будет применить ваши силы и знания, Владимир Афанасьевич, голубчик. - Он хитро посмотрел на собеседника. - Я уже кое-что присмотрел для вас.

Обручев насторожился, нетерпеливо ожидая разъяснений.

- Что вы скажете, к примеру, о работе в Иркутском горном управлении в должности геолога, только что учрежденной? - Мушкетов вопрошающе смотрел на Обручева, читая на его лице колебания и сомнения. - При вашем согласии я готов немедленно рекомендовать вас на это место. Не хочу, боже упаси, влиять на ваше решение, но замечу, что в ведении управления находятся Иркутская и Енисейская губернии и Якутская и Забайкальская области и что вся эта огромная площадь весьма слабо изучена.

- Ничего себе уголок вы мне подыскали, Иван Васильевич, - невольно рассмеялся Владимир Афанасьевич. - Что вам сказать? Разумеется, я согласен, и мне остается только поблагодарить вас еще и еще раз за неизменное ко мне внимание и доверие.

В октябре 1888 года Обручев был уже в Иркутске и приступил к работе в Горном управлении и одновременно включился в деятельность Восточно-Сибирского отдела Географического общества, где вскоре познакомился с известным исследователем Центральной Азии Григорием Николаевичем Потаниным.

За три с лишним года работы в Иркутском горном управлении у Владимира Афанасьевича не было недостатка в делах. Он самым обстоятельным образом осмотрел берега реки Ангары, произвел обследования в горах Прибайкалья, исследовал остров Ольхон на озере Байкал. Немало времени он посвятил также геологическим исследованиям Ленского золотоносного района и других мест. Особое, его внимание привлекло озеро Байкал и природа его образования. В его полевом дневнике появилась следующая запись: "Стоя на высоком нагорье, на краю величественной впадины Байкала, нельзя согласиться с мнением, что эта впадина - результат сочетания продолжительного размыва и медленных складкообразных движений земной коры. Слишком она глубока, слишком обширна и слишком круты и обрывисты ее склоны. Такая впадина могла быть создана только в результате

разломов и трещин земной коры и создана сравнительно недавно, иначе ее крутые склоны были бы уже сглажены, а озеро заполнено его продуктами".

Природа Восточной Сибири все больше и больше увлекала Обручева, и он намечал обширные планы исследования малоизученных, особенно в геологическом отношении, территорий.

Однако пришедшая весной 1892 года телеграмма от президента Географического общества в корне изменила его намерения. Телеграмма содержала предложение принять участие в качестве геолога в экспедиции, возглавляемой Г. Н. Потаниным, во Внутреннюю Азию. Предложение было весьма лестным для Владимира Афанасьевича, так как свидетельствовало о безусловном признании его как незаурядного геолога и исследователя.

Итак, после Средней Азии и Восточной Сибири путь Обручева лежал в области Внутренней Азии, давно уже манившие его своей геологической неисследованностью. Два года длилось это путешествие, принесшее богатейший материал и поставившее Обручева в один ряд с такими прославленными исследователями Центральной Азии, как Пржевальский, Потанин, Певцов.

Зимой 1895 года Обручев возвратился в Петербург, Первый визит его был к профессору Мушкетову, человеку, сыгравшему огромную роль в его становлении как геолога и исследователя.

- Рад видеть вас, мой добрый друг, в полном здравии, - были первые слова Ивана Васильевича. - С нетерпением ожидаю ваших рассказов.

- Все, что мне удалось сделать, описано в моих отчетах, опубликованных в "Известиях Географического общества", - пожал плечами Обручев.

- И все же живое слово не заменишь никакими печатными отчетами, - настаивал на своем Мушкетов.

- Ну что ж, извольте, - ответил Владимир Афанасьевич. - Коротко расскажу о путешествии. Сделано за двухлетний срок немало, а видено и того больше. Не хочу хвалиться, но четырнадцать тысяч километров пути и десять с половиной тысяч километров маршрутной съемки что-нибудь да значат.

- Трудно с этим не согласиться, - подтвердил Мушкетов.

- В начале сентября, отправив семью в Петербург с караваном, отвозившим золото на Монетный двор, я выехал в Кяхту. Оттуда после тщательной подготовки необходимого снаряжения я наконец переправился в Монголию и направился в сторону Урги (*Ныне Улан-Батор*) по караванной дороге, рассчитывая далее этим путем добраться до Пекина. Туда я прибыл в конце ноября и

встретился с Григорием Николаевичем и прочими членами нашей экспедиции, которые меня несколько опередили.

Григорий Николаевич в одной из бесед сообщил мне, что по вашей, Иван Васильевич, рекомендации он поручает мне вести работу самостоятельно, по особому плану, предусматривающему…

- Да, да, коллега, - перебил Обручева Мушкетов. - Я писал подробно относительно вас Григорию Николаевичу и даже решился наметить план, который, к моему удовлетворению, господин Потанин вполне одобрил.

- Этот план, - продолжал Владимир Афанасьевич, - предусматривал возможно более полное знакомство с той частью Внутренней Азии, которую исследовал господин Рихтгофен (*Рихтгофен - немецкий путешественник и ученый XIX века, исследователь Центральной Азии*), производство маршрутной съемки в восточной половине Центральной Азии вплоть до восточной окраины Тибета, где предстояло соединиться с экспедицией Потанина, а затем следование в Восточный Тянь-Шань с окончанием работ в Кульдже.

- Совершенно справедливо, - подтвердил Иван Васильевич, - таковы были в общих чертах мои наметки, и, насколько я могу судить, вам удалось полностью их осуществить.

- Я счастлив, что справился с порученным мне делом. Практически выяснено в основных чертах геологическое строение Монголии в ее восточной и центральной частях, ряда горных хребтов, в частности Восточного Тянь-Шаня. Узнав о смерти жены Потанина, что меня очень опечалило, и о его спешном отъезде после завершения работ, я повернул назад, пройдя вдоль подножия Восточного Тянь-Шаня через Турфан и Урумчи, и закончил работы в Кульдже в октябре 1894 года.

- Право, слушаешь ваш рассказ, дорогой коллега, и создается впечатление, будто все, о чем вы говорили, сделано без особого труда, - невольно улыбнулся Мушкетов. - А между тем какая огромная работа проделана и какая нужная!

Обручев смутился и махнул рукой:

- Можно было сделать и более, не будь обычных для тех условий трудностей, от нас не зависящих. Кстати, о лёссе (*Лёсс - своеобразный тип породы, состоящий из пыли, вынесенной ветрами из пустынь и отложенной на сухих степях*), Иван Васильевич. Склонен полагать, что гипотеза Рихтгофена, трактующая о том, что большая часть Центральной Азии, за исключением низменной внутренней полосы, покрыта лёссовыми отложениями, нуждается в пересмотре. Насколько я могу судить по проведенным наблюдениям, в Центральной Азии нет мощного лёсса и нет

типичных степных котловин, заполненных им. Но об этом более подробно мы еще не раз будем говорить. Эта проблема, на мой взгляд, весьма интересна.

Труд Владимира Афанасьевича был отмечен большой золотой медалью и премией Пржевальского Русского Географического общества, а Парижская Академия наук присудила ему за результаты этого путешествия премию имени П. А. Чихачева.

Дома его ждала новая работа - сначала геологические изыскания для строительства Транссибирской железнодорожной магистрали, а затем - нечто совсем для него новое: он становится профессором геологии и деканом; горного отделения Технологического института, организованного в Томске в начале XX века.

Но и в период педагогической деятельности Обручев не оставлял геологических исследований, которые проводил в районах Енисея, Лены, Кузнецкого Алатау. Не остыл у него интерес и к районам Внутренней Азии. Б результате встреч и бесед со знаменитым австрийским геологом Зюссом во время пребывания в Вене Владимир Афанасьевич намеревался исследовать район между Алтаем и Тянь-Шанем.

И вот наконец ему удалось осуществить свою давнюю мечту. Воспользовавшись летними каникулами 1905 года, он снарядил на средства Томского технологического института небольшую экспедицию в этот район.

В походе Обручева сопровождал нанятый в качестве переводчика Гайса Мухарямов. Он прожил много лет в городе Чугучаке и мог быть полезен также как проводник.

Гайса неотлучно находился при Владимире Афанасьевиче, указывая путь и развлекая его всевозможными рассказами.

- Где-то здесь, - говорил он, когда они достигли хребта Кара-Арат, - должны находиться развалины древнего города, о которых я слышал не один раз от стариков. Что это за город, никто не знает и не может объяснить. Но он существует будто бы на берегу реки Дям, к которой мы приближаемся.

Обручев с интересом прислушивался к словам проводника и зорко поглядывал по сторонам, присматриваясь к окружающей местности.

- Сомневаюсь, чтобы это были развалины города, друг Гайса, - медленно произнес он, покачав головой. - Скорее надо искать разгадку в силах природы, так во всяком случае мне говорили, предупреждая о существовании странных образований в этих местах. Так или иначе любопытно будет взглянуть на них.

- Ждать совсем недолго, - сказал Гайса. - Еще полчаса, и мы будем у склонов Кара-Арата.

Действительно, в скором времени появились низкие, скалистые, почти совершенно голые горы.

- А вот и город! - закричал Гайса, показывая кнутом вперед.

Владимир Афанасьевич пришпорил лошадь, и вскоре путники уже пробирались по оврагам и ложбинам, окруженным сооружениями, напоминающими крепостные стены, башни, диковинные фигуры. Сами овраги и ложбины казались улицами и переулками большого города, некогда процветающего, а ныне разрушенного и обезлюдевшего. Но это только казалось. Обручев смотрел на живописную картину и восхищался великим ее создателем - природой. Искусник ветер тысячелетиями трудился над созданием этого "золотого города", подобно гениальному архитектору творя столбы и башни, вытачивая фигуры, напоминающие сфинксов и других сказочных зверей.

- Ну что скажешь, Гайса? - обратился он к проводнику. - Разве человек создал все это? Разумеется, нет, это же сразу заметно.

Гайса неуверенно посмотрел на Обручева и поцокал в сомнении языком.

Владимир Афанасьевич усмехнулся:

- Хочешь, я назову тебе тех, кто построил все это? Ты их, между прочим, прекрасно знаешь.

Гайса с удивлением взглянул на начальника экспедиции, не шутит ли тот. Но вид у Обручева был совершенно серьезный.

- Творцы всего этого великолепия - солнце, которое нам светит и нас обогревает, воздух, которым мы дышим, и вода, без которой мы не могли бы существовать, - продолжал Владимир Афанасьевич. - И создавали они эти башни, замки, фигуры тысячи и тысячи лет, неторопливо, но солидно и обстоятельно.

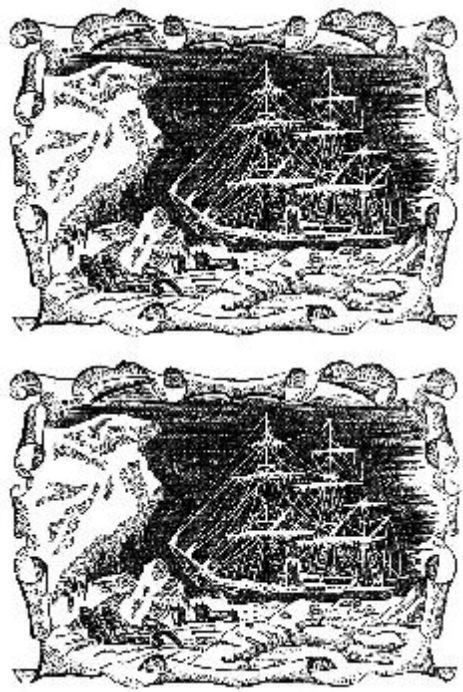
Гайса, раскрыв рот, слушал русского начальника, который уверенно и убедительно говорил такое, чего он прежде ни от кого не слышал. Даже от самых почтенных, умудренных жизнью стариков.

* * *

Слава Владимира Афанасьевича Обручева как ученого и путешественника перешагнула через границы нашей страны и достигла отдаленных уголков планеты. Вклад, сделанный им в изучение Алтая, Восточной Сибири, Центральной Азии, неоценим. И не случайно на географических картах мы найдем ледник Обручева в Монгольском Алтае, вершину Обручева в

хребте Сайлюгем на Алтае и вулкан Обручева в Забайкалье.

Остров, открытый за письменным столом



Остров, открытый за письменным столом

В августовский день 1912 года, пасмурный и дождливый, паровая шхуна "Св. Анна" покидала Петербург. Уже простившись с близкими, все немногочисленные участники плавания столпились на палубе, махая руками. Командир шхуны лейтенант Георгий Львович Брусилов, стоя на капитанском мостике, был взволнован. Он то и дело снимал форменную фуражку и размахивал ею в знак приветствия. Среди отплывавших виднелась необычная для экипажей кораблей фигура молодой женщины, одетой в строгий костюм сестры милосердия. Она держала в руке платочек и то взмахивала им, то прикладывала его к глазам, вытирая невольно выступившие слезы.

Вот шхуна, стоявшая у причала, вздрогнула, послышался шум мотора, из трубы показался дым, и, медленно набирая ход, она двинулась вниз по реке. Все провожающие дружно приветствовали отплытие "Св. Анны", еще раз прощаясь на долгий срок с отважными мореплавателями, задумавшими пройти из Атлантического океана в Тихий Северным морским путем.

Корабль уже отдалился на значительное расстояние, не позволявшее различить отдельные фигуры на его борту, а провожающие все не расходились, будто рассчитывая, что вот-вот шхуна вернется и можно будет снова свидеться с теми, кто их только что покинул.

Между тем в затянутом тучами небе появились кое-где разрывы, сквозь которые проглянуло солнце, дождь прекратился, и от этого стало чуть веселее на душе. "Св. Анна" едва заметным силуэтом виднелась вдали.

Благополучно пройдя Балтийское и Северное моря и обогнув Скандинавский полуостров, шхуна оказалась в Баренцевом море. Отсюда начинался путь по так называемому Северо-восточному проходу.

Первые трудности появились, когда "Св. Анна", будучи уже в водах Карского моря, попала в сплошные льды. Они окружили судно со всех сторон и полностью лишили его маневра. Произошло это у западного побережья полуострова Ямал на семьдесят одном градусе сорока пяти минутах северной широты. Первые дни ледового плена не вызвали особой тревоги, и мореплаватели спокойно занимались обыденными делами, нисколько не сомневаясь в том, что вскоре им удастся освободиться и продолжать движение на восток, как было первоначально намечено.

Лейтенант Брусилов, памятуя, что он намеревался во время плавания заняться и зверобойным промыслом, с тем чтобы плавание приносило не одни только расходы (экспедиция была снаряжена на частные средства), но и прибыли от реализации шкур и жира, приказал вести наблюдения и в случае появления около "Св. Анны" белых медведей, моржей, нерп или тюленей бить их и тут же свежевать и обрабатывать.

В повседневных заботах проходили дни, не принося ничего нового. Ничто не нарушало ледяного безмолвия, обступившего со всех сторон корабль. Торосистые льды, в беспорядке громоздясь один на другой, простирались во все стороны до самого горизонта. Ни ближняя ни дальняя разведки, посылаемые командиром шхуны "Святая Анна", не сообщали ничего утешительного - и за горизонтом на много километров простирались сплошные льды.

Двадцать восьмого октября произошло нечто, взбудоражившее мореплавателей. Многие из них ощутили вдруг, что шхуна пришла в движение. Радоваться этому или печалиться? Что могло привести судно в движение?

Двигатель не работал, мачты шхуны были без парусов. Следовательно, она сдвинулась с места вместе со льдами, ее

окружающими? Что бы это могло означать?

Миновали сутки, и смутные догадки подтвердились. Судя по астрономическим определениям, шхуна продвинулась вместе со льдами на север на расстояние около "мили.

Брусилов и штурман Альбанов, получив результаты определений, понимающе переглянулись.

- Дрейф? - лаконично спросил Альбанов.

- Увы, другого объяснения быть не может, - ответил Брусилов. - Мы над собой уже не властны, остановить это движение невозможно.

- Что же делать?

Брусилов пожал плечами:

- Право, не знаю. Нам остается только терпеливо ждать, когда пленившие нас льды доставят шхуну к Земле Франца-Иосифа или того лучше к Гренландии. Вы обратили внимание, Валерьян Иванович, в каком направлении дрейфуют оторвавшиеся льды?

- Разумеется, - ответил Альбанов, - в северном направлении.

- Так ненароком и на Северный полюс попадем, - мрачно пошутил Брусилов. - И при этом сэкономим уголь для паровой машины. Нет, нет я не вижу оснований для беспокойства, - вдруг повысил он голос, заметив подходившую к ним Ерминию Александровну Жданко, выполнявшую на шхуне обязанности врача, хотя она была только сестрой милосердия.

Альбанов с удивлением взглянул на Брусилова, но, увидев Жданко, все понял и постарался придать лицу беспечное выражение.

- Георгий Львович, - с тревогой глядя на командира шхуны, сказала Ерминия Александровна, - ради бога, укажите мне всю правду. Нам грозит большая опасность?

- Положение серьезное, скрывать не стану, - ответил Брусилов, - но драматизировать его нет пока оснований. Разумеется, мы не в состоянии изменить курс следования "Св. Анны" - это не в наших силах, но предполагать и рассчитывать мы не только можем, но и обязаны…

- И как долго может продолжаться такое положение? - с беспокойством спросила Жданко.

- Кто знает, - пожал плечами Альбанов. - Быть может, несколько месяцев, а то и целый год. Все будет зависеть от ледовой обстановки в Полярном бассейне.

- Не исключено, что и больше, - спокойно сказал Брусилов. - Мы должны быть готовы ко всему, не оставляя надежды на благополучный исход нашего предприятия. Тем более что запасов продовольствия у нас хватит не на одну зимовку, так что в этом смысле беспокоиться нет причин.

- Топлива тоже пока хватает, - подтвердил Альбанов.

- Ах, Георгий Львович, и вы, Валерьян Иванович, послушать вас, так наше положение просто замечательное, - несколько успокоившись, произнесла Жданко.

- А что касаемо здоровья, - продолжал Брусилов, - то оно целиком в ваших руках, Ерминия Александровна, помните это. Здоровье всего экипажа судна, единственная вы наша.

Жданко улыбнулась вымученной улыбкой. Она инстинктивно понимала, что шхуна попала в очень трудное положение, если не сказать опасное. Оставив командира корабля и его штурмана, Ерминия Александровна возвратилась в свою каюту, которая одновременно была и медицинским пунктом, и предалась невеселым мыслям. Ее одолевали недобрые предчувствия.

Потянулись томительно однообразные дни дрейфа. Медленно складывались они в недели и месяцы. Опасаясь, чтобы вынужденное безделье не сказалось отрицательным образом на команде судна, Брусилов жестко требовал от каждого члена экипажа, чтобы тот занимался конкретным делом: механики должны были следить за машиной, смазывать ее части, проверять время от времени ее работу на холостых оборотах, другие занимались уборкой корабля, скалывали образовавшийся лед на такелаже и бортах, а наиболее меткие стрелки выходили на охоту, отдаляясь от шхуны порой на несколько километров. Охота при этом была не просто занятием от безделья, но и очень полезным делом - она давала зимовщикам свежее мясо для еды и жир для отопления и освещения.

Все время, изо дня в день, производились астрономические определения и метеорологические наблюдения, пунктуально заносимые в судовой журнал "Св. Анны". И Брусилов и Альбанов уделяли этой стороне дела очень большое внимание, полагая, что в любом случае, останутся они в живых или нет, журнал должен попасть в руки людей, которые из него узнают не только о судьбе шхуны, но и об особенностях дрейфа льдов в центральной части Арктики и силах, на них влияющих.

Ерминия Александровна Жданко внимательно следила за состоянием здоровья экипажа судна, осматривая всех не реже раза в неделю. Больше всего она страшилась появления цинги, приход которой - она понимала - был неизбежен при таком длительном отсутствии в рационе питания зелени, овощей и других продуктов, содержащих необходимые для поддержания здоровья вещества. Она прилагала буквально героические усилия, чтобы как можно более отдалить появление этой болезни.

Так в повседневных делах кончился 1912 год, а затем медленно и томительно миновал и 1913-й. В апреле 1914 года

шхуна "Св. Анна", пройдя вместе со льдами немалый путь, очутилась на 83С18' с. ш. и 60 в. д. Полтора года уже длился этот дрейф, и конца ему не было видно.

Несмотря на отчаянные усилия Жданко, болезни наступали со всех сторон на ослабевших от лишений и холода людей и первой атаковала их цинга. Многие из команды уже были больны, а другие в любой момент могли подвергнуться заболеванию. Даже Брусилов, воплощение выдержки и стоицизма, в последнее время стал испытывать недомогания, которые тщательно скрывал не только от экипажа, но и от доктора. Дух его был по-прежнему крепок, и своей уверенностью и спокойствием он вселял в своих подчиненных веру в благополучный исход их плавания.

В один из апрельских дней, когда он со штурманом занимался привычным делом, производя астрономические определения широты и долготы, Альбанов вдруг обратился к нему необычно торжественно:

- Георгий Львович, я бы хотел поговорить с вами совершенно откровенно.

Брусилов удивленно взглянул на него:

- А разве до сегодняшнего дня наши беседы не были откровенны?

- Вы не так меня поняли, - замялся было Альбанов, но потом решительно стиснул руки и отчеканил: - Пора, Георгий Львович, взглянуть правде в глаза. Вы понимаете, о чем я говорю: у нас нет никаких шансов на спасение, если только мы будем продолжать сидеть на "Св. Анне" сложа руки и ждать неизвестно чего…

- Я это понимаю не хуже вас, Валерьян Иванович, - спокойно произнес Брусилов с горькой улыбкой. - Что вы предлагаете? Какой выход из положения может быть в нашей ситуации? Если у вас есть что-то конкретное, прошу вас, говорите. И если ваше предложение осуществимо, я первый его поддержу, даю вам слово.

- Выход есть, - решительно заявил Альбанов. - Всем нам надобно покинуть шхуну, забрав все продовольствие и одевшись как можно теплее, и двигаться пешком по льдам к Земле Франца-Иосифа, которая, по моим расчетам, находится сейчас от нас на расстоянии ста шестидесяти километров к югу. Полагаю, что вам это известно не хуже, чем мне. Вот коротко мое предложение. Оставаться на шхуне - все равно что похоронить себя заживо. - Альбанов пристально посмотрел на Брусилова. - И делать это следует незамедлительно, пока расстояние до Земли Франца-Иосифа кратчайшее. Не забывайте, что льды дрейфуют к северу, и каждая минута промедления может обойтись нам очень дорого.

- А как же судно? И больные люди, которые лежат в каютах? -

как бы рассуждая сам с собой, произнес Брусилов. - Нет, Валерьян Иванович, это невозможно. Я не могу оставить судно, будучи его командиром, и тем более людей, мне доверившихся. - Он задумался, и несколько минут никто из них не нарушал молчания.

- Мы сделаем так, Валерьян Иванович, - сказал наконец Брусилов. - Я соберу весь экипаж и объявлю о вашем намерении и о том, что все желающие покинуть шхуну и следовать пешком по льдам к Земле Франца-Иосифа под вашим руководством вправе это сделать и что им не будет с моей стороны чиниться никаких препятствий.

- Что ж, Георгий Львович, - со вздохом сказал Альбанов, - это будет только справедливо. Но, бог мой, неужели нельзя сделать так, чтобы все отправились в этот нелегкий, но единственно сулящий надежду на спасение путь?

- Увы, Валерьян Иванович, - ответил Брусилов, тяжело вздохнув при этом, - то, о чем вы говорите, совершенно невозможно. Дай-то бог, чтобы наиболее крепкие из тех, кто пустится в возглавляемое вами рискованное предприятие, добрались целыми и невредимыми до Земли Франца-Иосифа. Дай-то бог!

На следующий день, выполняя данное им обещание, Брусилов собрал всех членов экипажа и сообщил им о намерении штурмана Альбанова сделать попытку добраться пешим путем до ближайшей земли, которой является архипелаг Франца-Иосифа.

- Друзья мои, - сказал он, - в создавшемся положении я не могу вам обещать ничего, кроме того, что буду делать все от меня зависящее для продления и спасения ваших жизней. Я не оставлю шхуну и буду до последнего часа ее командиром. Таково мое последнее слово, и я хочу, чтобы вы его знали. А затем каждый из вас вправе решать, как ему поступить: остаться на корабле или идти со штурманом по льдам. И то и другое, не стану от вас скрывать, в равной мере опасно. Выбирайте из двух зол меньшее. И помните, как бы вы ни решили, я никогда не буду вас осуждать.

Стоявшая несколько поодаль Ерминия Александровна, всхлипывая, крикнула:

- Неужели, Георгий Львович, вы могли подумать, что я оставлю шхуну с больными и вас? Не бывать этому никогда!

В ее поддержку раздалось несколько голосов, выражавших согласие. Но многие глубоко задумались, понимая, что другого такого благоприятного стечения обстоятельств для попытки спасти жизнь в дальнейшем не будет.

В молчании, не глядя друг на друга, все разошлись.

Три дня спустя покидавшие судно прощались с остающимися.

Вместе с Альбановым решили попытать счастья всего четырнадцать человек. Командир "Св. Анны" предоставил в их распоряжение необходимое снаряжение для долгого и опасного пути и продовольствие, которого должно было хватить при соблюдении строгого режима питания для всех участников пешего похода.

По-дружески простившись со смельчаками, Брусилов передал Альбанову судовой журнал шхуны "Св. Анна" со словами:

- Я надеюсь, Валерьян Иванович, что вам прежде, чем мне, доведется добраться до людей и обрести твердую почву под ногами, поэтому я вручаю вам журнал в надежде, что содержание его будет полезно нашим последователям.

Бросив последний прощальный взгляд на вмерзшую во льды шхуну, которая в течение долгого времени служила им домом, Альбанов со спутниками пустился в путь на юг, туда, где находилась невидимая для глаз и столь желанная земля.

Оставшиеся на судне еще долго стояли на борту, провожая глазами ушедших до тех пор, пока они не скрылись за нагромождением торосов. Опечаленные, притихшие, все разошлись по своим местам и принялись за привычную работу.

Между тем группа моряков во главе с Альбановым все более отдалялась от "Св. Анны". Вскоре трое матросов заявили штурману, что они передумали и намерены возвратиться на шхуну. Он не стал им препятствовать, и в дальнейшем поход продолжали одиннадцать человек.

Три с лишним месяца упорно и неуклонно двигалась на юг эта группа, воодушевляемая единой мыслью, что вскоре удастся достигнуть мест, где можно будет ступить на твердую почву, передохнуть, обогреться и терпеливо дожидаться прихода какого-нибудь корабля, который доставит их на материк.

Но дни проходили за днями, а признаков вожделенной земли не было. Уже давно отшагали путники те сто шестьдесят километров, которые, по определению штурмана Альбанова, отделяли шхуну "Св. Анна" от Земли Франца-Иосифа. И невдомек им было, что пока они медленно преодолевали указанное расстояние, оно возрастало, так как льды дрейфовали, постепенно отдаляясь от архипелага.

Надежда тем не менее не оставляла Альбанова и его товарищей, хотя они испытывали неимоверные лишения и почти все были истощены.

Когда наконец вдали возникли очертания одного из островов архипелага - Земли Александры, было пройдено по льдам не менее четырехсот километров, но Альбанов недосчитывал уже многих своих спутников. А к мысу Флора на острове Норбрук

добрались только двое - сам штурман Альбанов и матрос Кондрат. Остальные скончались в пути, кто раньше, кто позже.

И Альбанов и Кондрат находились в последней степени истощения. И если бы, на их счастье, на мысе Флора в ту пору не стояло судно "Св. Фока", снаряженное Георгием Седовым для достижения Северного полюса, еще неизвестно, удалось ли бы остаться в живых этим единственным представителям экипажа шхуны "Св. Анна".

Обитатели "Св. Фоки" подобрали несчастных, оказали им необходимую помощь (пальцы на руках и ногах у того и другого были обморожены, но не настолько, чтобы им грозила опасность их потерять). Более двух суток проспали они беспробудно. Лишь изредка во сне Альбанов произносил бессвязные фразы, из которых трудно было что-нибудь понять. Участники экспедиции Седова были заинтригованы и с нетерпением ждали пробуждения спасенных, чтобы узнать наконец подробности об этих людях, невесть откуда взявшихся на мысе Флора. Кто они? Какими судьбами их занесло сюда, на край света? К какой экспедиции они принадлежат?

Когда Альбанов наконец обрел способность не только говорить, но и двигаться, он представился и поведал потрясенным слушателям о трагической судьбе шхуны "Св. Анна" с оставшимися на ней людьми во главе с лейтенантом Георгием Львовичем Брусиловым, о гибели своих спутников, согласившихся вместе с ним попытать счастья и добраться до Земли Франца-Иосифа. Педантично, со всеми подробностями он рассказывал, как они прошли по льдам пешком около пятисот километров вместо ста шестидесяти, которые он высчитал, и как он и каждый из шедших вместе с ним надеялся на благоприятный исход рискованного предприятия.

Рассказывая все это, он время от времени тревожно оглядывался по сторонам, как бы пытаясь обнаружить нечто, им потерянное.

- Вы что-нибудь ищете, Валерьян Иванович? - спросил его один из слушателей, молодой ученый по фамилии Визе. - Скажите что, и мы вам поможем.

- Сумка! Где моя сумка? - с беспокойством произнес Альбанов. - Она не могла потеряться. Я прекрасно помню, что она была при мне до самого последнего момента. - Он беспомощно улыбнулся. - Это для меня очень важно.

- Ради бога, не волнуйтесь, - успокоил его Визе. - Ваша сумка в полной целости и сохранности. Она находится в моей каюте. Вы хотите, чтобы я принес ее? Тотчас же?

- Нет, нет, - покачал головой Альбанов, - мне просто надо

было удостовериться в том, что она цела. Ведь в ней находится все, что осталось от нашей шхуны, - он горько вздохнул, а слушатели удивленно переглянулись.

- Вы полагаете, что судьба ее предрешена? - огорченно спросил геолог Павлов.

- Я дорого дал бы за то, чтобы ошибиться, - медленно произнес Альбанов. - Какая это была бы радость! Но… - он сжал руками виски, - им не на что было рассчитывать, только на какую-то оттяжку, не более. Сам Георгий Львович это понимал не хуже, чем я. Не будь этого, он не передал бы мне судовой журнал "Св. Анны", в который заносил записи регулярно изо дня в день, а оставил бы его у себя на шхуне. О нем-то я и беспокоился, когда спрашивал о своей сумке.

- Но это же бесценный документ! - воскликнул Визе, и глаза его разгорелись неподдельным интересом.

- Владимир Юльевич, не откажите в любезности принести мою сумку, - попросил Альбанов.

- Охотно, - ответил Визе. - А что вы намерены сделать с журналом? - не удержался и полюбопытствовал он.

- Вот сначала принесите, - улыбнулся Альбанов, - а потом я отвечу на ваш вопрос.

Когда сумка была принесена и вручена ее хозяину, Альбанов раскрыл ее, достал судовой журнал и протянул его Визе со словами:

- Вручаю вам этот документ. Познакомьтесь с ним. Быть может, он окажется полезен, ибо содержит прелюбопытные сведения об особенностях дрейфа льдов в Полярном бассейне.

Владимир Юльевич поблагодарил и ответил, что самым исправным образом изучит содержание журнала.

* * *

Судовой журнал шхуны "Св. Анна" и в самом деле оказался весьма ценным документом. Анализируя занесенные в него астрономические определения и метеорологические наблюдения, Визе пришел к весьма интересным выводам, носящим более общий характер, нежели все то, что могло относиться непосредственно к дрейфу шхуны.

Это была чрезвычайно кропотливая работа, в результате которой удалось с достаточной степенью точности не только изобразить на карте путь плененного льдами судна, но и

установить, почему в тот или иной период дрейфа "Св. Анна" двигалась в разных направлениях и с разной скоростью.

Этому явлению необходимо было найти объяснение. И оно было найдено после того, как Визе вычислил ветровые коэффициенты, то есть отношение скорости дрейфа к скорости ветра для различных периодов движения шхуны во льдах.

Оказалось, что скорость ветра влияла на дрейф незначительно. А раз так, вероятно, была какая-то другая сила, увлекающая за собой ледяные поля. Этой силой, как удалось установить ученому, были подледные морские течения. Изучение и сопоставление показателей, записанных в судовом журнале, не только объясняло этот сам по себе интересный факт, но и позволяло определить скорость постоянных течений в Карском море. Работая с журналом, Визе в полной мере осознал значение его для полярной науки.

О существенной роли течений в дрейфе льдов свидетельствовало, в частности, и то, что, будучи еще в Карском море, "Св. Анна" прошла вместе со льдами более пятисот миль, из которых две трети расстояния льдами управляли не ветры, а течения, сообщая им соответствующие скорость и направление.

Чем тщательнее вникал Владимир Юльевич Визе в содержание судового журнала, тем яснее ему становилась картина дрейфа корабля и определяющие его силы. И уже приходили на ум мысли о возможности установления некоторых закономерностей в ледовом режиме Карского моря в целом.

Лишь одно обстоятельство ставило его в тупик, не поддаваясь разумному объяснению на первых порах. Он никак не мог уяснить себе, что же произошло в период с 6 июня по 11 сентября 1913 года? Почему на протяжении этих месяцев льды, сковавшие шхуну, проделывали то, что не укладывалось в рамки сложившейся уже стройной теории? Что за сила заставила дрейфующие льды отклониться резко влево, когда по всем данным они должны были отклониться вправо от линии ветра, что совершенно естественно для северного полушария?

Визе ломал голову над этим вопросом, еще и еще раз возвращаясь к записям в судовом журнале и пытаясь обнаружить в них возможные ошибки в астрономических определениях. Но все было безрезультатно - наблюдения были произведены исключительно добросовестно и пунктуально.

И вдруг его осенило. "Боже, - воскликнул он про себя, - какой же я тупица, не мог догадаться о столь простой вещи! Ну конечно же, единственной причиной такого странного явления могло быть только какое-то непреодолимое препятствие, мешавшее льдам двигаться прямо. А что за препятствие могло быть здесь? Земля и

только земля!"

Воодушевленный осенившей его догадкой, Визе, еще раз сверившись с данными судового журнала, нанес на карту контуры предполагаемой суши. Получалось, что она должна была находиться между 79 и 80 градусами северной широты. Внутренне он ликовал. Еще бы! Не каждый день совершаются открытия, да еще таким способом - не выходя из-за письменного стола!

Результаты своих исследований с некоторыми обобщениями и выводами Визе изложил в статье, которая была опубликована в "Известиях Центрального гидрометеорологического бюро" в 1924 году.

Теперь дело оставалось за малым - нужно было подтвердить существование земли в том самом месте, где он ее обозначил на карте Арктики.

* * *

Двадцатые годы XX столетия отмечены активной деятельностью кораблей советского арктического флота в Северном Ледовитом океане, и в том числе в Карском море, наименее, пожалуй, исследованном к этому времени.

В 1923 году научно-исследовательское судно "Персей" достигло Земли Франца-Иосифа. На следующий год была организована экспедиция на остров Врангеля для производства там ряда исследовательских работ и описания его берегов. Одновременно необходимо было сделать еще одно очень важное дело - водрузить советский флаг на острове, чтобы раз и навсегда отбить охоту к самоуправству у иностранцев, облюбовавших этот остров в качестве базы для китобойного промысла в окружавших его водах.

А через два года после этого посещения на острове Врангеля была организована постоянная полярная станция.

В 1928 году ледокол "Красин", ледокольные пароходы "Малыгин" и "Г. Седов", а также научно-исследовательское судно "Персей" участвовали в спасении итальянской полярной экспедиции Умберто Нобиле, пытавшейся на дирижабле достигнуть Северного полюса.

Годом позже арктическая экспедиция на ледокольном пароходе "Г. Седов", возглавляемая Отто Юльевичем Шмидтом, пробилась сквозь льды к Земле Франца-Иосифа и основала

полярную станцию в бухте, которую Седов назвал Тихой, оставшись в ней на зимовку. Не ограничившись этим, экспедиция на "Г. Седове" поднялась выше па север и достигла 82 градуса, что по тем временам было рекордом дальности плавания.

За эти годы в Арктике была уже создана опорная сеть " радиостанций, приступили к разработке ледовых прогнозов, все большую роль стала приобретать полярная авиация.

В последней экспедиции на "Г. Седове" принимал участие и Владимир Юльевич Визе. В беседах со Шмидтом он затрагивал вопрос о необходимости тщательного исследования высокоширотных районов Карского моря. О. Ю. Шмидт разделял точку зрения Визе и после возвращения из плавания намеревался ставить его перед правительством, полагая, что такого рода предприятие будет способствовать планомерному освоению советской Арктики.

* * *

15 июля 1930 года. Архангельск.

Ледокольный пароход "Г. Седов" готовился покинуть порт, чтобы отправиться в очередное ледовое плавание. На борту корабля помимо сорока человек команды во главе с капитаном В. И. Ворониным семнадцать научных сотрудников и тринадцать полярников, которые будут высажены на полярные станции, уже действующие и вновь организуемые.

На мостике рядом с капитаном - руководитель экспедиции О. Ю. Шмидт. Тут же - В. Ю. Визе, он также участвует в экспедиции и, пожалуй, больше всех заинтересован в ее успехе - ведь "Г. Седов" должен, в частности, проникнуть в северную часть Карского моря и проверить его предположение о существовании там неизвестной земли.

На берегу множество людей, пришедших проводить путешественников в Арктику. Из Москвы и Ленинграда приехали корреспонденты и фотокорреспонденты газет и журналов. Фотокорреспонденты непрерывно щелкают аппаратами, а корреспонденты осаждают начальника экспедиции со всех сторон и просят его сказать несколько слов перед отплытием экспедиции.

Шмидт отнекивается, но корреспонденты народ настойчивый, и они добиваются своего. Шмидт откашливается, разглаживает бороду и говорит:

- Этой экспедицией мы вступили в последний год арктической пятилетки. Ленинградский институт Севера, ведущий огромную работу по освоению Арктики, уже провел более ста семидесяти экспедиций. Единственным "белым пятном" на карте является Северная Земля. Если метеорологические и ледовые условия в этом году будут благоприятными, если мы сможем достигнуть этого совершенно не известного, далекого отрезка материка и оставить там для детального обследования изыскательскую партию, то карта и границы гигантской территории Советского Союза будут точно известны.

- Нельзя ли, Отто Юльевич, рассказать несколько подробнее о задачах экспедиции? - последовал вопрос одного корреспондента, представителя столичной прессы.

Шмидт усмехнулся в бороду:

- Извольте. Коротко задачи наши можно изложить следующим образом. Географическое и гидрометеорологическое изучение высокоширотных районов Карского моря. Это раз. Смена и расширение состава полярной станции в бухте Тихой на Земле Франца-Иосифа. Это два. Достижение западного побережья Северной Земли и высадка на нее изыскательской партии. Это три. Вот, пожалуй, главное, что нам предстоит сделать в этом плавании.

Корреспонденты поблагодарили Отто Юльевича Шмидта за четкий и исчерпывающий ответ и перенесли свое внимание на других членов экспедиции. Один из корреспондентов, довольно молодой еще человек, обращаясь к Визе, сказал:

- Мне довелось сравнительно недавно читать вашу статью, товарищ Визе, напечатанную в 1924 году в "Известиях Центрального гидрометеорологического бюро", и должен вам честно признаться, что из всех результатов вашего плавания меня будет более всех прочих интересовать один - подтвердится ли ваше смелое предположение, действительно ли там существует земля?

Визе пожал плечами улыбаясь:

- Хоть это и эгоистично, разумеется, - сказал он, - но и для меня этот вопрос выдвигается на первый план по сравнению со всеми остальными. Что поделаешь, человек уж так устроен.

Корреспондент понимающе кивнул головой и что-то записал в блокнот.

- Я желаю вам, товарищ Визе, счастливого во всех отношениях плавания. Не скрою, я все бы отдал, чтобы присутствовать в тот момент, когда на горизонте появится остров, ваш остров. - Он восторженно улыбнулся, сделал рукой приветственный жест и удалился.

В скором времени прозвучал последний прощальный гудок, все провожающие покинули судно, и "Г. Седов" стал медленно отходить от причала.

Путь его сначала лежал к Новой Земле, где предполагалось взять на борт двух промышленников для пополнения состава полярной станции в бухте Тихой, если, разумеется, они дадут на то свое согласие.

Желающие отправиться на Землю Франца-Иосифа нашлись в районе Белушьей губы. Быстро собрали они свой немудреный скарб и явились на корабль, после чего "Г. Седов" взял курс на север.

Понадобилось несколько дней, чтобы пробиться через ледяной пояс и подойти к бухте Тихой. Еще несколько дней ушло на то, чтобы помочь персоналу полярной станции в строительных работах. В это время часть членов экспедиции занималась обследованием соседних островов.

Оставив на берегу бухты Тихой людей, которые должны были сменить полярников, и взяв на борт отработавших смену, "Г. Седов" отплыл на юг, направляясь снова к Новой Земле. Там, в Русской Гавани, была назначена встреча с ледокольным пароходом "А. Сибиряков", которому надлежало доставить для "Г. Седова" уголь.

Встреча состоялась в условленное время, и, пополнив запасы топлива, "Г. Седов" мог следовать далее намеченным курсом в северную часть Карского моря.

Мореплаватели вступали в неизведанные воды в надежде, что их экспедиция будет успешной.

Покинув 11 августа Русскую Гавань, они двинулись в северо-восточном направлении. Вскоре появились льды, и чем дальше продвигалось судно, тем больше их становилось. "Г. Седов" довольно свободно лавировал между ними, углубляясь на северо-восток.

Неожиданно, когда корабль достиг 79 градусов северной широты, льды стали разреженнее, появились даже разводья, которые никак не предполагалось здесь встретить.

Капитан Воронин, находившийся в это время на мостике, приказал сообщить Визе, что его присутствие наверху крайне желательно.

Владимир Юльевич не заставил себя ждать. Запыхавшись, он поднялся на капитанский мостик.

- Опоздал? - взволнованно спросил он у Воронина.

Тот отрицательно покачал головой и взял Визе под руку.

- Успокойтесь, Владимир Юльевич, я просто решил вас вызвать загодя, потому что уж очень подозрительны все эти

разводья. С чего бы им здесь быть, ума не приложу. Вооружитесь терпением, и будем внимательны.

- Вы правы, Владимир Иванович, - ответил Визе, делая над собой усилие, чтобы успокоиться. - Будь что будет, как говорится. Не хочу обольщаться надеждой раньше времени…

Его слова были прерваны криком сигнального: "Земля! По курсу норд-норд-ост земля!"

- Вот видите, Владимир Юльевич, - произнес торжественно Воронин. - Не зря я вас вытащил наверх. - Он весело рассмеялся. - Ну, поздравляю…

- Где она? - взволнованно воскликнул Визе. - Где она? Я ничего не вижу!

- Да вот же она, Владимир Юльевич, - спокойно ответил Воронин, показывая на открывшуюся впереди полоску темной земли, выделяющейся на фоне неподвижного ледяного припая.

- О да, теперь вижу наконец-то, - вне себя от радости произнес Визе, и из его груди вырвался вздох удовлетворения. - Так значит…

- Так значит, дорогой Владимир Юльевич, - подхватил капитан Воронин, - некто Визе некогда правильно предсказал нечто, а именно существование в этих местах земли, которая…

- Которая отныне, я полагаю, будет носить его имя, - в свою очередь перебил капитана поднявшийся тем временем на мостик Шмидт. Он протянул Визе руку, и они обменялись крепким рукопожатием. - Итак, мы смело можем нанести на карту советской Арктики новый остров Визе. Владимир Иванович, - обратился он к капитану, - примите меры, чтобы была произведена съемка острова. Судя по первому впечатлению, он не должен быть большим. А впрочем, - он остановился на мгновение, - мы сделаем вот что: попробуем завтра его обследовать сами. А, Владимир Юльевич? Вы, надеюсь, примете участие в осмотре острова? Вашего острова?

- С радостью, если будет такая возможность, - приложив руку к сердцу, ответил счастливый Визе.

На следующий день небольшая группа, возглавляемая Шмидтом и Визе, сошла с корабля и направилась через ледяные торосы к берегу.

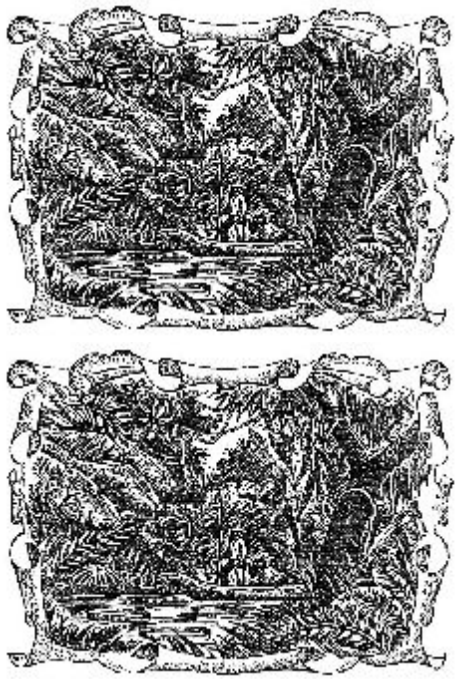
Бывший в составе группы топограф произвел съемку острова и определил его координаты. По полученным расчетам, остров лежал между 79 градусами 29 минутами и 79 градусами 42 минутами северной широты и 76 градусами 06 минутами и 77 градусами 05 минутами восточной долготы. Площадь его оказалась небольшая - всего около пятидесяти квадратных километров.

Осмотрев остров, группа возвратилась на судно, и, отвечая на расспросы любопытных, Визе так охарактеризовал свой остров:

- Он производит крайне унылое и безотрадное впечатление, сложен осадочными породами, растительности почти не имеет, равно как и животного мира. Даже птицы, обычно встречающиеся на арктических островах в большом количестве, нам попадались очень редко. Единственное, пожалуй, что привлекло наше внимание, так это сравнительно свежие рога оленей, которые нам удалось обнаружить. По всей вероятности, олени попали сюда на дрейфующих льдах не так давно.

Итак, было ликвидировано еще одно "белое пятно" на карте Арктики. И этим наука была обязана Владимиру Юльевичу Визе, предсказавшему существование острова в северной части Карского моря. Со времени плавания "Г. Седова" остров известен под именем Визе.

Аристотель XIX века



Аристотель XIX века

В ясный солнечный день 10 мая 1859 года по улицам Берлина медленно двигался траурный кортеж.

Жители столицы прусского королевства, охочие до всяких зрелищ, с любопытством глазели на представившуюся их взорам внушительную картину.

Влекомый королевскими лошадьми, украшенными султанами и богато расшитыми попонами, катился катафалк. Перед ним в глубоком безмолвии шествовали многочисленные представители профессуры и студенчества Берлинского университета, оркестр и духовенство. На расшитых серебром сафьяновых подушечках несли ордена и медали, которых был удостоен усопший при жизни.

Похоронная процессия растянулась на несколько кварталов. За катафалком важно выступали высшие сановники королевства: министры, генералы, придворные чины, депутаты. Они шли с непокрытыми головами, а вслед за ними бесконечной вереницей двигались парадные кареты короля, королевы, всей прусской знати.

Под звуки траурной мелодии процессия приблизилась к

собору.

В толпе простого люда, запрудившей площадь перед собором, приглушенно переговаривались:

- Люди говорят, будто какого-то доктора хоронят.

- Вот еще, стали бы с такой помпой какого-то доктора хоронить.

- Верно, верно. Гумбольдта какого-то.

- Гумбольдта? Не слыхал про такого. Он кто? Министр? Генерал?

- Какой еще генерал! Говорят тебе, ученый человек. Будто на весь мир знаменитый,

- Постоялец мой, студент, такое о нем порассказывал, поверить трудно, до чего знаменитый ученый был. Будто никто сравниться с ним не может из нонешних.

- А не выдумал твой студент? Их брат соврет и недорого возьмет.

- Да нет вроде, студент мой серьезный, положительный, не легкомысленный какой и не пьянчужка.

- Ну, если так…

- Смотрите, смотрите! Вносят!

Простой дубовый гроб, осыпанный белыми азалиями и лавровыми венками, внесли в собор и установили перед алтарем.

Началась церемония отпевания.

Так закончился девяностолетний жизненный путь одного из великих умов человечества - Александра Гумбольдта. Поистине, трудно найти среди ученых пример такой популярности, славы и уважения, каким при жизни пользовался этот человек. Современники именовали его, и не без основания, вторым Колумбом.

Жизнь Гумбольдта сложилась исключительно счастливо. Отец его, майор Гумбольдт, был знаком с идеями французских просветителей и разделял многие их взгляды. Просвещение он считал одним из главнейших элементов воспитания своих детей, и благодаря этому оба брата получили блестящее образование, сначала дома, а затем во Франкфуртском и Гёттингенском университетах.

В последнем у Александра Гумбольдта произошла встреча, во многом предопределившая всю его последующую деятельность. Он познакомился с натуралистом Георгом Форстером, спутником Джемса Кука в его втором кругосветном плавании. Красочные рассказы натуралиста о путешествии, совершенном им, глубоко запали в душу молодого человека. Близко сойдясь с Форстером, Гумбольдт совершает с ним первое свое путешествие вниз по Рейну до Голландии, оттуда переправляется в Англию, а из

Англии - во Францию.

Вернувшись из этой поездки, он продолжает расширять круг своих познаний. В Гамбурге в Торговой академии он усиленно изучает языки, в Берлине штудирует ботанику, во Оренбургской горной академии проникает в тайны геологии.

Занятия во Франкфурте и Гёттингене, Берлине и Гамбурге, во Фрейбурге, общение с просвещенными людьми - все это в совокупности предопределило энциклопедический характер знаний Александра Гумбольдта.

Астрономия и литература, археология и ботаника, химия и политическая экономия, геология и дипломатия, история и метеорология, математика и зоология - таков далеко не полный перечень наук, в которых он преуспел.

Один из биографов Гумбольдта писал: "По началу его занятий можно было подумать, что ему суждено сделаться поверхностным энциклопедистом. Он разом набрасывался на целый ряд научных областей - от математики до филологии. Но гений его сумел овладеть всеми этими областями настолько, чтобы сделать самостоятельные исследования в каждой из них, чтобы возвести на степень науки некоторые из них, находившиеся еще в зачаточном состоянии, чтобы, наконец, объединить их все в одной общей картине "Космоса".

В 1792 году Гумбольдт поступает на службу обер-бергмейстером (начальником горного дела), но это не мешает ему одновременно заниматься химией, ботаникой, земным магнетизмом. В немецких и французских журналах вскоре появляются его статьи о подземных газах, химическом составе воздуха, о тайнобрачных споровых растениях. Он изобретает лампу, с помощью которой шахтеры получают возможность работать в шахтах. Он изучает соляное дело, в Италии посещает знаменитого Вольта, в Швейцарии обследует Альпы.

После смерти матери в 1796 году он оставляет службу (получив значительное наследство) и целиком отдается планам путешествий, о которых мечтает. Он приезжает в Иену, где живет в это время его брат, и делится с ним своими намерениями. Тесные отношения в это время Гумбольдт поддерживает и с Гёте и с Шиллером.

Девяностые годы XVIII столетия - бурная эпоха в европейской истории. Гумбольдт приезжает в Париж, где с жадностью знакомится с музеями, встречается с учеными знаменитостями. Он снимает квартиру, где принимает новых своих знакомых и друзей. От одного из них он узнает, что Директория (*Директория - коллегия из пяти человек, осуществлявшая во Франции высшую власть согласно конституции 1795 года*) намеревается снарядить

корабль в кругосветное путешествие с целью научных исследований и открытий. Возглавлять экспедицию должен капитан Боден. Вот это удача! Надо непременно разыскать Бодена, решает Гумбольдт и со свойственной ему энергией принимается за дело - находит Бодена и предлагает ему свои услуги. Ему не стоило больших трудов уговорить капитана зачислить его в состав экспедиции. Боден, хорошо разбиравшийся в людях, сразу понял, что в лице Гумбольдта он приобретает очень полезного сотрудника.

Гумбольдт был на седьмом небе от счастья. Он деятельно включился в подготовку к плаванию. И вдруг до него доходят слухи о том, что Наполеон счел несвоевременным посылку корабля Бодена. Слухи эти, увы, подтверждаются, плавание откладывается пока на год.

Крушение надежд! Гумбольдт очень переживает неудачу, но в это время совершенно неожиданно получает приглашение принять участие в экспедиции в Египет, которую вознамерился организовать английский епископ Дерби лорд Бристоль, для ознакомления с древними достопримечательностями этой страны. Англичанин был богат и потому располагал большими возможностями. Гумбольдт дал согласие на участие в экспедиции.

Но и эта экспедиция сорвалась! Наполеон, собиравшийся в египетский поход, счел за лучшее арестовать лорда Бристоля, когда тот находился в Милане, чтобы пресечь его намерения побывать на Ниле в то же время, что и он.

Впрочем, после того как Наполеон захватил Египет, он сам решил направить туда экспедицию для изучения и описания исторических древностей. Среди ста шестидесяти европейских ученых, которых Наполеон намеревался направить в Египет, значилась и фамилия Гумбольдта. Более того, ему поручался отбор астрономов и ботаников для участия в экспедиции, заготовление снаряжения. Он полностью погрузился в дело и уже готовился выехать в Марсель, откуда должна была отправиться в плавание к берегам Египта экспедиция.

Утром, как обычно, Гумбольдт, позавтракав, вышел из своей квартиры и спустился вниз по лестнице. Был один из первых августовских дней 1798 года. В дверях привратницкой он столкнулся с молодым человеком, у которого через плечо была перекинута ботаническая сумка. Извинившись друг перед другом, оба раскланялись. Гумбольдт отдал ключи от квартиры жене привратника, и молодые люди вышли на улицу.

- Мсье, вы слышали новость? - обратился к Гумбольдту его невольный спутник.

- Какую новость? - рассеянно переспросил Гумбольдт,

взглянув на собеседника.

- Адмирал Нельсон разбил под Абукиром (*Населенный пункт близ Александрии в Египте*) французскую эскадру, и все Средиземное море теперь во власти англичан!

- Боже мой! - в волнении воскликнул Гумбольдт. - Неужели это правда?

- Не подлежит никакому сомнению, - подтвердил его спутник.

- Но тогда все мои планы опять рушатся!

- Разрешите полюбопытствовать, какие планы? Но прежде позвольте представиться: Эме Бонплан, врач по профессии, ботаник по призванию.

- Александр фон Гумбольдт, географ, - последовал ответ. - Вы не представляете, мсье Бонплан, как ваша новость расстроила меня. Ведь она означает, что экспедиция в Египет, в которой мне предстояло участвовать, не состоится.

- Как? - воскликнул Бонплан. - Так вы тоже?! Значит, мы с вами товарищи по несчастью?

- Увы, - согласился Гумбольдт, - это уже не первая неудача. Сначала Боден, потом Бристоль…

- Как?! - вскричал со свойственной французам экспансивностью Бонплан. - Вы и в плавании Бодена должны были принять участие?

Гумбольдт с тяжелым вздохом кивнул головой.

- Но в таком случае, мсье Гумбольдт, - продолжал Бонплан, - мы с вами заочно уже знакомы. - Его лицо осветила улыбка. - И я предлагаю вам свою дружбу. Будем в дальнейшем действовать сообща. Согласны?

Гумбольдт остановился и протянул руку Бонплану!

- Охотно. Вы были мне симпатичны еще тогда, когда я временами встречался с вами в привратницкой, мсье Бонплан. Я принимаю вашу дружбу и отвечу тем же.

Молодые люди обменялись крепким рукопожатием.

- И будем называть друг друга по имени, - предложил Гумбольдт. - Вы согласны, Эме?

- С удовольствием, Александр, - последовал ответ.

- Учтите, Эме, что моя дружба не бескорыстна, я рассчитываю, что вы меня обучите ботанике, в которой я не так уж силен, - сказал Гумбольдт.

- Надеюсь, что и я от вас позаимствую немало полезного, - улыбнулся Бонплан. - Так что мы будем квиты.

- Но что же нам делать с Египтом? - в тревожном раздумье задал вопрос Гумбольдт. - Неужели отказаться? Нет, Эме. Как вы посмотрите на то, если мы попытаемся все-таки, несмотря на английскую блокаду, пробраться в Африку?

- Я готов участвовать в любой попытке, если она даст возможность удовлетворить мою страсть ботаника. Но учтите, Александр, я не располагаю свободными средствами для финансирования предприятия…

- Это не вопрос, дорогой Эме, - перебил его Гумбольдт. - В моем распоряжении их вполне достаточно на двоих. Итак, решено. Завтра в ночь мы покидаем Париж.

Молодые люди, как было условлено, взяв все необходимое в дальнюю дорогу, погрузили вещи в карету и поздно ночью выехали из Парижа в Тулон. К ним присоединился совершенно неожиданно шведский консул, которому по делам необходимо было попасть в Марсель. Во время пути родилась идея использовать в качестве средства достижения побережья Африки шведский корабль, курсирующий между Тулоном и африканскими портами. Консул обещал содействовать в этом, полагая, что английские военные суда не задержат судно нейтральной державы.

Два месяца провели путешественники в Тулоне, а шведский корабль все не появлялся. Когда пошел третий месяц их бесплодного пребывания в порту, стало известно, что дальнейшее ожидание совершенно бесполезно, так как судно получило повреждение корпуса и надолго выбыло из строя.

Но и эта неудача не поколебала воли друзей. Они были молоды, энергичны, полны стремлений осуществить свои намерения, и никакие преграды не могли им помешать.

- Вот что, Эме, - решительно заявил Гумбольдт, когда им стало известно о судьбе шведского корабля, - у нас остается единственный выход - пробираться в Испанию. Оттуда, даст бог, попадем и в Африку, если удастся арендовать небольшое судно.

- Вы знаете, Александр, - отвечал Бонплан, - что я готов следовать за вами куда угодно. Поэтому решайте, я заранее присоединяюсь к вашему решению, будучи уверен, что оно будет наиболее разумным.

- В таком случае, - решительно произнес Гумбольдт, - в путь. Приобретем мулов, на которых навьючим все снаряжение, и нам здесь больше делать нечего.

Спустя два дня они были уже в дороге, направляясь к испанской границе. Был январь 1799 года, и им предстояло преодолеть Пиренейские перевалы, засыпанные снегом.

Без особых приключений они добрались до Мадрида. И здесь после стольких неудач и несбывшихся надежд им вдруг улыбнулась удача.

Совершенно случайно из разговора с неожиданно встретившимся соотечественником Гумбольдт узнал, что

саксонский королевский двор в Испании представляет барон фон Форель, давний друг его семьи. Это известие его очень обрадовало, ибо давало надежду на осуществление их с Бонпланом намерений добраться до Африки. Протекция Фореля должна была, по мысли Гумбольдта, сослужить им службу.

Без особого труда он узнал адрес посланника и явился к нему домой. Тот был чрезвычайно обрадован, выслушал Гумбольдта, поведавшего обо всех их неудачных попытках пуститься в путешествие, и, будучи человеком, весьма интересующимся науками, пообещал помощь во всех их начинаниях.

Обещание свое Форель довольно быстро выполнил, начав с того, что свел Гумбольдта и Бонплана со статс-секретарем Испании графом де Уркихо, человеком весьма образованным. Разговор теперь зашел не о поездке, в Африку, а об экспедиции в Южную Америку, которая в те времена большей своей частью принадлежала Испании.

Статс-секретарь оценил серьезность намерений молодых ученых и использовал все свое влияние для того, чтобы устроить Гумбольдту аудиенцию у испанского короля Карла IV.

Семнадцатого марта в Аранхуэсе король принял Гумбольдта. В беседе приняли участие граф де Уркихо и барон фон Форель.

- Ваше величество, - сказал Гумбольдт, после того как был официально представлен, - я знаю, как дорого ваше время, поэтому постараюсь быть кратким. Мной и моим другом Бонпланом движет одно стремление - дать описание владений вашего величества в Америке. До сих пор имеются лишь работы Кондамина и Сантасильи, но они не охватывают всего того, что достойно описания в тех краях. Европейцы жаждут знать все, что касается этого материка, и мы хотели бы удовлетворить их любознательность.

- Ваши намерения бескорыстны и направлены на развитие науки, - ответил король. - Я бы хотел просить вас, барон, подготовить записку, в которой вы изложили бы ваши планы и намерения более обстоятельно. Я рассмотрю ее и приму решение, которое будет объявлено вам графом де Уркихо. Рад был с вами познакомиться, барон.

Гумбольдт откланялся и вернулся в Мадрид, полный радужных надежд. Ждать ему пришлось недолго, спустя несколько дней он получил извещение, что король соблаговолил разрешить Гумбольдту и Бонплану посещение своих владений в Америке с целью проведения научных наблюдений и исследований во всех областях знаний, представляющих интерес для них. Граф де Уркихо, который прислал это извещение, через три дня пригласил Гумбольдта к себе и вручил ему королевский

указ.

- Барон, - сказал граф, - вы должны оценить по достоинству благоволение нашего монарха. Этим указом вам предоставляется право не только свободно передвигаться по всей территории наших заморских владений, но и делать все, что вы сочтете необходимым во имя науки: расспрашивать, записывать, знакомиться с достопримечательностями, собирать коллекции. Такой чести и доверия у нас в Испании еще не удостаивался ни один иностранец.

Гумбольдт прижал руку к сердцу в знак благодарности.

- В указе короля, - продолжал между тем статс-секретарь, - предусмотрено также, чтобы все должностные лица, начиная с генеральных капитанов и губернаторов и кончая алькальдами (*Алькальд - старшина селения, исполняющий судебные функции*), оказывали вам необходимые содействие и помощь. В ближайшее время вам будут оформлены паспорта, и тогда вы сможете отправиться в порт Ла-Корунья, где стоит корвет "Эль Писарро". Капитан будет предупрежден о вас, и на этом корабле при благоприятных обстоятельствах вы отправитесь, в Америку.

- Что вы имеете в виду под благоприятными обстоятельствами? - обеспокоено спросил Гумбольдт.

- Если удастся проскочить между кораблями английского флота, который блокировал испанское побережье, - пояснил Уркихо, улыбаясь. - А это не такое простое дело, и вы должны быть готовы ко всяческим неожиданностям.

- Мой бог! - с комическим ужасом воздел руки Гумбольдт. - И здесь препятствия! Поистине, им нет конца и края!

- Будем надеяться на лучшее, - сказал статс-секретарь, вставая и тем давая понять, что время визита Гумбольдта истекло.

Пятого июня корвет "Эль Писарро" оставил порт Ла-Корунья и вышел в Атлантический океан, держа курс к берегам Южной Америки. Вопреки опасениям капитана корабль благополучно миновал воды, где ему грозили военные суда англичан, и через сорок дней плавания путешественники были уже у берегов Южной Америки.

С восторгом смотрели Гумбольдт и Бонплан на открывшуюся их взорам картину тропической природы. По заливу, отливающему бирюзой, проносились небольшие суда под парусами и без парусов. Из морской глубины нет-нет да и выскакивали пестрые рыбы и шлепались обратно в воду, исчезая, чтобы, может быть, появиться в другом месте. На прибрежных склонах виднелись непривычные взору кактусы, а в пирогах сидели бронзовые индейцы, не обращавшие внимания на вновь

прибывшее судно. Кокосовые пальмы, возвышающиеся над хижинами индейцев, стаи ярких птиц на фоне синего неба - все это завораживало.

Город Кумана, куда они прибыли, был недавно сильно разрушен землетрясением, и следы разрушений виднелись повсюду.

Капитан порта, прибывший на корвет, рассыпался в приветствиях и заверениях о готовности служить столь важным особам, удостоенным внимания самого короля Испании. Он доставил их на берег в резиденцию губернатора Новой Андалусии дона Эмпарана.

Губернатор с почтением ознакомился с королевским указом и принялся внимательнейшим образом изучать паспорта Гумбольдта и Бонплана.

- Господин барон, господин Бонплан, - торжественно обратился он к прибывшим, после того как закончил ознакомление с документами, - я счастлив приветствовать вас на нашей земле. Вы приехали с целью приобретения познаний, и я готов способствовать вам в этом всеми средствами, имеющимися в моем распоряжении. Сам государь Испании счел возможным оказать вам покровительство, и моя святая обязанность исполнить все ваши пожелания. Говорите же, что вы намерены предпринять, каковы ваши планы? Я весь внимание, дражайшие мои сеньоры!

- О, сеньор губернатор, - ответил Гумбольдт. - Мы с нетерпением ждали мгновения, когда вступим на землю Америки, и вот наконец мы на ней ступаем по ней ногами, видим своими глазами и восхищаемся ее неповторимой природой!

- Да, да! - воскликнул экспансивный Бонплан. - У нас глаза просто разбегаются от множества впечатлений. Не терпится приняться за работу!

- У нас весьма обширные планы, - продолжал Гумбольдт, с мягкой улыбкой глядя на своего друга, - и прежде всего нам хотелось бы подняться по реке Ориноко до самых ее истоков, чтобы установить, соединяется ли эта река с крупнейшей рекой континента - Амазонкой, как это предположил еще Шарль де ла Кондамин, наш французский предшественник, когда он после астрономических наблюдений и измерений на плоскогорье Кито спустился вниз по Амазонке и впервые нанес эту великую реку на карту, пользуясь данными астрономических измерений. И если такое соединение есть, то где оно осуществляется.

- Задача не из легких, - с невольным уважением произнес губернатор, - но достойная таких людей, как вы. И это все?

- О нет, - улыбнулся Гумбольдт, - это только небольшая часть

того, что мы намерены сделать. Мой друг Бонплан - ботаник, и он будет изучать все, что связано с растительным миром этой благословенной земли. - Вы не представляете, господин губернатор, - продолжал Гумбольдт, - какую массу наблюдений можно будет здесь произвести. Мы будем коллекционировать растения и минералы, с помощью привезенных инструментов делать астрономические наблюдения, исследовать химический состав воздуха, изучать животный мир. И все это для того, чтобы в конечном счете установить взаимодействие сил, влияние неодушевленной природы на растительный и животный мир, их гармонию. Главное, по моему мнению, заключается в том, чтобы установить взаимосвязь и взаимозависимость органических веществ и неодушевленной природы.

- Однако… - протянул пораженный губернатор. - И вы полагаете, что все это по силам одному человеку, двум, наконец?

- Не знаю, право, - беззаботно ответил Гумбольдт и посмотрел на Бонплана: - Как вы считаете, Эме?

- Вы знаете, Александр, как я в вас верю, - ответил тот, не раздумывая. - Поэтому вопрос считаю излишним.

- Господа, - сказал губернатор, глядя поочередно то на Гумбольдта, то на Бонплана, - я желаю вам удачи во всех ваших начинаниях, грандиозность которых вы мне дали сейчас осознать. Что же касается вашего намерения подняться по Ориноко, то мой вам совет воздержаться от этого предприятия, пока не закончится сезон дождей в тех краях, куда вы собрались. Самое время отправляться туда - декабрь, не ранее.

Путешественники не теряли времени и в ожидании наступления сухого сезона знакомились со страной. Они побывали в Каракасе, столице генерал-капитанства Венесуэлы, исследовали льяносы, которые представляют собой безлесные степи, простирающиеся от устья Ориноко до предгорий Анд. И, изучая страну, они все время держали путь к речному порту Сан-Фернандо-де-Апуре, начиная с которого они должны были двигаться дальше к намеченной цели уже не по земле, а по воде.

Проводник, который сопровождал Гумбольдта и Бонплана в их походах, охотно давал пояснения, а порой поражал неожиданными для путешественников открытиями. Совершеннейшее удивление вызвали у них электрические угри.

Когда путешественники прибыли в город Калабосо, их проводник, сделав таинственное выражение лица, сказал:

- Сеньоры, вы сами убедились в том, что я всегда вам говорю истинную правду…

- Мы тебе полностью доверяем, Мануэль, - заверил его Бонплан.

- Я боюсь, сеньоры, что на этот раз вы скажете, что Мануэль болтун и враль, а должен вам сказать, что никогда я не был так серьезен, как теперь.

- Говори, Мануэль, говори, не стесняйся, - подбодрил его в свою очередь Гумбольдт, незаметно переглянувшись с Бонпланом.

- Хотите верьте, хотите нет, но если вы соизволите, сеньоры, остановиться здесь на время, я вам покажу такие чудеса, которые вам и не снились.

- Что за чудеса, Мануэль? - весело спросил Бон-план, зная за ним способность приврать для красного словца.

- Потерпите до утра, - пообещал проводник, многозначительно глядя на хозяев.

На следующий день рано утром он повел их к реке, предварительно договорившись с индейцами, которым было обещано вознаграждение, если они согласятся поохотиться за угрями.

Гумбольдт и Бонплан оказались свидетелями поразительного зрелища. Индейцы загнали в реку лошадей, которые должны были служить приманкой для угрей. Не прошло и пяти минут, как до этого совершенно спокойные лошади начали метаться в воде, испуская дикие крики и время от времени скрываясь с головой под водой. Индейцы пресекали их попытки выбраться на берег в течение того времени, которое требовалось, чтобы поймать хотя бы одного угря. И когда их попытки увенчались успехом, лошадей, совершенно обессилевших от электрических разрядов, вывели. В ловле угря принял участие и Гумбольдт, испытав на себе действие электрических разрядов.

- Вы знаете, Эме, - сказал он, выбравшись из воды и с трудом отдышавшись, - я не помню, чтобы когда-нибудь при разряде самой большой лейденской банки я испытывал более сильный удар, чем тот, который испытал теперь. Чертовски болят колени и почти все суставы. - Гумбольдт стал разминаться. - Мне пришла в голову идея…

- Можете не продолжать, - усмехнулся Бонплан. - Хотите я ее сформулирую?

- Попытайтесь, - с интересом взглянул на друга Гумбольдт.

- Вы хотите предложить остаться здесь на несколько дней, чтобы получше изучить эту живность, не так ли?

- В точности моя мысль, - расхохотался Гумбольдт. - Ну как? Откладываем наше отправление вверх по реке?

Бонплан утвердительно кивнул головой:

- Будем препарировать?

- Разумеется. Надо изучить внутреннее строение угрей и природу электрических разрядов. Все это крайне любопытно. -

Гумбольдт поежился, потер суставы и оживился: - Вы заметили, Эме, как искрилась вся река от электричества? Потрясающее зрелище! Сегодня же вечером напишу в Европу, представляю, как воспримут там мое сообщение!

Несколько дней задержки, вызванной электрическими угрями, не повлияли на планы путешественников. Покончив с угрями, Гумбольдт и Бонплан продолжали двигаться к берегам Ориноко, пока не добрались до миссии капуцинов (*Капуцины - монашеский орден у католиков*) в Сан-Фернандо-де-Апуре. Этот речной порт должен был стать отправной точкой их путешествия на пирогах сначала вниз по реке Апуре до впадения ее в Ориноко, а затем вверх по Ориноко до самых ее истоков.

Гумбольдт предъявил главе миссии письмо от епископа Каракасского, в котором тот просил оказать путешественникам всемерное содействие. Письмо возымело свое действие, и через несколько дней пирога под парусом была готова к отплытию.

Напутствуя Гумбольдта и Бонплана, глава миссии сказал:

- Проводника я вам даю надежного. Он не раз ходил вверх по реке и знает всю ее до самых истоков. Можете на него положиться. Но, чтобы вы ясно представляли сам путь, который предстоит преодолеть, я вам коротко его опишу. Вы спуститесь по Апуре (на ней стоит наша миссия) до впадения ее в Ориноко. Восемьдесят миль вниз по течению проплыть не составит большого труда.

А вот дальше будет потруднее. Течение сильное, но бороться с ним можно вполне. Вы минуете миссию Атабапо, поднимаясь все выше, и достигнете затопленных лесов. Там проживают монахи, которые покажут вам путь к Риу-Негру, притоку Амазонки. Перетащив пироги волоком по суше, вы получите возможность снова использовать их как средство передвижения по этой реке. А оттуда недалеко и до рукава, соединяющего истоки Ориноко с истоками Амазонки.

- Вы вполне уверены, падре (*Падре(исп.) - отец*), в существовании такого соединения? - спросил с нескрываемым сомнением Гумбольдт.

- Я готов поклясться в этом, - уверенно ответил монах. - От туземцев я слышал неоднократно о наличии рукава или канала между Ориноко и Риу-Негру, причем старики утверждали, что они знали об этом издавна. То же самое утверждали монахи, побывавшие в верховьях реки.

Гумбольдт повеселел:

- Не случайно Ла Кондамин утверждал то же, считая этот факт абсолютно доказанным. Дорогой Эме, нам с вами предстоит не столько подтвердить его утверждение, сколько найти это

соединение и нанести на карту!

- Так не будем терять времени! - подхватил Бон-план. - Мне еще надо собрать так много образцов!

И вот наступил день, когда путешественники попрощались с гостеприимными капуцинами и взошли на пирогу, на которой было сооружено нечто вроде навеса. Дно пироги устлали шкурой ягуара. В носовой ее части поместили продовольствие: яйца, живых цыплят, фрукты, лепешки, жареные бобы, бутылки с вином, а в кормовой - предметы, предназначенные для обмена.

Четверо гребцов стояли в носовой части пироги и готовы были опустить весла в воду.

Знак был дан, и пирога под хор прощальных криков монахов направилась к середине реки. Гумбольдт и Бон-план махали руками и выкрикивали слова благодарности. Это было 30 марта 1800 года.

Прошло чуть больше месяца, и пирога с исследователями достигла миссии Сан-Антонио-де-Явита, где обосновались францисканские (*Францисканцы - члены монашеского ордена*) монахи. За это время остались позади льяносы, и по обе стороны реки виднелись голые холмы, купола, огромные скалы, которые отделялись от реки узкими полосками леса. В миссии Ла-Консепсьон-де-Урбана была сделана остановка. Сопровождавшие Гумбольдта и Бонплана индейцы вернулись обратно, а им на смену были наняты другие. Здесь к путешественникам присоединился монах Бернардо Зеа, решивший воспользоваться оказией для того, чтобы посетить своих соратников, проживающих выше по течению Ориноко.

На веслах, под парусом, волоком, где как придется, продвигались они вверх по реке. Ни стремнины и перекаты, ни палящее знойное солнце, ни мириады насекомых, жалящих и кусающих, не могли остановить их. Вот позади остались грозные пороги Майпурес. И наконец - миссия, где можно сойти на землю, отдохнуть от трудного пути, разобрать образцы и привести их в порядок.

От миссии Сан-Антонио-де-Явита было рукой подать до Риу-Негру, самого крупного из северных притоков Амазонки.

Наступил самый ответственный момент экспедиции. Еще последнее усилие - и ответ на вопрос, каким образом и где соединяются между собой истоки Ориноко и Амазонки, будет получен.

Пребывая в миссии, Гумбольдт и Бонплан продолжали обсуждать дальнейшие свои шаги.

- У нас есть две возможности достигнуть верховьев Риу-Негру, - говорил Гумбольдт, покачиваясь в гамаке, тогда как Бонплан

разбирал свои гербарии. - Первая из них - перетащить пирогу волоком через перешеек, отделяющий Ориноко от речушки Каньо-Пимичин. Падре Сереско, наш любезный хозяин, говорит, что это самый короткий путь, ведущий в бассейн Амазонки…

- А какая вторая возможность? - спросил Бонплан, не отрываясь от коллекции.

- Вторая? - переспросил Гумбольдт и смущенно кашлянул. - Это, Эме, уже из области интуиции. Вы помните, когда мы плыли сюда и остановились у миссий иезуитов Сан-Фернандо-де-Атабапо, то обратили внимание, что долина реки резко поворачивает на восток, а потом, когда мы плыли дальше вверх по реке, по левую сторону от нас появилось ответвление Ориноко? Помните, Эме?

- Что-то припоминаю, - неуверенно сказал Бонплан.

- Ну, как же, я еще спросил у Бернардо, что это такое, а он ответил, что это рукав Ориноко, именуемый Касикьяре. И добавил, что этот рукав не возвращается в Ориноко.

- Все это может быть и так, - пожал плечами Бон-план. - Но что из того?

- То есть как что?! - вскричал Гумбольдт. - Бьюсь об заклад, что эта Касикьяре и есть соединительное звено между бассейнами Ориноко и Амазонки! Но мы все-таки изберем первый путь - волоком. А потом посмотрим, каким образом возвращаться на Ориноко.

Пирогу с индейцами отправили вперед, перетаскивание ее оказалось делом нелегким и отняло много времени. Между тем Гумбольдт с Бонпланом оставались в миссии - первый вел беседы с падре Сереско, а второй собирал в окрестностях растения. Спустя три дня в сопровождении проводников-монахов путешественники пустились в дорогу и через четыре часа вышли к притоку Риу-Негру. Пирога, доставленная двадцатью тремя индейцами, покачивалась на воде, ожидая хозяев.

Гумбольдт и Бонплан распрощались с монахами, сели в пирогу и отправились вниз по реке к тому месту, где Ориноко должна была соединяться с Амазонкой.

Без приключений они добрались до небольшого селения Солано, расположившегося на левом берегу при впадении какой-то речки.

- Касикьяре? - спросил Гумбольдт проводника-индейца.

Тот кивнул головой:

- Касикьяре, господин.

- Вы слышите, Бонплан? - воскликнул радостно Гумбольдт. - Мы у цели! Наконец-то!

- Будем разгружаться? - спросил Бонплан.

- Разумеется! Без инструментов нам не обойтись, придется распаковать тюки! - Гумбольдт сделал знак старшему из сопровождавших их индейцев, чтобы он направил пирогу к берегу.

Когда необходимые инструменты были извлечены и подготовлены к работе, исследователи начали производить астрономические наблюдения, без которых невозможно было бы определить географические координаты точки соединения истоков двух великих южноамериканских рек.

И вот Гумбольдт записывает в свой дневник: "Соединение Ориноко с Риу-Негру исчислено, его местоположение 2°0'43" северной широты".

Гумбольдт продолжал делать астрономические измерения, стремясь как можно точнее положить на карту Касикьяре не только в точке соединения ее с Риу-Негру, но и все русло этой реки до самого Ориноко. Беззаботно работал он со своим теодолитом, производя геодезические отсчеты. Полностью поглощенный этим занятием, он не обратил внимания на появление вооруженных людей, которые молча окружили его. Один из них, видимо старший, объявил, что "сеньор" арестован.

- Как арестован? За что? - недоумевающе спросил Гумбольдт, еще не осознавший всей серьезности положения.

- Вы нарушили границу португальских владений, и я обязан доставить вас к нашему коменданту, - невозмутимо пояснил старший солдат. - Он сделает допрос, и тогда будет ясно, что с вами делать.

Гумбольдт понял, что должен подчиниться, и покорно последовал в резиденцию коменданта гарнизона, эскортируемый солдатами.

Комендант бразильского гарнизона с большим недоверием взирал на Гумбольдта, когда тот попытался объяснить ему, чем он занимался здесь, на территории, подвластной португальской метропэлии.

- О чем вы говорите, сеньор Гумбольдт? - подозрительно сказал он, выслушав с терпением арестованного. - К чему доказывать, что Касикьяре соединяет Ориноко с Амазонкой, когда это давным-давно известно всем здесь живущим? - Он сделал многозначительную паузу. - Между прочим, в последнее время мы все чаще и чаще задерживаем сомнительных личностей, которые оказываются шпионами…

Гумбольдт иронически посмотрел на коменданта:

- Неужели я похож на шпиона? Поверьте, эти инструменты, реквизированные вашими подчиненными, нужны мне лишь для одного - чтобы точнее определить, где Касикьяре отделяется от

Ориноко и где впадает в Риу-Негру. А в записях, которые вы тоже соизволили арестовать, содержатся только астрономические наблюдения и расчеты.

- О, святая Мария! - всплеснул руками комендант. - Кто поверит, что здравомыслящий человек станет измерять земли, ему не принадлежащие?! И для этого отправится чуть ли не на край света?! Нет, нет, сеньор Гумбольдт, я человек военный, и долг для меня превыше всего. А посему вы будете отправлены под конвоем по Амазонке к побережью, откуда вас доставят с первым же судном в Лиссабон. Там, надеюсь, разберутся, кто вы и с какой целью пожаловали в наши края.

Гумбольдт, не ожидавший такого оборота дела, очень расстроился. Он понимал, что убеждать коменданта дальше совершенно бесполезно, и лихорадочно соображал, что предпринять для освобождения из-под ареста. Кто может ему помочь в столь критическом положении? Монах, конечно же, монах!

- Сеньор комендант, - сказал он, - не откажите в любезности послать кого-нибудь в Солано за падре Зеа. Он сопровождает нас в этом плавании по Ориноко, и мы с ним на дружеской ноге.

- Вот как? - внимательнее посмотрел на пленника комендант. - Мне хорошо известен этот почтенный служитель божий. Не могу отказать вам в вашей просьбе.

Появление падре Бернардо Зеа смягчило неумолимого коменданта, и в конце концов после длинных проволочек он отпустил Гумбольдта со всем его имуществом.

Обратно на Ориноко путешественники возвращались по Касикьяре. И, когда впереди показалась гора Еоннамари (она также была известна под именем Дуида), они поняли, что круг замкнулся - лишь сотни метров отделяли их от Ориноко.

Сильное течение реки теперь уже не препятствовало движению пироги, а, наоборот, способствовало ему. День за днем путники все больше отдалялись от верховьев. Остались позади миссия Сан-Фернандо-де-Атабапо, пороги Майпурес, место впадения реки Апуре.

Бонплану, который впервые почувствовал недомогание еще до того, как пирога миновала пороги Майпурес, становилось все хуже. Боли в спине, головные боли - налицо были симптомы лихорадки, тропической лихорадки, опасной, изнуряющей болезни. Однажды после Апуре он потерял сознание, потом его беспрерывно знобило и с каждым днем становилось хуже и хуже.

Гумбольдт был в растерянности. Что делать? Что предпринять? Кора хинного дерева не приносила больному облегчения.

Так, переходя от надежды к отчаянию и от отчаяния к надежде, следовали путешественники до Ангостуры, города, расположенного уже в нижнем течении Ориноко. Там местный эскулап Фаффрерас взял на себя ответственность за жизнь больного Бонплана и в конечном счета преуспел в лечении, в чем ему способствовал могучий организм пациента.

Гумбольдт радовался выздоровлению друга. Он не представлял себе дальнейшего путешествия без его участия. Гумбольдт не оставлял также мысли об их совместном участии в кругосветном плавании с французским капитаном Боденом.

Но им так и не суждено было осуществить заветную мечту. Тому причиной было не нежелание организаторов экспедиции видеть в числе ее участников Гумбольдта и Бонплана (оба они по-прежнему числились официально в ее штате), а просто стечения обстоятельств, исключавшие каждый раз возможность для исследователей попасть на корабль Бодена: то откладывались сроки отправления экспедиции в плавание, то менялся маршрут путешествия и т. п.

Строя планы встречи с Боденом, Гумбольдт и Бонплан не теряли зря времени и продолжали знакомиться с Южной Америкой. И делали это весьма основательно. Они побывали на острове Куба, причем плавание туда не обошлось без приключений: было и нападение пиратов, и пожар на их судне, и нежелательная встреча с английским военным судном. Вернувшись на материк, они сделали объектом очередного исследования Новую Гранаду (*Новая Гранада - ныне Колумбия*). С этой целью было совершено плавание по реке Магдалене до Боготы, столицы королевства. В результате река и множество расположенных на ней селений были с большой точностью нанесены на карту.

Из Боготы они направились через Анды в Кито, куда прибыли в январе 1802 года. Путь был очень нелегким - по крутым склонам, перевалам, узким тропам. Могучие горы встретили путешественников резкими ветрами, холодными ночами, частыми дождями, перепадами высот.

Город Кито, столица нынешнего Эквадора, хотя и не оправившийся еще после сильного землетрясения, встретил путников радушно. Это было им особенно приятно после четырех месяцев лагерной жизни, неустроенной, полной лишений.

После непродолжительного отдыха Гумбольдт и Бон-план приступили к исследованиям, и первым объектом оказался вулкан Пичинча, легкодоступный благодаря незначительной высоте. Наблюдения, которые они производили во время подъема на вулкан и на его вершине, оказались чрезвычайно

интересными.

- Послушайте, Эме! - заявил Гумбольдт, когда они достигли кратера вулкана и взяли последний отсчет температуры. - Вы, несомненно, обратили внимание на изменение показаний термометра по мере нашего подъема?

- Да, я заметил эту несообразность, - рассеянно ответил Бонплан, любуясь открывшейся панорамой.

- В том-то и соль, что это не несообразность, как вы изволили выразиться, дорогой друг, а скорее закономерность! - воскликнул Гумбольдт торжествующе.

Бонплан с сомнением взглянул на него и хотел что-то возразить, но Гумбольдт опередил его:

- Именно закономерность, Эме! Заметьте, как изменилась температура! Через каждые триста футов (*Фут - около 0,3 метра*) термометр Фаренгейта показывал на один градус ниже, не так ли?

Бонплан кивнул.

- А что мы с вами установили во всех предыдущих наших скитаниях по этому материку? - продолжал Гумбольдт свои рассуждения. - Что, чем больше мы удалялись от экватора в сторону полюса, тем больше менялась температура воздуха, который становился холоднее на один градус через каждые триста тысяч футов. - Довольный своим открытием, Гумбольдт победно взглянул на Бонплана. - Вот вам и закономерность! Триста тысяч футов по широте соответствуют тремстам футам по высоте! Разве это не так?!

- Может быть, следовало бы еще раз проверить, - несколько охладил пыл Гумбольдта Бонплан.

- Вы правы, Эме, - согласился Гумбольдт. - Мы это непременно с вами сделаем, когда совершим восхождение на Чимборасо. Но я более чем убежден, что такого рода закономерности наблюдаются во всех проявлениях природы. И установление этих закономерностей, их объяснение и расшифровка - задача, которую я перед собой ставлю.

- Вы замахиваетесь, Александр, на всю вселенную! - с невольным восхищением произнес Бонплан. - Но ведь это не под силу одному человеку!

- И тем не менее я попытаюсь, - просто, без тени аффектации сказал Гумбольдт. - А наблюдения мы непременно проверим, когда будем штурмовать вот этого великана. - Он показал на снежный купол Чимборасо, величественно вздымающийся к облакам.

- Вы намерены подняться до самой вершины? - полюбопытствовал Бонплан.

- Почему я? - усмехнулся Гумбольдт. - Надеюсь, вы составите мне компанию, Эме? А кроме того, я хочу пригласить участвовать в нашем предприятии молодого Монтуфара, сына нашего уважаемого хозяина маркиза де Сельва-Алегре. Карлос производит впечатление мыслящего человека, и приобщить его к нашим исследованиям будет и для него, и для нас полезно.

- Да, да, - подтвердил Бонплан, - он не раз твердил, что был бы не прочь постичь такие науки, как астрономия и геодезия.

- Итак, решено?! - вопросительно-утвердительно резюмировал Гумбольдт. - Пора спускаться, нас, наверно, заждались там внизу.

А 9 июня 1803 года группа, состоящая из Гумбольдта, Бонплана, Монтуфара и нескольких индейцев-носильщиков, вышла из Кито и направилась к подножию Чимборасо, одной из высочайших вершин Анд, вознесшейся на 6310 метров над уровнем океана.

Через две недели они достигли пункта, откуда было намечено восхождение. Переночевав в небольшом селении, они ранним утром начали подъем, который давался первое время без особой затраты сил. Но как только они достигли границы снегового покрова, произошло непредвиденное - сопровождавшие их индейцы-носильщики сбросили поклажу и заявили, что дальше не пойдут. Пришлось с ними расплатиться, и они оставили восходителей одних.

Однако это обстоятельство не обескуражило Гумбольдта. Он заявил, что восхождение будет продолжать, даже если останется один.

И Бонплан, и тем более пылкий и увлекающийся Карлос Монтуфар подтвердили свое намерение продолжать подъем на вершину. То же самое заявил и индеец, которого они наняли в качестве проводника в деревне у подножия Чимборасо.

Четыре человека начали штурм вершины. По совету проводника они шли по гребню, и путь их был нелегок. Покрытый снегом и льдом, скользкий, весь в трещинах, он представлял собой ненадежную опору, и приходилось каждый шаг делать с чрезвычайной осторожностью. Туман тоже отнюдь не способствовал подъему, ограничивая видимость.

Чем выше поднимались смельчаки, тем тяжелее дышалось. Когда они достигли высоты 5185 метров, стало совсем невмоготу: воздуха не хватало, тошнило, кружилась голова, начали лопаться кровеносные сосуды, появилась кровь на губах, во рту, в ушах.

И несмотря на все это, они продолжали свое движение вверх, так как вершина была уже совсем близко.

Упорно взбирались путники по круче, предвкушая тот момент, когда они ступят на самую верхнюю точку Чимборасо.

Индеец, шедший впереди, издал вдруг возглас, предупреждая об опасности. Все подошли к нему и остановились как вкопанные.

В нескольких шагах впереди они увидели широкую и глубокую щель, преодолеть которую не было никакой возможности. Щель эта шириной не менее двадцати - тридцати метров тянулась вправо и влево очень далеко, конца ей не было видно.

Гумбольдт переглянулся с Бонпланом и Монгуфаром:

- Что ж, друзья, - с сожалением сказал он, - видно, не судьба нам подняться на этот купол. Посмотрим, на какой высоте мы сейчас с вами. - Он достал барометр, Бонплан и Монтуфар сделали то же самое и определили давление, сверив показания своих инструментов.

- Итак, зафиксируем, - продолжал Гумбольдт, - мы находимся на высоте… - он быстро подсчитал в уме, - на высоте 19286 футов. Каково? Насколько мне известно, никто еще из смертных (я имею в виду, разумеется, людей) не бывал на такой высоте! У нас есть чем гордиться, друзья!

Измученные восхождением, но гордые и счастливые, стояли путешественники, всматриваясь в бездонную пропасть, разверзшуюся у их ног. Они не замечали ни ледяного ветра, ни холода, ни града. Мысль о том, что им удалось подняться на такую высоту, согревала тело и укрепляла дух.

- Что вы делаете, Александр? - удивленно спросил Бонплан, увидев, как Гумбольдт рассовывает по карманам небольшие осколки. Гумбольдт улыбнулся:

- Надо же, Эме, привезти в Европу сувениры с Чимборасо. Поверьте, они будут иметь там колоссальный успех, даю голову на отсечение! Советую и вам последовать моему примеру.

После штурма Чимборасо путешественники через некоторое время покинули Кито и направились в Лиму, резиденцию вице-короля Южной Америки. Там они намеревались вести наблюдения за прохождением планеты Меркурий через диск Солнца. Путь их лежал через Анды, долину реки Амазонки, через древнюю столицу инков Кахамарку (*Древнее государство инков существовало в Перу до прихода туда испанцев*), по побережью Тихого океана, которое так стремился увидеть Гумбольдт.

И всюду, где бы они ни были, делались наблюдения, собирались образцы флоры.

Берег Тихого океана поразил их своей пустынностью. Уже не один день всадники следовали по побережью и недоумевали, куда девалась пышная растительность, почему здесь не выпадают осадки.

- Что означает эта мрачная аномалия, совершенно

необъяснимая и гнетущая в этой безжизненной пустыне? - произнес Бонплан, когда они после очередной ночевки продолжали путь. - То ли дело Амазонка! Какое обилие красок, сколько растений, животных! А здесь… - Он махнул рукой. - Даже самую малость не соберешь в гербарий.

- Вы не совсем правы, Эме, - возразил Гумбольдт. - Кое-какая жизнь здесь все-таки теплится. Взгляните на эти стаи птиц, на морских зверей. Наконец, на эти рыбачьи лодки, полные рыбы.

- Оставьте, Александр, - недовольно ответил Бон-план. - Разве это жизнь? И потом, все это там, в океане. А здесь, на суше? Ничего.

- Конечно, вы правы, Эме, - вздохнул Гумбольдт. - Меня самого мучает вопрос, почему здесь пустыня, хотя по всей логике ее не должно быть на берегу океана, этого неисчерпаемого источника влаги. Совершенно бесспорно, что здесь долгие годы не выпадают осадки…

Монтуфар, ехавший молча, вдруг оживился и спросил:

- Почему бесспорно? Я не совсем понимаю.

- Я вам объясню, мой друг, - ответил Гумбольдт, - это так просто. Вы видели развалины каких-то старинных зданий, мимо которых мы проезжали неоднократно? Они, эти здания, построены были из такого материала, который под воздействием влаги очень скоро бы разрушился. Этого, однако, не произошло, сооружения еще в довольно приличном состоянии. Следовательно…

- Следовательно, вы правы, - весело рассмеялся Монтуфар, - и мне все понятно.

- И океан здесь какой-то мрачный, неприветливый, - сказал Бонплан, - под стать суше.

Гумбольдт сначала не придал никакого значения словам Бонплана, но время от времени невольно возвращался к ним. Мысль его напряженно работала в поисках объяснения встретившегося им феномена. "Океан, - думал он, - вот первопричина. Раз он не снабжает своей влагой этот край, значит, он его лишает столь необходимых для жизни осадков. Ну, конечно же! Объяснение может быть только одно. Все дело в океане!"

- Эме! Карлос! - Гумбольдт ликовал. - Я, кажется, нашел причину! Во всем повинен Тихий океан, а точнее, та его часть, которая омывает Перу. Здесь должно проходить холодное течение! Оно-то и создает на берегу пустыню. Впрочем, это пока одни предположения. Когда мы достигнем порта Кальяо, обработка наших наблюдений, в данном случае температурных, и не только воздуха, но и воды у берега, покажет, насколько мои

предположения справедливы. - Гумбольдт усмехнулся. - Но сдается мне, друзья мои, что гипотеза, только что высказанная, правильна.

- С нетерпением будем ждать дня, когда ваша гипотеза подтвердится, - сказал Монтуфар.

Пребывание в Лиме было не очень продолжительным. Визиты, приемы и, конечно, астрономические наблюдения. А затем снова в путь. На этот раз в Мексику на фрегате "Оруэ" (во времена Гумбольдта Мексика называлась Новой Испанией и была вице-королевством).

Потом снова Куба и, наконец, Северная Америка, куда Гумбольдт был приглашен президентом Джефферсоном.

В августе 1804 года, после пятилетнего отсутствия, Гумбольдт с Бонпланом вернулись в Европу. С ними был громадный багаж. Но это только часть того, что они собрали за годы странствий по Южной Америке. Многое было отправлено в Европу раньше. И вместе с этими посылками летела слава.

"Второе "научное" открытие Америки!" - восклицали восторженные почитатели Гумбольдта. И они были недалеки от истины. Это было не только открытие материка, но открытие большего - закономерностей в развитии живой и неживой природы.

В самом деле, что только не сделано было во время путешествия! Точное определение широты и долготы многих географических пунктов; более пятисот измерений высот, позволивших создать картину рельефа местности, разобраться в путанице хребтов горной системы Анд; бесчисленное множество метеорологических наблюдений, давших возможность уяснить характерные черты климата Южной Америки и установить более широкие закономерности, выходящие за пределы этого материка. Было установлено наличие вертикальной зональности распределения растительности; изучены особенности холодного морского течения у побережья Тихого океана; введены в обиход такие понятия, как изотермы - линии, соединяющие точки с одинаковой температурой лета и зимы как на одном материке, так и на всей территории Земли.

С путешественниками прибыли в Европу совершенно уникальные ботанические коллекции, содержащие более четырех тысяч растений. Из них тысяча восемьсот были совершенно неизвестны в Европе. Сведения о животном мире тропической Америки, археологические и этнографические материалы - все это стало достоянием ученого мира Европы. И не только ученых. Не прошло и четырех лет, как на прилавках книжных магазинов Парижа, где Гумбольдт решил остаться, появилась его книга

"Картины природы", в которой он прекрасным языком рассказал о впечатлениях пятилетнего путешествия, описал яркими красками свои наблюдения над животным и растительным миром и неживой природой. Книга имела необычайный успех у читателей и была переведена на все европейские языки, являя собой великолепный образец популяризации науки.

В 1827 году Гумбольдт переселился из Парижа в Берлин и начал читать публичные лекции, посвященные физике Земли и моря, атмосфере и распределению тепла, зоогеографии, геоботанике, антропологии. Лекции имели шумный успех, на них стекалось множество слушателей. Специальный комитет вручил Гумбольдту медаль с изображением солнца и латинской надписью: "Illustrans totum radns splendentibus orbem" (озаряющий весь мир яркими лучами).

А в 1829 году Гумбольдт снова в пути. На этот раз путешествие по России.

Петербург, Владимир, Нижний Новгород, Казань, Пермь, Екатеринбург (*Ныне Свердловск*). Знакомство со Средним и Южным Уралом, его геологией, экономикой. Затем поездка в Тобольск, Барнаул, Семипалатинск, Омск; посещение Орска и Оренбурга. И, наконец, Астрахань и небольшая поездка по Каспийскому морю, не повидать которое он, по его собственным словам, не мог.

И снова по возвращении из путешествия по России Гумбольдт продолжает свои труды, обобщая виденное и делая новые интересные выводы.

В письме одному из близких своих друзей он написал буквально следующее: "Я начинаю печатание моей книги (дела моей жизни). Я имею безумное намерение изобразить весь материальный мир, все, что мы знаем о явлениях небесных пространств и земной жизни, от туманных звезд до мхов на гранитных скалах, - изобразить все это в одной книге, написанной притом живым, действующим на чувство языком. Я хотел сначала назвать ее "Книга природы"… Теперь я выбрал название "Космос". Конечно, это слово громкое и не без известной напыщенности; зато оно разом обозначает небо и землю".

В течение двенадцати лет, с 1845 по 1857 годы, вышли четыре тома "Космоса". Пятый не увидел света, потому что автор его скончался.

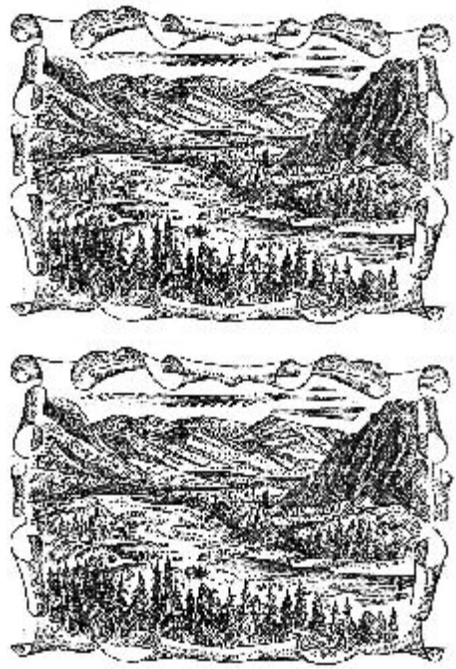
Гумбольдт ушел из жизни, оставив грандиозное научное наследство. Шестьсот тридцать шесть книг - таков плод его беспримерного труда во имя науки. Этот ученый-универсал был создателем целого ряда научных дисциплин, таких, например, как сравнительная климатология, ботаническая география,

учение о земном магнетизме, учение о ландшафтах; он был автором множества научных открытий в самых разнообразных отраслях знаний.

И как дань его многогранному и всеобъемлющему таланту ученого и исследователя остались географические названия, увековечивающие его имя. Пожалуй, не найти в истории географических открытий и исследований деятеля, имя которого столь часто встречалось бы на географических картах, как имя Александра Гумбольдта.

Гумбольдтовы горы в Австралии, Новой Зеландии и Новой Гвинее, ледник Гумбольдта в Гренландии, река Гумбольдта в Америке, Гумбольдтово течение у южноамериканских берегов Тихого океана, долины и реки, заливы и города в Соединенных Штатах Америки. Его имя носит пояс растительности в Андах - "Гумбольдтово царство", гумбольдтово дерево на острове Цейлон, минерал гумбольдтит.

Вниз по могучей реке



Вниз по могучей реке

Была весна 1779 года. Улицы Монреаля утопали в зелени деревьев, старых и молодых, рано распустивших свою листву. Перед фасадами одноэтажных и двухэтажных домов цвели цветы, заботливо рассаженные в клумбах.

По одной из улиц, расположенных неподалеку от центра города, шел человек средних лет в сюртуке и шляпе. В руке у него была трость, на которую он время от времени опирался. Поравнявшись с группой подрост: ков, шумно о чем-то споривших, он властно позвал - "Александр!"

От группы, мгновенно притихшей, отделился мальчик лет четырнадцати - пятнадцати, рослый, широкоплечий, с правильными чертами лица.

- Что случилось, отец? - спросил он встревожено. - Обед еще не готов, и мать мне разрешила погулять.

- Ты мне нужен, Александр, - ответил старший Маккензи, помахивая тростью. - Есть хорошие новости, и они касаются тебя, сынок.

Александр попрощался со своими приятелями и последовал за отцом. Идти им было недалеко. Сделав несколько шагов, они

свернули на дорожку, ведущую к уютному коттеджу. Когда отец и сын подходили к крыльцу, дверь открылась и на пороге дома показалась миловидная женщина в фартуке. Она ласково улыбнулась и сказала:

- Я увидела вас из окна и поспешила встретить. Что-нибудь стряслось, милый? Почему ты сегодня так рано?

- Нет, нет, Мэри, - поспешил ответить муж. - Все в порядке. Просто мне удалось сегодня, наконец, пристроить Александра, и я поспешил домой, чтобы сообщить об этом.

- Куда пристроить? - спросила мать с беспокойством.

- Как куда, - усмехнулся Маккензи, - на работу, конечно.

- Но мальчик еще так юн, не рано ли? - тревожась за сына, с сомнением сказала мать.

- Ничего, ничего, - твердо сказал отец. - Хватит ему гонять по улицам со своими приятелями. Пора браться за ум. Я в его годы уже работал в фирме.

- Я готов, отец, - тихим голосом, но уверенно и четко произнес Александр. - Когда я должен приступить к работе и чем мне придется заниматься?

- Вот это мужской разговор, - одобрительно заметил отец, похлопывая сына по плечу. - Ты не пожалеешь, клянусь честью, и будешь мне только благодарен.

- В любом случае, отец, я тебе благодарен за все, что ты и мать для меня сделали и делаете теперь.

- Ты добрый, хороший сын, - всхлипывая от избытка чувств, сказала Мэри. - И я уверена, что ты будешь хорошим работником.

- Да, да, сынок, - подтвердил отец, - мы верим в тебя. Но к делу. Тебе предстоит работать в Канадском обществе торговли мехами и выполнять любые поручения, которые на тебя будут возложены.

- Эта служба связана с поездками? - оживился Александр.

- Разумеется, - ответил отец. - Ты увидишь много нового, если будешь добросовестным и исполнительным.

- Мне не терпится, отец, приступить к своим обязанностям, - сказал мальчик, и глаза его разгорелись в предвкушении всего того, что его ожидало впереди.

- Завтра я тебя отведу на службу, - усмехнулся старший Маккензи. - А сегодня, Мэри, неплохо было бы отметить это событие праздничным обедом.

- О да, милый, - кивнула головой женщина. - Я мигом все сделаю, как ты хочешь.

Так пятнадцатилетним юношей Александр Маккензи оказался в гуще событий, связанных с освоением западных канадских земель. К этому времени многое уже было известно о

западе и северо-западе Канады, но еще больше оставалось неизведанным. Торговец мехами Джозеф Фробишер, искатели приключений Александр Хенри и Питер Понд, находившиеся на службе "Северо-западной компании", той самой, куда поступил впоследствии Александр Маккензи, совершили ряд открытий, и в том числе открыли реку и озеро Атабаска, названные по имени индейского племени, проживающего в тех местах. Далее они не последовали, но вскоре Понд направил людей по реке Невольничьей, продолжающейся на север от озера Атабаска, и им удалось достигнуть юго-восточной части Большого Невольничьего озера.

Прослужив пять лет в Монреале, Маккензи в роли торгового агента попадает в район озера Сент-Клэр, что лежит между великими озерами Эри и Гурон. Через год его посылают в верховья реки Черчилл, а в 1787 году он прибыл к озеру Атабаска, чтобы сменить здесь Питера Понда. Вместе с Александром был его двоюродный брат Родерик Маккензи, упросивший взять его с собой в это путешествие.

Питер Понд встретил прибывших на смену гостеприимно. Необразованный, грубый по натуре, он в то же время имел такие положительные черты, как любознательность, предприимчивость, и много знал об этих необжитых краях.

Он разместил всех в помещениях форта, не отличавшихся особым комфортом, а Маккензи он предложил разделить е ним его комнату, увешанную охотничьими трофеями.

Молодой человек с готовностью согласился, и вскоре эти двое столь различных по манерам, воспитанию и характеру людей довольно близко сошлись. Главным поводом для этого послужил тот неподдельный интерес, который проявлял Маккензи ко всему касающемуся исследований Пондом Атабаски и Невольничьей реки.

Посиживая у очага зимними вечерами (а Понд остался на Атабаске до весны следующего года), Маккензи и его новый приятель коротали их за разговорами, основной темой которых были планы Маккензи изучения реки, вытекающей на север из озера Атабаска, вплоть до ее устья.

- Вот что, мистер Маккензи, - с грубоватой фамильярностью сказал Понд, покуривая трубку и самодовольно посмеиваясь. - Вы мне сразу приглянулись, а уж если старина Пит говорит такое, то, значит, у него есть все основания для этого. Да, да! Старина Пит видит людей насквозь. Он прожил долгую жизнь и много видел на своем веку - и честность, и подлость, и верность, и предательство. И раз уж вы пришлись мне по душе, я расскажу вам все, что мне известно.

Он взял бутылку виски и плеснул себе в кружку изрядную порцию.

- О, не беспокойтесь, я никогда не пьянею, потому что знаю свою норму.

- Что вы, мистер Понд, - смущенно произнес Маккензи. - Вы неправильно истолковали мой взгляд. Я просто опасался, что вы и мне нальете.

- Ладно, ладно, парень, - добродушно усмехнулся Понд, переходя на "ты". - Ты не придавай всему этому значения, а только слушай старого Питера и наматывай на ус. - Он залпом осушил кружку, закусил вяленой медвежатиной и приступил к рассказу.

- Что и говорить, нелегкая дорога привела нас сюда, к озеру Атабаска. Двигаться приходилось только в летние месяцы на каноэ по рекам и озерам, преодолевая пороги и перекаты, а то и таща на себе и кладь, и челны в обход их или через водоразделы. От Саскачевана мы направились к верховьям реки Черчилл и там обнаружили много озер, одно из которых, - тут рассказчик приосанился и гордо взглянул на слушателя, - назвали Питер-Понд…

- Я поздравляю вас, мистер Понд, - с искренним восхищением воскликнул Маккензи, перебивая его, - это несомненно большая честь и свидетельство ваших бесспорных заслуг.

- Правда ваша, дружище, заслуги кое-какие есть, - без тени смущения сказал Понд, самодовольно посмеиваясь. - Вот этими самыми ногами исхожена не одна сотня миль. - Он притопнул сапогом как бы в подтверждение сказанному. - Смекаю я, что много лет спустя наши потомки будут ломать себе голову над тем, кто такой был Питер Понд, именем которого названо озеро, и за какие такие заслуги он удостоился столь великой чести. И никто не сможет им объяснить этого толком. Поэтому-то, мистер Маккензи, - Понд понизил голос, - я решил вести путевой дневник! И хоть в грамоте я не очень силен, все подробности записываю, как могу.

- Вы делаете важное дело, - одобрительно заметил Маккензи. - Я тоже непременно буду вести дневник, как только мы пустимся в плавание.

- Ну да ладно, - махнул рукой старый бродяга. - Хватит мне чесать языком попусту. Слушайте дальше. Были там озера и другие: Фробишер, Черчилл и помельче, названия которых не помню. Но из моего озера в северо-западном направлении брала начало река Мети. По ней-то мы и спустились до следующей реки, названной Клируотер, а по Клируотеру - до широкой полноводной реки Атабаски… По этой реке мы продолжали

плыть вниз по течению, не затрачивая больших усилий, так как сама природа о нас заботилась - река несла столь стремительно, что мы не успели опомниться, как отмахали все расстояние, отделявшее нас от впадения реки в озеро. Чтобы не соврать, это составило никак не меньше ста пятидесяти миль.

- А индейцы? - поинтересовался Маккензи. - Они вам часто попадались? И как были настроены?

Понд презрительно пожал плечами:

- Мы не очень-то с ними считались, будучи хорошо вооружены и обеспечены продовольствием. А они следили за нашим продвижением издали, не рискуя начать военные действия и не решаясь вступить в переговоры. По совести говоря, они нас интересовали только в одном отношении…

- Разумеется, меха? - предположил Маккензи.

- Само собой, - подтвердил Понд. - И мы сами первые вынуждены были начать переговоры. В общем атабаски оказались такими же сговорчивыми, как и мы, - он хитро ухмыльнулся, - и нам удалось довольно быстро с ними поладить. Они стали часто наведываться в форт, который мы поставили на берегу озера в его юго-западной части, и приносить с собой связки шкурок.

- Вы имеете в виду форт, в котором мы сейчас с вами находимся? - уточнил Макензи.

- Да, его. Не скажу, чтобы форт был капитальным (мы его строили как временное сооружение), но он верно прослужил уже несколько лет и вполне оправдал себя.

- Слов нет, форт сослужил свою службу, - согласился Маккензи. - Но я намерен построить здесь новый форт, больше и надежнее прежнего.

- Помогай вам бог, Маккензи, - пробормотал Понд, раскуривая потухшую трубку. - Молодость приходит на смену старости, таков неизбежный закон жизни.

- Но мы отвлеклись, - спохватился Маккензи. - Прошу вас, мистер Понд, продолжайте ваш рассказ. Я чувствую, что мы приближаемся к самому главному.

- Хотел бы я знать, главное или не главное последует дальше, - ворчливо заметил Понд. - Может, вы и правы, мистер Маккензи, а может, и нет. Однако слушайте дальше. Построив временный форт, мы продолжали шарить в окрестностях озера и обнаружили, что вода изливалась из него через несколько протоков в другую реку, текущую строго на север и известную под именем Невольничьей. Александр Херни - вы наверняка слышали о нем, а мы с ним съели не один пуд соли - спустился по Невольничьей реке на некоторое расстояние и добрался до того места, где в нее с запада впадает какая-то крупная река. От

встретившихся ему по пути атабасков он узнал, что они именуют ее рекой Мира и что берет начало эта река в Скалистых горах, лежащих поблизости от Соленой воды…

- Соленой воды? - переспросил Маккензи недоверчиво.

- Чтоб мне не сойти с этого места, если это не так! - вскричал Понд запальчиво. - Так эти краснокожие и сказали, точь-в-точь!

- Уж не океан ли они имели в виду? - предположил Маккензи.

- Разрази меня гром, если та же самая мыслишка не запала нам в голову, когда Херни привез эту весть, - громогласно заявил Понд, поглядывая с симпатией на своего собеседника и от полноты чувств снова переходя на "ты". - Ты, парень, имеешь голову на плечах и далеко пойдешь. У меня глаз наметанный. Но это еще не все, что надлежит тебе знать. Открою полностью свои карты. Если подниматься по этой реке Мира вверх по течению и перевалить через Скалистые горы, подумалось мне, то неизвестно еще, чем все это кончится. А что если избрать другой путь к морю? Не приведет ли

к цели река Невольничья, текущая на север? Не долго! думая, я послал людей вниз по реке Невольничьей, наказав им, чтобы они не возвращались до тех пор, пока не достигнут места ее впадения в озеро или море.

- Ну и что же? - с нетерпением спросил Маккензи, слушавший Понда все с большим вниманием по мере того, I как тот раскручивал свое повествование.

- Они вернулись через две недели с вестью, что Невольничья река впадает в Большое Невольничье озеро. Мне стало также известно о том, что из этого озера в западной его части вытекает крупная река. Люди, посланные мной, утверждали, что река эта течет строго на запад. Наверное, сказали они, река течет в Тихий океан. Сопоставив эти сведения с дошедшими до нас слухами о третьем плавании англичанина Джемса Кука и об открытии им на шестидесятой параллели северной широты большой реки, впадающей в Тихий океан, мы, то есть я, Хенри и Фробишер, предположили, что обнаруженная моими людьми река и открытая Куком - это одно и то же.

- Но пока это только предположение, не так ли? - сказал Маккензи с сомнением.

- Чтоб я провалился на месте, если это не так, - расхохотался Поид, подмигивая своему собеседнику самым добродушным образом. - От кого зависит, чтобы предположение перешло в уверенность? От молодого Александра Маккензи! Вот от кого! - Понд плеснул изрядную порцию виски в кружку и тут же опрокинул ее себе в горло. - Доброе зелье! Сожалею, дружище, что вы не разделяете со мною компанию. Торговец мехами

должен уметь пить!

- Не стоит об этом говорить, мистер Понд, - тихо, но твердо сказал Маккензи. - Каждый вправе иметь свои убеждения и поступать так, как ему заблагорассудится. Вы вольны пить виски, и я никогда не скажу худого слова по этому поводу. Я предпочитаю употреблять чистую родниковую воду, и вы не судите меня за это.

- Тысяча чертей! - воскликнул Понд. - Никогда не слышал более разумных речей на своем веку! С таким благоразумием вам будут не страшны любые трудности, мистер Маккензи. - Он выпил еще виски не закусывая и, встав из-за стола, направился к выходу.

В 1788 году в устье реки Атабаски под непосредственным руководством Маккензи был построен новый форт, ставший известным под названием Чипевайан. Сооружался форт уже после того, как Понд покинул навсегда эти места. А летом следующего года, не теряя ни одного погожего дня, Маккензи, возглавляя группу в двенадцать человек, оставил форт, с тем чтобы осуществить намерение, родившееся в беседах с его предшественником, - проследить течение реки, начинающейся в Большом Невольничьем озере, до конца.

Оставляя своего двоюродного брата Родерика в форте за главного, Александр снабдил его подробными инструкциями, как ему надлежит поступать в различных ситуациях в его отсутствие.

Третьего июня 1789 года участники экспедиции разместились в челноках, сделанных из березовой коры, и провожаемые добрыми напутствиями пустились в плавание. Они пересекли озеро Атабаску, и вскоре их подхватило течение реки Невольничьей. Сто два дня отсутствовали путешественники. И все это время Родерик Маккензи исправно исполнял обязанности начальника форта. Эта деятельность пришлась ему по душе, но он очень скучал по своему брату, которого любил и уважал.

Какова же была его радость, когда 12 сентября дозорный известил его о приближении к форту флотилии из нескольких челноков.

Он выбежал из форта на берег полураздетый, хотя уже два дня назад выпал первый снег.

- Александр, брат! О, как я счастлив тебя видеть целым и невредимым! - воскликнул Родерик, заключая Маккензи в объятия.

- Ну, полно, полно, - ласково произнес Александр, отвечая на объятия брата. - Право, ты слишком сентиментален, Родерик. Не так уж долго мы отсутствовали, чтобы это заслуживало такого взрыва чувств.

- Нет, ты просто сухарь, - с обидой в голосе ответил Родерик.

- Я не сухарь, а трезво мыслящий человек, - невозмутимо возразил Александр. - А в нашей профессии это просто необходимо - трезво мыслить и сохранять спокойствие при любых обстоятельствах.

- Увы, вряд ли я когда-нибудь усвою эту истину, - развел руками Родерик. - Но хватит нам препираться. Скорее в дом. Ты, наверно, чертовски устал. Я распоряжусь подать ужин, и ты поведаешь мне о своих похождениях,

- Вот именно похождениях, - рассмеялся Александр. - Ты совершенно точно выразился.

Родерик с недоумением взглянул на брата, не совсем улавливая смысл его слов.

- Идем же, - поторопил его Александр. - Я дьявольски голоден и с удовольствием поем.

После обильной трапезы, во время которой Александр отдал должное всем приготовленным блюдам, братья расположились поудобнее и закурили трубки.

Некоторое время никто из них не нарушал молчания, лишь было слышно, как потрескивают сухие дрова в очаге.

Наконец Родерик не выдержал:

- Не довольно ли испытывать мое терпение, брат? Право, я заслужил своей деятельностью в твое отсутствие более доброе отношение, нежели то, что ты демонстрируешь.

- Ты преувеличиваешь, Родерик, - весело рассмеялся Александр. - Не забывай, что я проделал тяжелый путь и очень устал. Твое царское угощение было столь обильным, что меня совершенно разморило. Ну, не сердись, дорогой брат. Сейчас я удовлетворю твое любопытство, поверь мне.

- Ты превратно толкуешь мое нетерпение, - огорченно сказал Родерик. - Мной движет не праздное любопытство, как ты опрометчиво выразился, а живой интерес к результатам вашего похода.

- Я в этом нисколько не сомневаюсь, уверяю тебя. Раскрой же уши, я приступаю к повествованию. - Александр расположился поудобнее и протянул к огню ноги. - Представь себе, нам понадобилось менее недели для того, чтобы достигнуть Большого Невольничьего озера, о котором я услышал впервые от Питера Понда. Это озеро намного больше, чем то, близ которого стоит наш форт. И встретило оно нас не слишком гостеприимно в первый раз - почти до самого горизонта его поверхность была покрыта льдом. Лишь вдоль берега виднелось свободное ото льда пространство воды. И нам пришлось немало попотеть, прежде чем мы сумели пересечь озеро и добраться до северного его берега…

- Лед? - изумленно переспросил Родерик. - Неужели там еще

не стаял лед?

- Да, это была унылая картина, тоскливее не придумаешь, - Александр вздохнул и тут же оживился.

Зато на обратном пути озеро поразило меня своей величавостью. Ты знаешь, Родерик, наше озеро Атабаска на новичка, вероятно, производит такое же впечатление, но я к нему настолько привык, что оно мне кажется самым обыденным. А вот Большое Невольничье оставило неизгладимое впечатление. Вообрази широкую, бескрайнюю водную гладь, спокойную и недвижимую, прозрачную как хрусталь. Простираясь до горизонта, эта сверкающая, словно зеркало, поверхность окаймлена вправо и влево густыми зарослями деревьев и кустарников, опустивших свои ветви к самой воде. Сочная листва переливается световыми пятнами. Вокруг первозданная тишина…

- Вот тебе на! - насмешливо произнес Родерик. - Мой благоразумный и рассудительный брат ударился в сантименты! Никак не ожидал услышать все это от тебя.

- Ты еще молод и глуп, чтобы оценить истинную красоту, - сердито ответил Александр. - Слушай же дальше. Итак, Большое Невольничье озеро оказалось прекрасным образчиком того, что способна сотворить природа. Но это я выяснил впоследствии, а пока что, взяв себе в союзники ветер и дождь, мы осторожно, рискуя ежеминутно продырявить льдинами березовые бока наших четырех челноков, продвигались на север. Ты не поверишь, но, для того чтобы добраться до северного берега озера, потребовалось около двух недель. А потом, - он досадливо поморщился, - еще неделю мы плутали в бесконечных заливах, отыскивая место, откуда берет начало продолжение Невольничьей реки. В конце концов нам повезло - мы натолкнулись на становище индейцев. - Маккензи оживился, лицо его приняло мечтательное выражение.

- Вождь племени принял нас отменно дружески. Мы раскурили трубку мира. Потом нас сытно накормили жареной медвежатиной и копченой олениной. Во время еды мы степенно беседовали с вождем и другими старейшинами племени, которые живо интересовались нашими намерениями, хотя и не подавали внешне виду, сохраняя полное равнодушие и невозмутимость.

- Вы хорошо понимали друг друга? - спросил Родерик.

- Да, вполне. Их наречие мало чем отличалось от того, на котором говорят наши здешние соседи. Когда

они уразумели, какую цель мы преследуем, последовали пояснения и советы, как наилучшим и наикратчайшим путем найти выход из озера. Вождь подозвал молодого индейца, стоявшего в стороне, и сказал ему: "Пойдешь с бледнолицыми и

укажешь им дорогу к потоку, текущему на север". Тот молча кивнул головой и, бесшумно ступая мокасинами по траве, отошел к группе молодых индейцев, о чем-то тихо беседовавших между собой. Я поблагодарил вождя за угощение и дал ему понять, что не прочь отдохнуть. Уже давно стемнело, и лагерь освещался только пламенем костров. По знаку вождя меня отвели в вигвам и оставили одного. Я с облегчением опустился на ложе из сухих листьев, покрытое оленьей шкурой, снял патронташ и положил его вместе с карабином у изголовья.

Долго я ворочался с боку на бок, стараясь уснуть, но сон не приходил. И виной тому, - Александр усмехнулся довольно грустно, - была девушка, прелестная индейская девушка, подававшая нам угощение. Как мне удалось выяснить, она была дочерью вождя, нашего хозяина. Поверь мне, Родерик, более прелестного создания я не встречал в своей жизни. Стройная, грациозная, она двигалась с природным изяществом, черные блестящие косы обрамляли овальное лицо с правильными чертами и глубокими, бездонными глазами. Смотреть на нее было наслаждением, и весь ее облик стоял у меня перед глазами, не давая уснуть.

- Ты влюбился, брат? - с изумлением воскликнул Родерик. - Я не верю своим ушам!

- Не знаю, влюбился ли я, - задумчиво произнес Александр, - но тогда мне казалось, что, кроме этой девушки, мне ничего не нужно. И что немаловажно, мне показалось, что и девушка бросала на меня отнюдь не безразличные взгляды. Словом, заснул я не скоро и был разбужен, когда солнце давно уже взошло.

- Что же было дальше? - не сдерживая любопытства, спросил Родерик.

- События развивались обычным порядком, - продолжал Александр. - На следующий день мне удалось подстеречь девушку, когда она шла к озеру за водой, и наедине объясниться с ней. Я сказал ей, что полюбил ее с первого взгляда и что, если я ей небезразличен, готов на обратном пути забрать ее к себе в форт. Потупив глаза, она призналась, что тоже полюбила "белого вождя" и готова следовать за мной хоть на край света. Словом, это было классическое объяснение в любви, и я был на седьмом небе от счастья. Заключив девушку в объятия, я хотел ее поцеловать, но в это время на тропе появились женщины, и девушка вырвалась из моих рук с тихим возгласом испуга. С того момента я ее больше не видел…

- Как? - недоверчиво воскликнул Родерик. - Почему же?

- Да потому, что мы были неосторожны в изъявлении своих чувств, и об этом стало известно вождю племени, ее отцу. А он,

видимо, не захотел приобретать в моем лице родственника, притом сомнительного, так как не верил, что я женюсь на его дочери.

- И что же? - торопил рассказчика Родерик.

- А то, что на следующий день мы распрощались с индейцами и поплыли по реке, которую нам помог найти молодой воин приютившего нас индейского племени.

Река эта вытекала из западного угла озера и несла свои воды прямо на запад. И справа и слева ее окаймляли глинистые берега, желтеющие под лучами солнца. Я начинал верить в то, что она приведет нас к Тихому океану. Но вскоре, когда мы находились уже милях в двухстах двадцати от Большого Невольничьего озера, река внезапно резко повернула на север, потом на северо-северо-запад. С левой стороны появились горные образования, которые вытягивались с юга на север. Справа тоже показались горы, которые через некоторое время оказались разорванными долиной Большой Медвежьей реки. Я не стал ее исследовать, чтобы не терять даром времени. Река впадала в нашу реку с востока, а меня интересовало все то, что было на западе или, в крайнем случае, на севере.

Когда мы достигли шестьдесят седьмой параллели, река стала шире, берега ее понизились, появились многочисленные острова, образованные рукавами, отходящими от основного русла. И хотя на западе виднелись горы, мне подумалось, что до океана совсем недалеко. Мы продолжали плыть вниз по реке, надеясь вот-вот увидеть долгожданную морскую гладь. Это случилось в один из дней, когда мы сделали привал, и я решил подняться на соседний холм, чтобы обозреть окрестности. Достигнув вершины холма, я огляделся вокруг и, к своей великой радости, увидел на западе открытое море, а, глянув на восток, обнаружил залив, в котором многочисленные острова перемежались с льдинами. Наконец-то, вздохнул я с облегчением, цель достигнута и теперь можно возвращаться домой. Было это тринадцатого июля. А ночью, впрочем, ночью это время суток можно было считать лишь условно, потому что солнце в это время здесь не заходило, мне удалось наблюдать прилив…

- Значит, ты убедился в точности, что достиг Тихого океана? - задал вопрос Родерик, напряженно слушавший рассказ брата.

- Океана да, но не Тихого, - пояснил Александр. - Да, совершенно очевидно, что река вынесла нас к океану, но это Гиперборейский океан (*Гиперборейский океан - так именовался в те времена Северный Ледовитый океан*).

- Гиперборейский? - недоуменно переспросил Родерик. - Но почему ты так решил?

- Я не решаюсь утверждать это с полной определенностью, но думаю, что так оно и есть, - пожал плечами Александр. - Тихий океан должен лежать много западнее и по предположениям и по расчетам. Впрочем, это не меняет дела. Шестнадцатого июля мы распрощались с низовьями реки и поспешили обратно. Надо было успеть вернуться в наш форт до того, как начнется ледостав на озерах и реках. И вот мы здесь, дома, проделав путь более чем в три тысячи миль.

Александр Маккензи потянулся и широко улыбнулся:

- Все еще впереди, дорогой брат. Мы с тобой еще порыщем в этих диких местах, и, даст бог, небезрезультатно.

- Ты намерен еще раз пуститься на поиски Тихого океана? - полюбопытствовал Родерик.

- Это так же верно, как то, что мы сейчас с тобой беседуем с глазу на глаз, - весело ответил Александр. - Пока мы плыли вверх по реке, я обдумывал одну идею…

- Что-нибудь новое? - перебил брата Родерик.

- Умерь свое нетерпение, дорогой брат, - снисходительно пробормотал Александр, поглядывая лукаво на Родерика, - ничего особенно нового я не придумал, если не считать того, что, пожалуй, не мешало бы подучиться мне таким наукам, как география и топография, прежде чем пускаться в новые путешествия. А для этого я должен непременно вернуться домой. Здесь, в этой глуши, мне рассчитывать не на что и не на кого.

- Ты уедешь, а я останусь здесь? - голос Родерика прозвучал обиженно.

- Не обижайся, брат, и не сердись. Пока я буду набираться знаний на нашей родине, ты тоже не будешь терять время даром. Не забывай, что Большая Медвежья река ждет своего исследователя! - Александр ободряюще потрепал брата по щеке. - Мужайся, Родерик! И тебе предстоит сказать свое слово в изучении Канадского Севера!

- Ты доверяешь мне, Александр, выполнить такое поручение? - радостно воскликнул Родерик, вскакивая с места. - Как я счастлив твоим доверием! Будь спокоен, я тебя не подведу!

- Вот и хорошо, - кивнул головой Александр. - А теперь пойдем-ка спать, мой дорогой родственник. Только сейчас я ощутил в полной мере, как я устал.

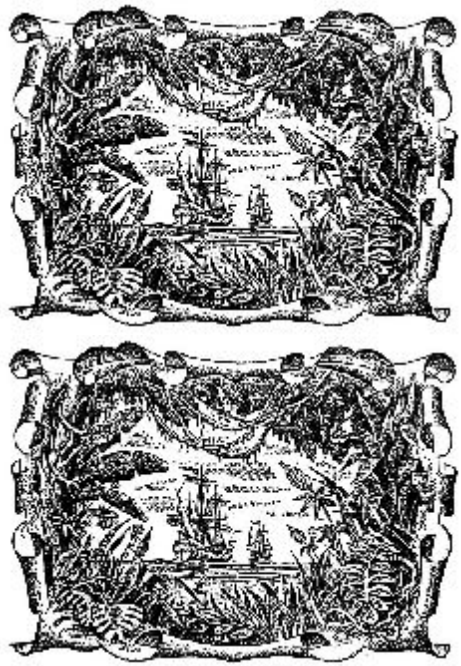
Спустя три года Александр Маккензи, вернувшись с родины, отправился в новый поход, задумав сделать то, что ему не удалось в первый раз, - отыскать речной путь к Тихому океану. И 22 июля 1793 года после долгих скитаний по рекам ему удалось достигнуть морского побережья. Астрономические измерения показали, что путешественники находятся на 54 градусе северной

широты. На отвесной скале красной краской Маккензи вывел: "Александр Маккензи из Канады, по суше". Далее следовала дата. Так было совершено пересечение Североамериканского материка в самой широкой его части.

А река, вытекающая из Большого Невольничьего озера, по которой он спустился вниз до самого ее впадения в Северный Ледовитый океан, получила его имя.

Река Маккензи - последний участок крупной водной артерии в Северной Америке, которая начинается в Скалистых горах под названием Атабаска. Это название сохраняется вплоть до впадения в озеро Атабаска, затем продолжается под именем Невольничьей до впадения в Большое Невольничье озеро. От Большого Невольничьего озера она теперь известна под именем Маккензи и впадает в залив Маккензи моря Бофорта в Северном Ледовитом океане.

Предок великого поэта



Предок великого поэта

В кабинете первого лорда Адмиралтейства было сумрачно, тяжелые драпри надежно отгораживали святилище морской службы Англии от внешнего мира.

Лорд Адмиралтейства, человек преклонного возраста, но крепкий на вид, с обветренным лицом, в напудренном парике, ходил из угла в угол и назидательным тоном втолковывал что-то внимательно слушавшему его морскому офицеру средних лет, стоявшему навытяжку у письменного стола.

- Садитесь же, коммодор (*Коммодор - в Англии морской чин командующего эскадрой*), - с явным раздражением сказал хозяин кабинета, останавливаясь на мгновение перед офицером и сверля его единственным глазом. - Что вы стоите, как столб? В который раз я вам это говорю! Вы мой старый товарищ, и, наконец, вы занимаете достаточно высокий пост начальника эскадры!…

- Не сердитесь, милорд, - развел руками офицер. - Это у меня осталось еще с тех времен, когда я служил под вашим началом на корабле в чине младшего офицера. - Он поискал глазами кресло и уселся в нем, не отводя глаз от собеседника.

- Черт возьми, коммодор, славные были времена! -

мечтательно произнес лорд, тоже усаживаясь в кресло. - Есть что вспомнить - и переходы, и бои…

- Как же не вспомнить, - подтвердил моряк, почувствовав себя свободнее. - Хотя бы сражение с испанцами, когда вы лишились глаза, а мне проткнули бок, да так мастерски, что я провалялся два месяца с лишним в постели.

- Что и говорить, - согласился лорд, - дело было горячее. Но и добыча была славная! Что скажете, Джон?

- Тысяча чертей! Прошу прощения, сэр, за вольность, но такие дни не забываются до самого смертного одра.

- Этот абордаж, Джон, скрепил нашу дружбу навечно. Я не забуду, как вы меня выручили из беды.

- Пустяки, милорд, каждый на моем месте поступил бы точно так же. - Коммодор Джон Байрон смутился и покраснел, как мальчишка. - Не подумайте, сэр, что я хотел намекнуть…

- Мне и в голову не могла прийти такая мысль, - успокоил коммодора лорд. - Однако мы с вами отвлеклись от главного. - Он вскочил с кресла и снова забегал по кабинету. - Помните, коммодор, что для вящей славы Англии как могущественной морской державы, для чести британской короны, наконец, для преуспеяния торговли и мореплавания нет ничего полезнее, нежели открытие и освоение новых земель. - Он остановился перед Байроном, который напряженно следил за ходом мысли своего начальника, и ткнул в него пальцем: - Вам надобно знать, что в Атлантическом океане между мысом Доброй Надежды и Магеллановым проливом могут оказаться не известные еще до сих пор европейским державам земли и очень большие острова, лежащие в широтах, удобных для судоходства, и обладающие климатом, пригодным для разведения на них всяких полезных злаков и других растений.

- Вы имеете в виду, милорд, Землю Пепис? - уточнил Байрон.

- Вы попали в самую точку, коммодор, - прогремел лорд Адмиралтейства, одобрительно глядя на своего старого соратника. - И не только ее, потому что указания о ее существовании встречаются с 1684 года, хотя не подтверждены пока ничем определенным, но и острова, лежащие, как нам известно, на 52 градусе южной широты,

как раз напротив Магелланова пролива. - Он остановился и многозначительно посмотрел на собеседника.

- А-а-а, - понимающе протянул Байрон.

- Вот именно, - усмехнулся лорд. - На этих островах, по имеющимся у меня сведениям, которым нет основания не верить, высадилось несколько семейств французских эмигрантов с намерением натурализоваться там…

- Значит, Франция претендует… - подхватил Байрон.

- И не только Франция, но и Испания, коммодор, имейте это в виду, - подчеркнул глава английского Адмиралтейства. - Помните также, что его величество король Георг проявляет особый интерес к результатам вашего плавания.

Байрон вскочил с места:

- Можете быть уверены, милорд, что я выполню все, что мне будет предписано, самым неукоснительным образом.

- Я знаю, старина, - удовлетворенно улыбнулся лорд и, подойдя к коммодору, ободряюще похлопал его по плечу. - Ступайте, время не ждет. В ваше распоряжение я предоставлю два корабля, крепких и надежных. Да поможет вам бог!

Двадцать первого июня 1764 года прекрасно снаряженные корабли "Дельфин" и "Тамар" покинули берега Англии и взяли курс к берегам Бразилии. Двести сорок матросов и семьдесят офицеров составляли экипажи судов, которым предстоял долгий и нелегкий путь вокруг мыса Горн в Тихий океан и далее через его необъятные пространства на запад в поисках новых земель - или еще не открытых, или уже открытых, но "утерянных", как Соломоновы острова.

Первую стоянку Байрон сделал у берегов Патагонии (*Патагония - южная часть Аргентины*), облюбовав для этого небольшую удобную бухту. Едва моряки высадились на берег, как появились индейцы-патагонцы. Их было великое множество, и вся эта толпа, насчитывающая не менее пятисот человек, двигалась сплошной лавиной вдоль берега. Большинство индейцев было на низкорослых лошадях, и необычное сочетание крупных всадников и маленьких лошадок вызвало удивление и иронические замечания англичан. В то же время они держались настороже, опасаясь внезапного нападения со стороны хозяев страны. Впрочем, вскоре стало очевидным, что патагонцы настроены самым мирным образом, и Байрон разрешил морякам вступить в общение с ними.

Начался оживленный обмен знаками, которые были единственным доступным способом объясниться, чтобы понять друг друга. Обе стороны прилагали немало усилий для этого и искренне радовались, когда им удавалось понять друг друга. Особенно радовались туземцы безделушкам, которые дарили им пришельцы, - разноцветным ленточкам, стеклянным шарикам и табаку.

Не обнаружив поблизости- от бухты пресной воды, мореплаватели вскоре ее покинули и направились в Магелланов пролив в поисках реки или источника, из которых можно было бы пополнить запасы воды, значительно истощившиеся за время

плавания. Такая стоянка вскоре была найдена. Пробыв там десять дней, корабли вновь направились в воды Атлантического океана на поиски Земли Пепис.

Однако, видимо, строго следуя данной ему Адмиралтейством инструкции, Байрон не стал искать эту землю в районе 47 градуса южной широты, а прямо повел свою эскадру к 52 градусу, где находились Фолклендские острова, которые французский мореплаватель Бугенвиль годом раньше назвал Мальвинскими в честь французских купцов из города Сен-Мало.

Действительно ли приняв эти острова за мифическую Землю Пепис или сделав только вид, что он так полагает, Байрон сошел на землю и торжественно провозгласил, что отныне она является собственностью британской короны.

Затем корабли вновь повернули на запад и направились к Огненной Земле, которую им предстояло обогнуть, прежде чем оказаться в водах Тихого океана. Несколько раз останавливаясь у берегов Огненной Земли, путешественники имели возможность встречаться с островитянами, которые произвели на них самое жалкое впечатление.

- Я уже второй раз в кругосветном плавании, - обратился Байрон к стоящему рядом с ним Картерету, морскому офицеру, состоящему в экипаже "Дельфина", - но мне не приходилось еще видеть до этого времени таких жалких человеческих созданий.

- Вы правы, сэр, - ответил Картерет. - Как они, должно быть, бедны, если ходят совершенно голые, без какой-либо одежды, могущей прикрыть их тела от холода. Впрочем, взгляните, у некоторых из них на плечах шкуры.

Байрон знаками подозвал одного из островитян и, когда тот с некоторой опаской приблизился, протянул ему несколько стеклянных бусинок разного цвета, дав понять, что это подарок. Пока тот восторженно рассматривал полученное им сокровище, Байрон смотрел на лежавшую на плечах этого туземца шкуру.

- Бр-р! - произнес он брезгливо, отходя в сторону. - Да это же тюлений жир так "благоухает". Вы ощущаете, Картерет?

- Да, несомненно, это тюленья шкура, - согласился офицер и не без юмора добавил: - Надеюсь, сэр, вы не намерены просить ее в обмен на ваш дар?

- Вы шутник, оказывается, - весело рассмеялся Байрон. - Пусть шкура остается у ее владельца, а вот лук и стрелы я у него попрошу.

Усиленно жестикулируя, он принялся объяснять индейцу, что ему нужно. Тот долго не мог понять, но, в конце концов, уразумел, закивал головой, что-то говоря на своем языке, и протянул Байрону левой рукой лук со стрелами, которые

хранились у него в колчане, а правую прижал к сердцу.

- Очень мило с его стороны, - подмигнул Картерету коммодор, принимая интересующие его предметы и тоже прижимая руку к сердцу в знак благодарности. - Но нам пора на корабль. Время готовиться к отплытию. - Он сделал прощальный жест и направился к шлюпке, которая уже качалась на прибрежной волне.

На следующий день, кинув последний взгляд на приютившую их бухту, окруженную суровыми скалами, английские моряки отправились в дальнейший путь вокруг мыса Горн, самой южной оконечности Огненной Земли.

И вот они уже плывут по пустынным волнам Тихого океана в поисках острова Пасхи, названного так голландским мореходом Роггевеном. Попутный ветер увлекает корабли на запад, где должна находиться эта земля. На горизонте не видно ни облачка, не заметно пока и никаких признаков суши. Так дни сменяются днями, один похож на другой. Но вот корабельный лекарь докладывает, что несколько матросов заболели. Цинга!

Встревоженный Байрон после короткого размышления принимает решение изменить курс кораблей и направить их на северо-запад, где, по его разумению, больше шансов встретить какой-нибудь остров. Штурвальный на "Дельфине" выполняет его команду, и сигнальщик передает ее на "Тамар".

Не проходит и нескольких дней, как впереди показывается неизвестная земля. Приборы показывают 14 градусов 58 минут западной долготы. Когда суда приблизились настолько, что можно было разглядеть новоявленную землю более детально, оказалось, что перед мореплавателями два острова. На берегу виднелась пышная растительность. Кокосовые пальмы слегка покачивались на ветру, отягощенные плодами.

- Подходящее место для стоянки, - пробормотал Байрон, пристально разглядывая берега. - Здесь можно было бы подлечить наших людей, не так ли?

- Совершенно верно, сэр, - немедленно откликнулся вахтенный офицер. - Но я не нахожу никакой подходящей бухты.

- Да-а-а, вы правы, черт возьми, - разочарованно заметил Байрон. - Вот что, лейтенант, потрудитесь распорядиться спустить на воду шлюпку, чтобы разведать место для якорной стоянки.

Результаты оказались неутешительными: берега островов имели очень крутые склоны, обрываясь почти отвесно в море. Замеренные глубины были настолько большими, что не могло быть и речи о спуске якоря.

И Байрон вынужден был продолжать плавание, назвав эти недоступные острова островами Разочарования. Это было 8 июня

1765 года. А на следующий день показался еще один остров. Берега его были низменны и вполне доступны. Посланная на разведку шлюпка была атакована воинственными островитянами, окружившими ее на своих челнах. Не раздумывая, английские моряки открыли огонь и ранили нескольких нападавших. Гром выстрелов привел в ужас островитян, а когда они увидели, как течет кровь из ран их собратьев, то еще больше испугались и бросились бежать.

Днем позже больные были доставлены на берег, и сопровождавшие их матросы под руководством корабельного лекаря стали собирать лечебные травы и кокосовые орехи, молоко которых предполагалось использовать также в качестве целительного средства. Островитяне не решались подходить близко к пришельцам и следили за ними издали.

Почти две недели пробыли на острове мореплаватели и, покидая его, нарекли островом Короля Георга.

Двадцать первого июня корабли достигли группы островов, расположенных между 10 и 11 градусами южной широты, каждый из которых был окружен, как барьером, цепочкой коралловых рифов. Пенистые буруны обнаруживали местонахождение этих рифов, как бы предупреждая об ожидающей опасности.

Байрон так и назвал их - острова Опасности и поспешил обойти стороной. А еще через несколько дней появился новый остров, более гостеприимный на вид. По настоянию офицеров "Дельфина" этому острову было присвоено имя их командира.

Прошло еще около месяца плавания, после того как позади остался остров Байрона, и на горизонте обозначились полоски земли. Чем ближе подплывали к ним корабли, тем радостнее становился коммодор.

- Взгляните, Картерет! - вскричал он, когда суда приблизились к островам настолько, что можно было уже различить очертания береговой линии. - Эти острова мне хорошо знакомы. Они принадлежат к архипелагу, названному испанцами Ладронес (*Острова Ладронес - нынешний Марианский архипелаг, расположенный восточнее Филиппинских островов*).

- Что означает это название, сэр? - поинтересовался Картерет, находившийся на мостике при исполнении обязанностей вахтенного начальника.

- Если не ошибаюсь, в переводе с испанского это звучит как "воровские", - не совсем уверенно ответил Байрон. - В описании плавания Магеллана есть о них упоминание. По всей вероятности, испанцы назвали так острова после общения с их обитателями.

- Но вы сказали, сэр, что эти острова вам хорошо знакомы, -

напомнил Картерет. - Что вы имели при этом в виду?

- Да то, что мне довелось здесь побывать с лордом Ансоном во время каперской экспедиции (*Каперские экспедиции совершались частными лицами на принадлежащих им судах с разрешения правительства в военное время с целью захвата неприятельских торговых кораблей и их содержимого*) почти двадцать лет назад, - пояснил Байрон.

- Трудное было плавание? - спросил Картерет, и по выражению его глаз Байрон понял, что молодой моряк жаждет послушать его рассказ.

- Пришлось побывать в переделках, что и говорить, - с интонацией, не лишенной озорства, подтвердил Байрон. - Помню все досконально, будто это произошло не много лет назад, а вчера. - Он достал трубку и кисет, потом, видимо передумав, снова опустил их в карман. - Шесть кораблей участвовали в этом предприятии, а вернулся лишь один, наш "Центурион". Чего только не было - и кораблекрушения, и плен, и холод. Более подробно я как-нибудь расскажу вам об этом, Филипп, а сейчас недосуг вдаваться в детали. Ограничусь самым главным. Мы покинули Англию 18 сентября 1740 года и, зайдя на остров Мадейру, направились к берегам Бразилии. Затем миновали Лаплатскую колонию (*Лаплатская колония - ныне Аргентина*) и обогнули мыс Горн…

- Точно так же, как и мы, - уточнил Картерет.

- Похоже, что так, - согласился Байрон и продолжал: - При выходе в Тихий океан мы попали в страшнейший шторм, который раскидал наши корабли. На моих глазах два из них погибли вместе с людьми, погрузившись в пучину бушующего океана. Остальные были отнесены бурей в западном направлении. Больше недели не утихал шторм. Продовольствие было на исходе, иссякли запасы пресной воды. Каждый день приносил смерть кому-нибудь из членов экипажа. Уже восемьдесят человек нашли себе могилу на дне океана. На наше счастье, "Центурион" оказался в виду острова Хуан-Фернандес. Было это 9 июня 1741 года, через девять месяцев после отплытия из Англии. Мы высадились на остров и четыре месяца, отдыхая, не двигались с места. Славное было времечко, должен вам заметить, Картерет.

- А что же трофеи? - нетерпеливо вырвалось у Картерета.

- Не забегайте вперед, Картерет, и вооружитесь терпением, - усмехнулся Байрон. - Выдержка - одно из главных достоинств моряка!

- Прошу извинения, сэр, - виновато произнес офицер.

- То-то же, - добродушно проворчал коммодор. - Я как раз и перехожу к тому, что составляло цель нашей экспедиции.

Поправив здоровье и набравшись сил, мы начали совершать набеги на испанские купеческие суда - ведь остров Хуан-Фернандес лежит неподалеку от берегов испанских владений в Америке (*Побережье нынешнего государства Чили*), вдоль которых пролегают пути всех кораблей, следующих из метрополии в колонии и из колоний в метрополию. Нам удалось вскоре захватить несколько испанских "купцов", в трюмах которых мы обнаружили, к своей великой радости, золото и серебро. Дело однажды дошло до того, что мы высадились на берег и осадили город. Нагруженные захваченным добром, мы взяли курс на запад, намереваясь достигнуть берегов Китая. Океан большую часть плавания был бурным, не раз грозила нам участь наших спутников, погибших много ранее, но в итоге все обошлось благополучно, и мы после многодневного морского перехода очутились вот здесь, - Байрон указал рукой на бухту, открывавшуюся их взорам на ближайшем из островов, именуемом Тиниан. - Вот в этой бухте мы делали остановку на "Центурионе"…

- И повторим то же самое, - подхватил Картерет.

- Вы угадали, Фил, мое намерение, - ответил собеседнику Байрон. - Распорядитесь, пожалуйста, об этом.

Картерет отдал команду, и матросы забегали по реям, собирая и связывая паруса. Спустя сорок минут "Дельфин" и "Тамар" бросили якоря в бухте острова Тиниан. Выполняя приказание коммодора, всех больных свезли на берег и поместили в палатках, которые для этой цели были специально поставлены.

Кокосы, лимоны, плоды померанцевого и хлебного деревьев, имевшиеся на этом острове в изобилии, не могли не сказаться благоприятно на состоянии больных, измученных цингой. И они с каждым днем пребывания здесь чувствовали себя бодрее и крепче.

Два месяца провели мореплаватели на острове, отдыхая и наслаждаясь его роскошной природой. При этом они не забывали о деле и запасались необходимым продовольствием и питьевой водой. Правда, и здесь, в этом земном раю, не обошлось без потерь: двое матросов заболели лихорадкой, и их не удалось спасти, несмотря на все принятые меры.

Первого октября 1765 года корабли покинули, наконец, гостеприимный остров и пустились в путь, время от времени останавливаясь у встречавшихся все чаще островов, с тем чтобы выменять у островитян кур, коз или свиней на топоры, ножи или другие полезные в обиходе предметы. Им не всегда удавалось это сделать, так как местные жители иногда требовали с них деньги,

имевшие там хождение. К 27 ноября они добрались до столицы голландской Ост-Индии (*Ныне Индонезия*), города и порта Батавия, расположенного на острове Ява, и, пробыв здесь две недели, распрощались с голландцами и взяли курс к мысу Доброй Надежды.

Индийский океан оказался к мореплавателям милостивым, и уже 13 февраля корабли Байрона были на рейде Капштадта (*Ныне Кейптаун*). Здесь пришлось вновь пополнить запасы продовольствия, питьевой воды, медикаментов - до Англии предстоял еще немалый путь, полный неожиданностей.

Десятого мая 1766 года Байрон докладывал лорду Адмиралтейства о результатах возглавляемой им экспедиции.

Лорд по обыкновению мерил шагами свой кабинет, чутко прислушиваясь к рассказу коммодора.

- Я хотел бы подчеркнуть, милорд, - говорил Байрон с почтительной интонацией в голосе, - что все предписания, полученные мной перед отплытием, выполнены неукоснительно. Потери в людях я понес незначительные, а корабль…

- Вы сказали, коммодор, "корабль", а не "корабли". Мне это уже известно, - перебил его повелительно глава Адмиралтейства. - Соблаговолите дать отчет в этом!

- Это так же верно, как то, что я нахожусь в настоящую минуту в вашем кабинете, милорд, - ответил невозмутимо Байрон. - В самом деле, в Англию прибыл только мой "Дельфин". И смею вас заверить, сэр, что он з прекрасном состоянии.

- А "Тамар"? Что с "Тамар"? - весьма несдержанно воскликнул лорд, ускоряя свой бег по кабинету.

- Все в порядке, милорд. Нет никаких оснований для беспокойства, - успокаивающе произнес Байрон, с улыбкой глядя на своего старого командира. - "Тамар" я отправил к Антильским островам, до Англии он не добрался бы, так как сильно поизносился за время почти двухгодичного плавания. - Он поднял руку, видя, что его собеседник собирается опять взорваться. - И у меня есть верные сведения, что "Тамар" прибыл благополучно на Барбадос.

- Надеюсь, что так оно и есть, - ворчливо бросил лорд. - Я проверю, сэр, я проверю, так ли оно на самом деле, и не дай вам бог ошибиться!…

- Мне хотелось бы также, милорд, - продолжал между тем Байрон, - заметить, что если бы наше правительство подсказало его величеству королю Англии, что не мешало бы послать со старым морским волком Джоном Байроном двух-трех ученых, которых у нас хоть пруд пруди в Оксфорде, то от плавания было бы больше толку, могу в этом поклясться. Они хотя бы описали

все то, что нам довелось увидеть, со знанием дела.

- Возможно, ты и прав, старый товарищ, - задумчиво произнес лорд, вставая с кресла и подходя к Байрону, чтобы обнять его. - Но дело сделано, а сделанного не воротишь.

* * *

Так закончилось кругосветное плавание Джона Байрона, деда великого английского поэта Джорджа Байрона. И если внук оставил по себе память в виде нетленных поэтических произведений, то имя деда увековечено в названии острова в Тихом океане, принадлежащего к архипелагу Гилберта.

За перешейком - Южное море

За перешейком - Южное море
Шел 1511 год.

Распустив все паруса, подгоняемая попутным ветром каравелла быстро удалялась от Эспаньолы (*Остров Эспаньола - ныне Гаити*). Экипаж судна и колонисты, направляющиеся на постоянное жительство в Новую Андалусию (*Так в те времена называлась северная приморская полоса нынешней Колумбии*), уже не смотрели назад, туда, где скрывались очертания острова. Каждый занялся своим делом.

Бакалавр Мартин Эрнандес Энсисо, состоятельный испанец, снарядивший судно на свои средства, стоял на верхней палубе и задумчиво смотрел вдаль, полностью погруженный в свои мысли. Сейчас, когда каравелла уже в пути, а на ее борту набранные им колонисты, он строил планы быстрого обогащения на новых землях, которых они вскоре достигнут. Там ожидает их его компаньон Алонсо Охеда, получивший королевский патент на Новую Андалусию. Он, Энсисо, субсидировал экспедицию Охеды. На четырех каравеллах триста испанцев, вооруженные до зубов, отправились покорять новые земли, обуреваемые жаждой обогащения. И вот теперь он направляется туда же. Ему

необходимо не только вернуть деньги, вложенные в предприятие, но и удвоить, утроить, нет, удесятерить доходы. Золото, жемчуг, наконец, торговля рабами - вот источники богатства, о котором он мечтает.

Энсисо улыбнулся своим мыслям: пройдет несколько лет и он будет очень богатым человеком. А что может быть желаннее богатства? Власть? Но имея много денег, приобретаешь и власть, если не явную, то тайную.

Внезапно его размышления были нарушены шумом, приближающимся от кормы. Это был гул толпы людей, чем-то возбужденных. Прошло не более двух минут, как на верхней палубе показалась сначала группа колонистов, кричавших и оживленно жестикулирующих, а затем двое дюжих матросов, которые вели какого-то неизвестного человека в грязной, рваной одежде.

- Что это значит? - строго спросил Энсисо, когда незнакомец оказался в двух шагах от него. - И прекратите балаган, - прикрикнул он на колонистов.

Мгновенно воцарилось молчание, которое нарушил один из конвойных:

- Сеньор Энсисо, я обнаружил этого субъекта совершенно случайно, спустившись в трюм, чтобы проверить по приказанию капитана крепление груза. За одним из бочонков с порохом или с вином, точно не скажу, лежал скрючившись этот человек и крепко спал. Обнаружил я его по храпу.

Энсисо окинул взглядом незнакомца, как бы оценивая его. Перед ним стоял мужчина среднего роста, хорошо сложенный, мускулистый. На вид ему можно было дать лет тридцать пять - сорок. Волосы, борода и усы у него были в беспорядке. Стоял он уверенно, несмотря на помятый вид.

- Кто вы? - резко спросил Энсисо. - И каким образом попали на мой корабль?

Спрашиваемый криво усмехнулся:

- Прежде чем я вам отвечу, сеньор, прикажите вашим людям отпустить мои руки. Опасаться, что я убегу, нет никаких оснований. - Он обвел глазами окружающее каравеллу морское пространство.

Энсисо велел матросам отпустить пленника, и тот, почувствовав себя свободнее, расправил широкие плечи и коротко рассказал о себе.

- Мое имя - Васко Нуньес де Бальбоа. Я участвовал в экспедиции Родриго Бастидаса (*Р. Бастидас - испанский конкистадор, исследователь берегов Карибского моря*) к берегам Нового Света и после ее завершения обосновался на острове

Эспаньола с намерением заняться сельским хозяйством. Деньги у меня тогда водились, и я приобрел плантации. Вскоре я понял, что сельская жизнь не мой удел. Деньги быстро таяли, плантации не приносили дохода, я залез в долги, и никаких надежд расплатиться с ними у меня не было. Что мне оставалось делать? Я решил бежать с Эспаньолы куда глаза глядят, кроме Испании, разумеется, потому что там мне грозила долговая тюрьма, как и на Эспаньоле. И вот, улучив удобный момент, я незаметно пробрался на ваш корабль и спрятался в трюме, рассчитывая на то, что мне удастся не обнаружить себя до тех пор, пока каравелла не окажется далеко от берегов Эспаньолы. Было это в день отплытия, о цели которого я узнал из разговоров на берегу. Кстати, цель эта меня вполне устраивает…

- Слыхали?! - расхохотался Энсисо, надменно выпрямляясь и обводя ироническим взглядом всех собравшихся вокруг него. - Его, видите ли, устраивает! Уж не рассчитываете ли вы, почтеннейший, на то, что я возьму вас с собой?

В толпе начали смеяться, показывая пальцами на Бальбоа.

- Вы же знаете лучше, чем я, Бальбоа, что на борт кораблей, отплывающих из Эспаньолы, запрещено брать несостоятельных должников.

- И все же, сеньор, - настойчиво повторил непрошеный пассажир, не опуская глаз под пристальным взглядом Энсисо, - надеюсь, что вы не выкинете меня за борт на съедение рыбам. Вы христианин…

- Я могу поступить иначе, - перебил его владелец каравеллы. - Нет ничего проще, чем высадить вас на первый встреченный остров, независимо от того, обитаем он или нет.

- Вам не следует так поступать, - усмехнулся Бальбоа. - Взгляните на меня, я здоров, крепок. Наверняка я могу вам пригодиться. Лишняя пара сильных рук, опыт и смекалка, думаю, вам не помешают, дон Энсисо.

- Я подумаю, сеньор Бальбоа, я подумаю, - после некоторого раздумья сказал Энсисо. - А пока накормите его. Эй, Эетебан, подыщи для сеньора костюм, чтобы он мог переодеться.

Поразмыслив и приглядевшись к Бальбоа, Энсисо решил оставить его при себе, сочтя, что он смелый и неглупый человек.

Каравелла между тем продолжала плавание, дни бежали за днями, в наконец показались берега материка. Когда корабль приблизился к побережью примерно в тем месте, где в море впадает река Магдалена, дозорный крикнул, что видит судно, идущее на сближение с каравеллой Энсисо. Вскоре корабли сравнялись, и от встреченного судна отвалила шлюпка.

Энсисо встречал прибывших у трапа, рядом с ним стоял

Бальбоа.

- Вы ли это, сеньор Писарро?! - воскликнул в удивлении Энсисо, увидев поднявшегося на палубу офицера с изможденным лицом.

- К счастью, это я, а не моя тень, сеньор Энсисо, - с мрачным юмором ответил Писарро. - Благодарение господу богу, мы еще живы. - Он горящим взглядом обвел моряков каравеллы, обступивших его, и остановился на Бальбоа: - Васко Нуньес Бальбоа? Вы? Какими судьбами?

Энсисо смотрел то на одного то на другого с удивлением, как бы спрашивая, что все это значит.

- Мы земляки с Писарро, - пояснил, улыбаясь, Бальбоа, - ни один из нас не предполагал, что мы можем встретиться в Новом Свете, этим все и объясняется.

- Но что означает ваш вид, сеньор Писсаро? - с удивлением спросил Энсисо. - Платье висит на вас, как на палке.

- Сеньор Охеда покинул нас в крепости Сан-Себастьян, которую мы построили на берегу Дарьенекого залива, чтобы вскоре вернуться с пополнением и помощью. Прошло полгода с момента его отплытия, за это время у нас кончилось продовольствие, и нам пришлось жить впроголодь последние несколько недель. Немудрено, что мы отощали. А тут еще и лихорадка пошла гулять. Нас осталось всего шестьдесят человек, голодных и больных. Я посадил весь гарнизон крепости на каравеллы, решив плыть к Эспаньоле. Одна из них, едва мы покинули гавань, затонула по неизвестным причинам вместе со всем экипажем. А наша, благодарение богу, продолжала плавание, и вот мы встретились с вами.

- Я полагаю, что вам следует вернуться в Сан-Себастьян вместе с нами и как следует обосноваться там, - после некоторого раздумья заявил Энсисо, поглядев при этом на Бальбоа, мнением которого он стал дорожить.

Тот кивнул головой в знак согласия. Но Писарро стал возражать:

- Люди изможденны до последней степени, им надо отдохнуть, прийти в себя, отъесться, наконец.

- Продовольствия у нас достаточно, - успокоил его Бальбоа, - а что касается золота и жемчуга, так придется потрясти туземцев. Это главное для нас. - Глаза его при этом алчно блеснули.

Писарро расхохотался:

- Узнаю земляка. Он, как прежде, не страдает отсутствием аппетита по части золота и других драгоценных побрякушек. Будь по-вашему, вернемся в Сан-Себастьян, я согласен.

Колонисты и остаток отряда Охеды пробыли в крепости

недолго. Бальбоа быстро уразумел, что в окрестностях вряд ли найдется чем поживиться, предложил покинуть Сан-Себастьян и основать поселение западнее по берегу Дарьенского залива Карибского моря. Колонисты и солдаты с радостью встретили это предложение. Один лишь Энсисо высказал сомнения.

- Как бы не нажить неприятностей, - озабоченно сказал он, когда происходило обсуждение этого вопроса.

- Какие здесь могут быть неприятности? - беззаботно заявил Бальбоа.

- Если мы примем это предложение, то рискуем вызвать неудовольствие Никуэсы, которому выдан королевский патент на колонизацию Золотой Кастилии (*Золотая Кастилия - берега нынешних Панамы и Коста-Рики*). А мы окажемся на ее территории, это несомненно.

- Пустое, - небрежно сказал Бальбоа. - С Никуэсой, когда он здесь появится, у нас будет разговор особый.

Уверенность, решительность Бальбоа произвели сильное впечатление на колонистов и солдат, и его авторитет очень укрепился. А когда испанцы, следуя совету Бальбоа, проникли на территорию Золотой Кастилии и разграбили индейское селение, захватив хлопчатобумажные ткани, золото и разнообразные продукты питания, его авторитет стал непререкаемым.

Попытки Энсисо сохранить остатки своей власти были бесплодны. Все его спутники и люди Писарро в один голос заявили, что они подчинялись ему, пока находились на территории Новой Андалусии, а теперь, будучи в Золотой Кастилии, признают только Бальбоа, которого единодушно избрали алькальдом.

Между тем Диего Никуэса с королевским патентом в руках держал путь к берегам Золотой Кастилии. Его сопровождал большой отряд солдат, с помощью которых он рассчитывал завоевать новые владения испанской короне, отданные ему в правление.

Никуэса благополучно добрался до Панамского перешейка и, высадившись там, основал поселение. Здесь от местных индейцев он узнал, что чуть южнее есть колония испанцев. Многочисленный отряд Никуэсы за сравнительно короткий срок пребывания в поселении, названном ими Номбре-де-Диос (*Имя бога*), превратился в небольшую группку - желтая лихорадка и голод сделали свое дело.

Попытка Никуэсы утвердить свою власть в поселении Санта-Мария-де-ла-Антигуа, основанном Энсисо, Бальбоа и их спутниками, окончилась для него плачевно. Бальбоа и настроенные им колонисты встретили Никуэсу и

немногочисленный его отряд враждебно, и не только не признали его прав на все окрестные земли, но и пригрозили его убить, если он будет настаивать на своем.

Никуэса понял, что предприятие, которое он затеял, неосуществимо с такими малыми силами, как у него, и покорился.

Бальбоа приказал своим людям посадить неудачливого наместника Золотой Кастилии на каравеллу вместе с солдатами, сохранившими ему верность, с тем чтобы они немедленно покинули поселение и плыли куда глаза глядят. При этом он распорядился не выдавать отплывавшим продовольствия.

Вскоре после этого он отправил Энсисо в Испанию, обвинив его в государственной измене и ходатайствуя одновременно о признании его, Бальбоа, наместником обширных территорий вдоль берега Дарьенского залива.

В ожидании вестей из Эспаньолы, губернатором которой был Диего Колумб, сын Христофора Колумба, Бальбоа продолжал покорять окрестные земли. В один из таких набегов испанцы оказались во владениях некоего касика (*Касик - индейский царек во времена завоевания Центральной Америки*) и были поражены открывшейся им картиной. Это были уже не те хижины, которые до сих пор им встречались в индейских селениях. Бальбоа и его спутники увидели окруженное каменной стеной большое здание. Это был дворец касика, который вышел встретить пришельцев вместе со всей своей семьей.

Касик пригласил Бальбоа во дворец и провел его по многочисленным комнатам, показав ему и "комнату мертвых", где вдоль стен располагались мумии предков касика в хлопчатобумажных одеждах, украшенные золотом и драгоценностями. При виде золота глаза у Бальбоа вспыхнули.

- Скажи, о вождь! - обратился он к касику, показывая на многочисленные золотые пластинки, украшающие мумии. - Где берете вы этот металл?

- Он представляет для белых людей большую ценность? - в свою очередь задал вопрос касик, обративший внимание на то, как загорелись глаза у его гостей при виде украшений.

- Ты угадал, о вождь, - ответил Бальбоа. - Там за океаном, откуда мы приплыли, нет ничего дороже золота.

- И вы явились сюда ради него? - в голосе касика звучало неподдельное удивление.

- Не только по этой причине, - уклончиво сказал Бальбоа, не желавший до времени раскрывать свои карты и признаваться в том, что его цель - завоевание всех окрестных земель.

- Если для вас золото столь дорого, что вы ради него рискуете

жизнью, - вмешался в разговор старший сын касика, стройный, красивый юноша с гордым взглядом умных глаз, - я помогу вам…

- Веди нас, о сын вождя! - нетерпеливо воскликнул Бальбоа, хватая молодого человека за руку.

- Нет, о белый пришелец, - улыбнувшись, покачал головой юноша. - Страна, где ты найдешь золото в изобилии, лежит далеко, и я не смогу провести тебя туда. Но путь в эту страну я тебе укажу.

- Говори же скорей, как туда добраться! - Бальбоа не спускал глаз с сына касика.

Испросив безмолвно разрешение у отца, юноша сделал знак Бальбоа следовать за ним и направился к выходу из дворца. Выйдя из помещения, он стал лицом к югу и, протянув вперед руку, сказал:

- Смотри сюда, чужеземец, и запоминай. За этими горами, поднимающимися над горизонтом, лежит большая вода. Достаточно подняться на одну из вершин, чтобы убедиться в этом. А за этой большой водой ты найдешь страну, где золота столько же, сколько камней в тех горах…

- Как далеко до большой воды? - поинтересовался Бальбоа, на которого слова сына касика произвели большое впечатление. Он готов был хоть сейчас отправиться на поиски этой страны, столь богатой золотом.

- Знай, чужеземец, чтобы добраться до большой воды, тебе понадобится… - юноша на миг задумался, подсчитывая в уме, - шесть солнц и шесть лун…

Бальбоа переглянулся с Писарро, который его сопровождал. - Шесть суток! Писарро пожал плечами.

- Совсем немного, если удастся подобрать людей выносливых и не обессилевших от голода и болезней.

- Вы правы, Писарро, - решительно произнес Бальбоа. - Поспешим в Санта-Мария-де-ла-Антигуа. Там все обсудим и начнем подготовку к экспедиции.

Испанцы вернулись к себе в поселение и начали деятельно готовиться к походу. К их возвращению пришли вести с Эспаньолы. В них сообщалось, что король страшно разгневан поведением Бальбоа по отношению к Никуэсе и грозит ему смертью.

Бальбоа, получив эти неутешительные для него сведения, понял, что спасение его только в одном - надо совершить такое открытие, которое затмит все его прежние грехи и позволит рассчитывать на благосклонность испанского монарха.

Первого сентября 1513 гида сто восемьдесят испанцев, полностью вооруженных, в шлемах и панцирях, возглавляемые

Бальбоа, двинулись в путь. С этим отрядом, в состав которого были отобраны самые здоровые и сильные, Бальбоа намерен был перевалить через горы, показанные ему сыном касика. В хвосте отряда шли индейцы-носильщики. Их было ни много, ни мало шестьсот человек. Два индейца-проводника неотлучно находились при Бальбоа, идущем в голове отряда. Тут же рядом шел его слуга, выполняя роль оруженосца.

На первых порах дорога не затрудняла движение отряда. Но стоило испанцам подойти к подножию хребтов, которые им предстояло преодолеть, как все переменилось - отряд вступил в чащу тропических лесов. Растительность была так густа, что сквозь нее приходилось прорубать дорогу мечами и кинжалами. Кроны деревьев, соприкасаясь между собой, образовывали сплошной навес, непроницаемый для лучей солнца. В джунглях было сумрачно и влажно. Тяжелые испарения поднимались от напоенной влагой земли, затрудняя дыхание. Ни клочка голубого неба, ни солнечного луча. Порой встречались болота с трясинами, стремительно текущие горные реки, для преодоления которых приходилось сооружать плоты. Мириады москитов неотступно сопровождали отряд, и от них не было никакого спасения.

Но испанцы упорно шли, все выше и выше поднимаясь по северным склонам гор. Мысль, что впереди открытие новых богатых стран, придавала силы участникам экспедиции. Но постепенно отряд таял, - далеко не все могли переносить тяготы похода.

Спустя недели две после начала похода Бальбоа и его спутники подверглись внезапному нападению воинственных индейцев, проживавших в этой части страны. Множество краснокожих людей атаковали отряд испанцев, выпустив по нему тучу стрел, а затем выскочили из лесных зарослей с копьями наперевес.

Несколько солдат упали, пораженные стрелами, а все остальные, подчиняясь команде Бальбоа, стали спиной друг к другу и ответили залпом из пищалей (*Пищаль - старинное огнестрельное оружие*). Индейцы были страшно перепуганы грохотом выстрелов, сопровождавшихся огненными вспышками. Оставив раненых и убитых на месте, они бежали.

Медленно тянулось время похода. Уже более двадцати дней находился отряд в пути, а конца ему не было видно.

Ранним утром 25 сентября, когда после ночного отдыха испанцы продолжали взбираться по склонам, заросшим пышной растительностью, Бальбоа с раздражением обратился к одному из проводников-индейцев:

- Двадцать пятый день мы идем по указанной тобой дороге. А

ведь юный сын касика говорил, что достаточно солнцу взойти шесть раз, и мы увидим большую воду. Изменник! Я велю тебя повесить, если ты нас обманул! - В ярости он схватил индейца за горло. - Отвечай! Или я велю тебя поджарить на медленном огне!

Проводник, когда Бальбоа разжал пальцы, прохрипел:

- Пусть белый господин не гневается. Его люди не такие ловкие и выносливые, как индейцы. Они идут очень медленно, и расстояние, которое индеец преодолеет за день, они проходят за пять. Со своим вооружением они очень неповоротливы.

- Не твое дело, поворотливы мои люди или нет! - прикрикнул на проводника Бальбоа. - Говори правду, скоро ли я увижу то, о чем говорил сын касика?

- Великий чужеземец, - с достоинством ответил индеец, нисколько не пугаясь угроз Бальбоа, - осталось совсем немного. Сейчас мы поднимемся на вершину горы, до которой рукой подать, и ты увидишь большую воду. Идем, пусть остальные ждут здесь. И если я обманул тебя, ты меня убьешь, когда пожелаешь.

Проводник быстро и ловко стал карабкаться по скалам. Бальбоа последовал за ним. Минут через десять - пятнадцать они достигли вершины горы. Запыхавшись, Бальбоа остановился и огляделся вокруг.

- Взгляни сюда, чужеземец, - невозмутимо произнес проводник, протягивая руку к югу.

Бальбоа посмотрел в указанном направлении и замер в восхищении. Южный склон хребта, на который они поднялись, был изрезан руслами рек, несущих свои воды к обширной равнине. А за равниной, насколько хватал глаз, виднелось голубое пространство воды, и не видно было ему пределов.

Бальбоа осенил себя крестным знамением и вздохнул с облегчением. Итак, цель, к которой он стремился, не считаясь ни с чем, почти достигнута. Остается только спуститься вниз к морю и провозгласить его владением испанской короны. И он может надеяться на благосклонность короля Фердинанда - такое открытие стоит и жизни Никуэсы, и участи Энсисо.

Предводитель испанцев приказал проводнику спуститься обратно и привести всех наверх, чтобы каждый смог удостовериться в том, что его усилия не пропали даром. Вскоре испанские солдаты появились на вершине горы и в восторге от открывшейся их взорам картины плакали и возносили благодарственные молитвы богу и святой деве Марии.

Терпеливо выждав, пока пройдут первые восторги, Бальбоа приказал сложить пирамиду из камней, на вершине которой был водружен крест. Все это происходило на глазах индейцев, не понимавших поступков чужеземцев, казавшихся им, по меньшей

мере, странными. А между тем был составлен документ, подписанный всеми участниками похода, в котором окружающая территория объявлялась владением Испании.

Затем отряд продолжил свой путь к побережью, которого он достиг только на четвертый день, 29 сентября. Бальбоа приказал разбить лагерь на берегу бухты, которую назвали бухтой Сан-Мигель (Святого Михаила), и стал дожидаться прилива. Как только прилив начался, он взял в руки знамя Испании и вошел по колени в воду бухты.

- Да здравствуют светлейшие и всемогущие монархи дон Фернандо и донна Хуанна, короли Кастилии, Леона и Арагона, - торжественно провозгласил он, - во имя которых я вступаю во владение всеми этими Южными морями, землями, берегами, гаванями и островами со всем тем, что на них находится, с городами и царствами, когда бы они ни были основаны - в прошлом, настоящем или будущем. И если какой-нибудь другой властитель или военачальник, к какой бы религии он ни принадлежал, будь он христианин или язычник, заявит какие-либо притязания на эти земли и моря, то я готов оспаривать эти притязания как в настоящем, так и в будущем от имени монарха кастильского, которому принадлежит высшая власть над этой Индией (*В те времена под Новым Светом подразумевали Индию*), так же как северный и южный материк со всеми его морями от Северного до Южного полюса как по ту, так и по эту сторону экватора, между тропиками Рака и Козерога, а равно и вне их. Все это составляет полную собственность их величеств и наследников их как ныне, так и на все будущие времена, пока только существует мир, вплоть до второго пришествия.

Закончив читать этот заготовленный им заранее текст, Бальбоа обратился к своим спутникам, призывая их быть свидетелями его законного вступления во владение вновь открытыми морями и землями. Испанцы охотно приняли участие в этой церемонии, а потом гурьбой вошли в море и стали пробовать на вкус воду, чтобы удостовериться в том, что она так же солона, как и в Атлантическом океане.

Во время своего дальнейшего пребывания на побережье открытого им моря, которому он дал название Южное, мотивируя это тем, что оно лежит к югу от перешейка, с трудом ими преодоленного, Бальбоа обнаружил у местных индейских племен в изобилии жемчуг. Это его очень обрадовало, и он постарался запастись этой драгоценностью с таким расчетом, чтобы послать большое количество жемчужин в Испанию, но и себя не обидеть.

Местные индейцы показали испанцам путь к Жемчужным островам. От этих же индейцев Бальбоа и его спутники узнали о

существовании за морем богатой золотом и серебром страны, где правит верховный вождь Биру.

В январе 1514 года завоеватели возвратились в основанную ими колонию Санта-Мария-де-ла-Антигуа, и Бальбоа снарядил корабль в Испанию с донесением об успехах его экспедиции, которое подкреплялось изрядным количеством золота и жемчуга, составлявшим пятую часть захваченных им богатств. Отправляя каравеллу со столь ценным грузом, Бальбоа не подозревал, что из Испании вышел большой флот к берегам Золотой Кастилии и что на одном из кораблей находится новый губернатор этой области - Педрариас де Авила.

Этот умный и хитрый испанец хорошо понимал, что Бальбоа не такой человек, чтобы покориться кому-нибудь, кроме короля. Поэтому по прибытии на место он сначала повел себя по отношению к Бальбоа как человек, бесконечно его уважающий и ценящий его заслуги. Он даже предложил ему породниться с ним, обещав отдать в жены Бальбоа дочь, находившуюся в Испании.

Усыпив таким образом бдительность Бальбоа, Авила тем временем искал повод для привлечения Бальбоа к судебной ответственности. Такой повод, наконец, был найден. Бальбоа обвинили в превышении власти и взяли под стражу.

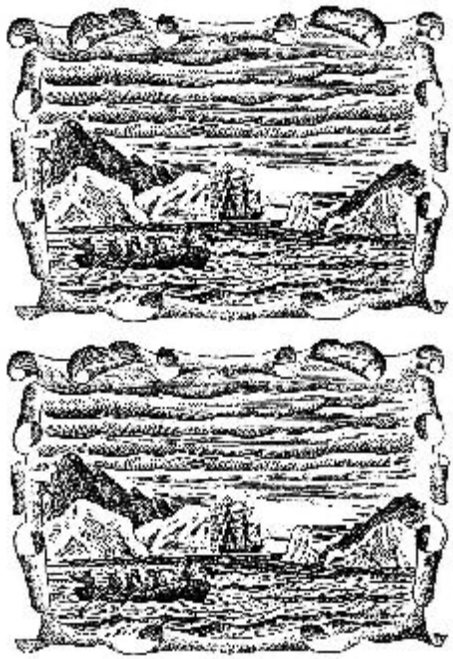
Суд, состоявшийся вскоре, раскопал также и старые провинности Бальбоа - убийство Никуэсы и его спутников (отправленные Бальбоа в море без продовольствия, они все погибли) - и приговорил его к смертной казни. Ирония судьбы - арестовывал Бальбоа его земляк и соратник Франсиско Писарро, а одним из судей был возвратившийся из Испании Энсисо. Он без колебаний вынес смертный приговор человеку, который отплатил ему черной неблагодарностью.

Бальбоа был обезглавлен вместе с еще четырьмя испанцами, обвиненными в государственной измене.

Так закончил свой жизненный путь Васко Нуньес де Бальбоа, испанский конкистадор, типичный представитель своего времени и племени авантюристов, пускавшихся в путешествия с целью обогащения. В силу обстоятельств ему не удалось совершить то, что через некоторое время совершил его земляк Франсиско Писарро, огнем и мечом покоривший государство Перу, о котором индейцы рассказывали Бальбоа.

Южное море, открытое впервые Бальбоа, затем, после первого кругосветного плавания Магеллана, стало называться Тихим океаном. А память об этом человеке, первым пересекшем Центральную Америку, увековечена в названии города у южного выхода Панамского канала в государстве Панама.

Открытие материка



Открытие материка

Капитан второго ранга Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен, командир шлюпа "Восток" и начальник экспедиции в Южные моря, обвел внимательным взглядом всех присутствующих в кают-компании офицеров. Лица их были сосредоточенны и серьезны в ожидании слов командира.

- Господа, - сказал Беллинсгаузен, - я пригласил вас, с тем, чтобы ознакомить с целью нашего предприятия. Его величество соизволил распорядиться снарядить два шлюпа для изысканий в Южных морях настолько далеко к югу, насколько позволят нам сделать это природа и наше мужество и выносливость. На мое замечание, что все уже исследовано и вряд ли можно будет открытия сделать, он заметил: "Посмотрим", давая тем понять, что не вполне согласен с моей точкой зрения.

Инструкция, полученная мной, содержит следующие указания, касающиеся маршрута плавания. Нам надлежит прежде всего отправиться для обозрения острова Георгия (*Современное название - остров Южная Георгия*), находящегося под 55 градусом южной широты, а оттуда к Земле Сандвичевой (*Современное название - Южные Сандвичевы острова*), обнаруженной аглицким мореходцем Куком, и, обошел ее с восточной стороны, пуститься

к югу и продолжать изыскания до отдаленнейшей широты, какой только можно будет достигнуть ближе к полюсу, отыскивая неизвестные земли, не оставляя этих усилий, иначе как при непреодолимых препятствиях… - Беллинсгаузен сделал паузу и пояснил: - Заметьте, господа, весь ход нашего плавания продуман до мельчайших подробностей. В этом вы убедитесь, выслушав меня до конца. Ежели под первыми меридианами - гласит далее инструкция - попытки окажутся бесплодными, то надлежит возобновить свои покушения под другими меридианами, повторяя их многократно как для открытия новых земель, так и для приближения к Южному полюсу. Когда же начнутся холодные месяцы года в тех широтах; надлежит обратиться к параллелям, менее удаленным от экватора, и стремиться следовать маршрутами, не пройденными еще иноземными мореходцами, после чего следовать на отдых и для пополнения провианта в Порт-Джексон (*Ныне Сидней*), что может случиться около первых чисел апреля 1820 года.

После отдыха и необходимого ремонта шлюпов усилия по исследованию приэкваторной полосы Тихого океана должны быть продолжены, включая Маркизские и Соломоновы острова, острова Общества, Новую Каледонию, прочие соседствующие с ними острова. Затем по наступлении удобного времени, к концу 1820 года, запасясь всем необходимым для плавания в отдаленнейших широтах, мы с вами должны продолжить на юге исследования по прошлогоднему примеру с такой же решимостью и упорством и проплыть остальные меридианы для совершения пути вокруг земного шара, обратясь к той самой высоте, от которой отправились у меридианов Земли Сандвичевой.

- И как долго предполагается продолжать нашу экспедицию? - спросил лейтенант Лазарев, командир второго шлюпа - "Мирный".

- Согласно инструкции, врученной мне, предполагается, что мы должны возвратиться в Россию после завершения кругосветного плавания в высоких широтах независимо от результатов предприятия.

- Мыслится ли самостоятельное плавание "Мирного" или он не должен расставаться с "Востоком"? - продолжил вопросы Лазарев.

- По возможности мы не должны расставаться с вами, Михаил Петрович, - ответил Беллинсгаузен. - Это в наших общих интересах, потому что в тех условиях, которые нас подстерегают на подступах к Южному полюсу, взаимопомощь и взаимовыручка просто необходимы. Вы понимаете, господа, что я имею в виду?

Лазарев и все присутствующие офицеры наклонили головы в знак понимания всей сложности стоящих перед ними задач.

- А теперь, если больше нет вопросов, прошу разойтись по своим местам и еще раз проверить, все ли готово к плаванию. - Беллинсгаузен коротким кивком распрощался с офицерами и вышел из кают-компании, сопровождаемый своим помощником капитан-лейтенантом Завадовским.

Четвертого июля 1819 года шлюпы "Восток" и "Мирный" оставили Кронштадт. Вместе с ними покидали родину еще два судна - "Открытие" и "Благонамеренный", которым предстояло держать путь в северную часть Тихого океана. Все кронштадтцы пришли проводить мореплавателей. Приехали провожающие и из Петербурга. Строгие костюмы мужчин, пестрые платья женщин, раскрытые зонты - все это создавало красочную палитру.

Первыми покинули пристань "Открытие" и "Благонамеренный", за ними последовали "Восток" и "Мирный", сопровождаемые прощальными возгласами собравшихся.

Спустя десять дней корабли были уже в Копенгагене, столице королевства Дании, а к концу месяца - в Портсмуте, крупнейшем морском порту Англии.

Следующая остановка была намечена на острове Тенерифе, входящем в состав Канарского архипелага, принадлежащего Испании. В порту Санта-Крус, главном городе острова, едва только корабли бросили якоря, на борт "Востока" явился капитан порта, обеспокоенный тем, не занесут ли прибывшие на остров заразную болезнь, которая, по его сведениям, свирепствовала в Испании. Узнав, что корабли русские и прибыли из Англии, он успокоился, от имени губернатора острова приветствовал Беллинсгаузена и пригласил сойти его на берег.

Сделав необходимые распоряжения, начальник русской экспедиции в сопровождении лейтенанта Лазарева и профессора Казанского университета астронома Симонова нанес визит губернатору острова Тенерифе генерал-лейтенанту де Лабури.

Губернатор был в мундире, при всех орденах и регалиях. Он был любезен и внимателен и с тактом вел разговор, направляя в нужное ему русло. Осторожно полюбопытствовав о цели экспедиции, он рассыпался в комплиментах русским морякам и ученым, столь бескорыстно служащим науке и просвещению.

Заметив пристальный взгляд Лазарева, не спускавшего глаз с его груди, на которой в числе других орденов красовался орден св. Георгия 4-й степени, он спросил:

- Вы в недоумении, господин Лазарев? В самом деле, откуда у губернатора Тенерифе вдруг оказался русский орден св. Георгия?

- Действительно, господин де Лабури, вы прочитали мои мысли, - смущенно сказал Лазарев. - Согласитесь, что удивление мое вполне объяснимо.

- Разумеется, и я вас очень понимаю, господин лейтенант, - губернатор вздохнул. - Я расстался с Россией, которая меня призрела в дни бедствий и дала мне не только приют, но и возможность сражаться плечом к плечу с русскими против шведов под началом фельдмаршала Румянцева. Сама императрица Екатерина II вручила мне сей орден, и я безмерно горжусь этим.

- Нам приятно это слышать и тем более видеть вдали от России, у берегов Африки, воина, удостоенного столь почетной награды, - любезно сказал Беллинсгаузен. - Я надеюсь, господин губернатор, что вы не откажете нам в содействии, если возникнет таковая надобность.

- Можете полностью положиться на меня, - заверил губернатор. - Я имею на то повеление от своего правительства, но и без того сделал бы все, чтобы быть полезным русским. Я никогда не забуду их гостеприимства.

Спустя некоторое время флотилия под командованием Беллинсгаузена покинула Санта-Крус и направилась к берегам Южной Америки, имея намерение в Рио-де-Жанейро произвести ремонтные работы и запастись продовольствием и всем прочим для плавания в южных водах. 2 ноября шлюпы подошли к Рио-де-Жанейро и, к своей радости, застали в гавани корабли "Открытие" и "Благонамеренный".

Двадцать дней понадобилось Беллинсгаузену и Лазареву для того, чтобы сделать приготовления для трудного плавания в южной части Атлантического океана.

Двадцать второго ноября были подняты якоря, и шлюпы вышли в открытый океан. Двумя днями позже Беллинсгаузен распорядился пригласить на шлюп "Восток" Лазарева для совещания. Приглашение передал лейтенант Лесков, с которым Лазарев и сопровождавшие его доктор и священник экспедиции прибыли на шлюп.

Беллинсгаузен попросил священника отслужить молебен, чтобы предстоящее плавание было благополучным, и пригласил Лазарева к себе в каюту.

- Михаил Петрович, голубчик, - сказал Беллинсгаузен, усаживаясь и приглашая сесть Лазарева, - пришла пора свершить главное, зачем мы посланы в вояж государем императором. Нам предстоят нелегкие дни, чреватые самыми непредвиденными диспозициями. Никто не знает, что сулит нам будущее. Но наш с вами долг сделать все от нас зависящее для сохранения благополучия господ офицеров и всех служителей корабельных не в ущерб, разумеется, основному делу. Посему, ибо нас в любое время может разлучить буря, туман или непроходимые льды, примите жалование и порционные деньги для офицеров и

служителей шлюпа "Мирный" вперед на двадцать месяцев, чтобы никакие случайности не отразились на их благосостоянии. - Беллинсгаузен открыл ключом ящик стола и передал Лазареву большой сверток с деньгами. - Распоряжайтесь ими по своему усмотрению в соответствии с обстоятельствами. И еще вот что я хотел вам сказать на случай невольной нашей разлуки, а еще точнее, чтобы избежать оной.

Лазарев внимательно слушал Беллинсгаузена и внутренне восхищался предусмотрительностью и мудростью его распоряжений.

- Помните, Михаил Петрович, что одно из непременных условий, которого вы обязаны придерживаться, - чтобы "Мирный" в дурную погоду был от нас не далее пяти кабельтовых (*Кабельтов - около 180 метров*), а во время туманов еще ближе. Что же касаемо ясных дней, то надлежит вам находиться рядом с "Востоком" на расстоянии от семи до четырнадцати верст (*Верста - 1067 метров*), с тем чтобы обеспечить большой обзор горизонта. Это первое.

В ночное время если на шлюпе "Восток" будет зажжен фонарь, то и на "Мирном" должен фонарь гореть равно. Это второе.

Если по каким-либо обстоятельствам шлюпы потеряют друг друга из виду, надлежит производить поиски в продолжение трех дней на том месте, где они виделись в последний раз, и при этом палить из пушек.

Как командир корабля, вы должны внушить всем вахтенным офицерам необходимость неотлучно следовать за "Востоком", чтобы они соблюдали сие неослабно.

Коль скоро случится неожиданная разлука до прибытия к острову Георгия, свидание наше назначаю там, у залива Овладения, где шлюпы должны ожидать друг друга четыре дня, а потом действовать по общей инструкции, у вас имеющейся.

Коль скоро шлюпы разлучатся невольно близ Фолклендских островов, то надлежит вам находиться около сих островов, отыскав удобную гавань, жечь костры на горах и ждать "Восток" шесть дней. Если за эти дни "Восток" не появится, идти в Порт-Джексон и там ждать его.

Когда Беллинсгаузен кончил, Лазарев поднялся С сиденья и протянул ему руку.

- По-моему, Фаддей Фаддеевич, вы предусмотрели все, и я в восторге от вашей предусмотрительности. Не сочтите это за лесть. Вы знаете меня как человека прямого и откровенного, и если я это говорю, то от чистого сердца.

- Благодарю вас, Михаил Петрович, за сказанное. Мне очень дорого ваше мнение опытного моряка и открытого человека. -

Беллинсгаузен крепко пожал протянутую ему руку, и они расстались.

Началось плавание, сопряженное с трудностями, присущими близким к Южному полюсу районам Атлантического океана. С каждым днем море становилось все суровее, температура ежедневно понижалась на три четверти градуса, налетали шквалы с дождем, и стоял туман - словом, ничего не осталось от того, чем наслаждались мореплаватели в более низких широтах.

Первой из земель на пути кораблей был остров Георгия, который именовался также островом Короля Георга.

Пятнадцатого декабря рано утром астроном Симонов поднялся на верхнюю палубу. Его приветствовал вахтенный начальник лейтенант Лесков.

- Что так рано, Иван Михайлович? - спросил лейтенант, с удивлением глядя на профессора, поднявшегося ни свет ни заря.

- Не спится, - пробормотал Симонов, оглядывая горизонт.

Лесков усмехнулся и заметил:

- А встали вы как раз вовремя, любезнейший Иван Михайлович. В четвертом часу утра показалась земля, которая, впрочем, очень скоро исчезла в пелене тумана.

Симонов недоверчиво выслушал лейтенанта и принялся пристально вглядываться в окружавший судно туман.

- Не напрягайте зрения, Иван Михайлович. Сейчас это бесполезно. Потерпите некоторое время, пока туман не рассеется. И тогда сами удостоверитесь в близости земли.

К восьми часам утра туман стал рассеиваться, и вскоре показались скалы острова Георгия. Появившийся на верхней палубе капитан Беллинсгаузен приказал направить шлюп вдоль юго-западного берега острова. Берег этот оказался изрезанным множеством бухт, заполненных льдом.

Симонов, стоявший рядом с Беллинсгаузеном и с восторгом наблюдавший открывшуюся картину, с некоторым пафосом произнес:

- Посмотрите, Фаддей Фаддеевич. Вот перед нами земля, на которую после Джемса Кука с 1775 года не ступала ни одна человеческая нога. - Не дожидаясь ответа, он спустился в кают-компанию, чтобы заняться обработкой астрономических наблюдений.

Не успел он расположиться со своими расчетами за небольшим столиком в углу помещения, как в кают-компании появился капитан-лейтенант Завадовский. Подойдя к Симонову, Завадовский как-то странно на него посмотрел и сказал:

- Я слышал вашу сентенцию, Иван Михайлович, по поводу земли, на которую не ступала нога человека, и хочу вам

сообщить, что к шлюпу идет бот под парусами.

- Какой еще бот? - недоверчиво воскликнул Симонов, с подозрением посмотрев на Завадовского, полагая, что тот шутит. - Иван Иванович, дорогой, откуда здесь могут быть люди?!

- Представьте себе, точно такой же вопрос я задал себе, увидев бот под английским флагом, - с комическим недоумением развел руками Завадовский.

Они вместе поднялись на палубу, и Симонов удостоверился в правоте слов капитан-лейтенанта. К борту шлюпа "Восток" пристал китобойный ялик, в котором находились четыре промышленника. Один остался в ялике, а трое поднялись на палубу шлюпа и представились как охотники за морскими слонами. Один из прибывших, к удивлению моряков, говорил свободно по-русски, выдавая себя за пруссака, прожившего несколько лет в Петербурге, Риге и Архангельске.

Произведя опись берегов Новой Георгии, мореплаватели покинули его и направились к Сандвичевой Земле, сопровождаемые эскортом из дельфинов, акул и китов в воде и альбатросов, фрегатов и буревестников - в воздухе. На пути к ней состоялось первое открытие островов, которые были названы в честь морского министра островами Маркиза де Траверсе. Эта группа состояла из трех островов, названных соответственно островами Завадовского, Высокого и Лескова. Затем в скором времени показались открытые еще Куком острова Сретения. И, наконец, в канун нового 1820 года показалась северная часть Сандвичевой Земли, которую Кук назвал островом Сандерса.

Пребывание в течение нескольких дней в районе Сандвичевой Земли и изыскания, произведенные мореплавателями, показали, что Кук, впервые обнаруживший эту землю, ошибся, приняв ее за единое целое.

- Полагаю, что знакомство Кука с открытой им землей было весьма поверхностным, - сказал Беллинсгаузен, обращаясь к Завадовскому и Симонову, стоявшим вместе с ним на верхней палубе и наблюдавшим за покрытыми снегом берегами и льдинами, громоздившимися около них.

- Видимо, он не имел возможности более подробно ознакомиться с этой землей, - согласился Завадовский. - Обратите внимание: то, что он назвал в свое время мысами - мыс Бристоль, мыс Монтегю, мыс Южный, - оказалось при ближайшем рассмотрении островами…

- И мы не побоялись проникнуть на страшный юг, как изволил назвать сие место английский мореход, на 37 верст далее его, - подхватил весело Симонов.

- Что ж, будем отныне считать Сандвичеву Землю Южными

Сандвичевыми островами, - подытожил Беллинсгаузен, улыбнувшись своей скупой, как всегда, улыбкой.

После завершения описания Сандвичевых островов последующие попытки проникнуть на юг не увенчались успехом, так как на пути вставали непроходимые льды, а туманы, мокрый снег и холод были не меньшим препятствием. Тогда шлюпы направились на восток, неоднократно пытаясь на разных долготах проникнуть на юг. Но усилия оказывались безрезультатными.

Сырость, нехватка топлива, полярная ночь, бесконечные снегопады, приближение бурь, которые господствуют в это время в высоких широтах, - все это побудило Беллинсгаузена принять решение о временном прекращении поисков земель в антарктическом поясе и о направлении шлюпов в Порт-Джексон для отдыха и ремонта. В последнем особенно нуждался "Мирный", пострадавший от столкновения с льдиной.

Но, принимая это решение, Беллинсгаузен ни на минуту не оставлял мысли об исследованиях. Поэтому, пригласив к себе Лазарева, он четко сформулировал свои намерения:

- Я с большой неохотой прекращаю поползновения следовать к югу в поисках земель, еще неведомых, памятуя о худом состоянии шлюпа "Мирный" и принимая во внимание состояние здоровья офицеров и служителей. Полагаю, что самым разумным будет следовать в Порт-Джексон, где можно будет собраться с силами для последующих наших попыток на других меридианах…

- Я разделяю ваше мнение, Фаддей Фаддеевич, - лаконично отозвался Лазарев.

- Однако, поскольку нам предстоит еще большой путь до Порт-Джексона, полагаю разумным, - продолжал Беллинсгаузен, - разделиться нашим кораблям и следовать самостоятельными курсами, дабы не без пользы пройти оставшееся расстояние до означенного порта. Вы, Михаил Петрович, пойдете по параллели на два с половиной - три градуса южнее пути капитана Фюрно (*Спутник Кука*), приближаясь к 134-135 градусам восточной долготы, войдете в южную широту 49 градусов 30 минут и продолжите плавание по этой параллели к востоку, дабы осмотреть весь район до Вандименовой Земли (*Ныне Тасмания*), и затем последуете в Порт-Джексон. Я же на "Востоке" проследую севернее пути капитана Кука также на два с половиной - три градуса, с тем, чтобы оба наших шлюпа охватили своими изысканиями район по широте в восемь градусов, до сего времени никем из мореходцев не осмотренный.

Лазарев, слушавший Беллинсгаузена предельно внимательно, кивнул головой в знак полного согласия столько что изложенным

планом.

- Прошу только сделать мне некоторую скидку, Фаддей Фаддеевич, - сказал он, - на неисправность "Мирного", кое обстоятельство может послужить некоторой задержке прибытия нашего в Порт-Джексон.

- Такую возможность я допускаю вполне, зная, как пострадал шлюп, столкнувшись непредвиденно с льдиной, - заметил Беллинсгаузен. - Пусть вас это обстоятельство не тревожит, Михаил Петрович. Отправляйтесь к себе на "Мирный" и ждите сигнала о расставании, который будет передан по телеграфу.

Пятого марта в пять часов пополудни с "Востока" по морскому телеграфу был передан обещанный сигнал, одновременно было произведено семь пушечных выстрелов, и шлюпы расстались, чтобы вновь встретиться в Порт-Джексоне.

Около месяца продолжалось плавание, пока на горизонте не показались берега Новой Голландии (*Так называлась в то время Австралия*). Пребывание в Порт-Джексоне тоже затянулось на месяц, пока не были устранены неисправности на "Мирном" и пополнены запасы питьевой воды и продовольствия на обоих шлюпах.

Восьмого мая, отсалютовав залпом пушек порту, корабли подняли паруса и направились к Новой Зеландии, которую, по инструкции, надлежало обойти с северной стороны, чтобы следовать к островам Общества. Беллинсгаузен намерен был использовать зимнее для южного полушария время для обследования умеренных и тропических широт Тихого океана, посвятив затем летнее время для новых попыток проникнуть как можно дальше к югу.

Во время плавания в умеренных и тропических широтах русским мореплавателям удалось познакомиться близко с жителями Новой Зеландии и многих островов Полинезии (*Полинезия - восточная часть Океании, где проживают полинезийцы (Новая Зеландия, острова Общества, Туамоту, Маркизские, Тонга, Самоа, Гавайские и др.)*). На параллели 16 градусов южной широты между меридианами 140 и 146 градусов западной долготы был открыт целый архипелаг коралловых островов, получивших имена многих русских военных деятелей: Ермолова, Барклая-де-Толли, Раевского, Чичагова, Милорадовича и других. 13 июля, когда шлюпы обнаружили очередной атолл и подошли к нему достаточно близко, Беллинсгаузен, наблюдавший за берегом, увидел лодку, следующую к шлюпу полным ходом. В лодке находились два островитянина, один из них ловко орудовал веслом, а второй делал знаки, которые должны были обозначать добрые его намерения.

Капитан велел спустить трап, и тот островитянин, который делал знаки, ловко взобрался по нему на борт и смело ступил на палубу. Оглядев быстрым взглядом всех находящихся наверху, он безошибочно определил, кто начальник, и, подойдя к Беллинсгаузену, протянул ему сверток, обвязанный кокосовыми волокнами. Видя недоуменный взгляд Беллинсгаузена, он зубами разорвал волокна. В свертке находились небольшие жемчужины. Усиленной жестикуляцией он дал понять, что привез эти жемчужины в дар пришельцам.

- Скажи, друг, - обратился к нему Беллинсгаузен, подкрепляя слова жестами, - много ли на острове жемчуга?

- Нюй! Нюй! - ответил быстро островитянин, сразу уразумев, о чем его спрашивают. Как потом удалось установить, "нюй" означало в переводе с полинезийского "много".

Командир "Востока" и свободные от вахты офицеры направились в кают-компанию, пригласив с собой гостя. Наступало время обеда, и Беллинсгаузен в благодарность за подарок хотел накормить островитянина и оказать ему соответствующее внимание, так как тот дал понять, что он из рода вождей. Начальник экспедиции посадил островитянина подле себя и старался оказывать ему внимание, чем весьма расположил гостя. А когда после обеда островитянину был вручен в дар старый лейб-гусарский мундир, в который он немедленно облачился, восторгам его не было конца. В довершение всего Беллинсгаузен надел ему на шею серебряную медаль, выразив при этом надежду, что уважаемый гость сохранит ее и при случае покажет пришельцам, которые могут здесь появиться после ухода русских.

До вечера островитянин не покидал корабль.

Плавание продолжалось, шлюпы держали курс к острову Таити. 21 июля показался этот остров. Было раннее утро, и в лучах восходящего солнца в подзорную трубу можно было рассмотреть вздымающиеся над берегом темные горы. По мере приближения очертания острова становились объемнее и красочнее. А утром следующего дня Таити предстал во всем своем великолепии. Роскошная зелень контрастировала с желтыми ожерельями песочных пляжей, и все это в свою очередь оттенялось голубизной окружающего океана.

Шлюпы, окруженные многочисленными лодками с островитянами, бросили якоря неподалеку от берега, и вскоре началась меновая торговля, местные жители буквально завалили моряков всевозможными фруктами: апельсинами, ананасами, бананами, а также кокосовыми орехами.

Во второй половине дня на борт "Востока" явился английский

миссионер Нот, проживающий на острове уже более двадцати лет, с сообщением о том, что король таитян Помаре прибудет с визитом на шлюп.

Вскоре показалась большая двойная лодка с помостом и навесом. На помосте восседал король в белой рубашке. Он был средних лет, высокого роста, глаза его были прикрыты темными очками. Под навесом размещалась королевская семья со свитой.

Беллинсгаузен любезно принял короля и его семью, угостил их обедом, во время которого Помаре пил вино и произносил тосты на ломаном английском языке. Художник Михайлов, участвующий в экспедиции, сумел сделать портрет короля.

Затем ему была показана нижняя палуба, где стояли пушки. В честь Помаре Беллинсгаузен приказал сделать несколько выстрелов, и тот был очень доволен, хотя не скрывал страха, всякий раз прячась за спину командира шлюпа.

Не пробыв на острове и десяти дней, мореплаватели оставили его и продолжили свои изыскания. 10 сентября оба шлюпа возвратились в Порт-Джексон.

Началась тщательная подготовка ко второму плаванию в высокие южные широты, которая продолжалась около двух месяцев.

В воскресенье 31 октября 1820 года шлюпы снялись с якорей и покинули Порт-Джексон, взяв курс на юг, к острову Маккуори, открытому не более десяти лет назад англичанами и названному в честь губернатора Нового Южного Уэльса - колонии, учрежденной англичанами на территории Новой Голландии. Этот остров лежит примерно на той же широте, что и остров Георгия в Атлантическом океане.

Семнадцатого ноября показался остров. На его берегу мореплаватели обнаружили множество бочек с тюленьим жиром, из чего заключили, что остров обитаем. Вскоре они увидели небольшую хижину, вид которой свидетельствовал о том, что в ней живут люди. Предположение это вскоре подтвердилось. Возвратившись на корабль, посланные на разведку обнаружили трех английских промышленников, рассказавших, что они уже почти семь месяцев находятся на острове, заготавливая жир.

Ночью шлюпы под малыми парусами держались вблизи острова. Около полуночи шлюп сотрясли два удара. Вахтенный начальник немедленно сообщил о происшествии Беллинсгаузену. Тот распорядился проверить, цела ли обшивка корабля. В это время с "Мирного" прибыл лейтенант Анненков.

- Что случилось, лейтенант? - спросил его Беллинсгаузен.

- Господин капитан, - взволнованно произнес Анненков. - На "Мирном" все на ногах. Два сильных удара один за другим

ввергли нас в беспокойство. Пока на шлюпе ищут пробоины, Михаил Петрович послал меня к вам доложить о происшествии.

- Так вы также испытали удары? - задумчиво переспросил Беллинсгаузен. - Послушайте, Иван Иванович, - обратился он к Завадовскому, - уж не землетрясение ли тому виной?

- Вполне возможно, - согласился Завадовский.

- Это следует проверить, - решительно сказал Беллинсгаузен. - Потрудитесь, Иван Иванович, послать завтра утром на берег кого-либо из офицеров, чтобы расспросили англичан: не испытали ли они того же. А вы, лейтенант, - обратился он к Анненкову, - возвращайтесь на "Мирный" и передайте Михаилу Петровичу, чтобы прежде времени не тревожился.

Утром посланные на берег увиделись с английскими промышленниками, которые подтвердили, что вечером они ощутили два подземных толчка.

Девятнадцатого ноября остров Маккуори остался позади, и шлюпы продолжили путь на юг, придерживаясь меридиана Новой Зеландии. К этому мореплавателей побуждало соображение, что Новые Гебриды, Новая Каледония, Новая Зеландия и ряд других островов, вытянувшихся по этому меридиану, есть не что иное, как выступы на поверхности океана подводного хребта, и, следовательно, южнее может быть его продолжение.

Вскоре появились льды; по мере продвижения к югу их становилось все больше. Остаток ноября, декабрь и первая половина января 1821 года прошли в бесплодных поисках земли. Сильные ветры, холод, каждодневные туманы да ледяные поля, появляющиеся то справа, то слева, то впереди, то сзади, - таковы были условия плавания.

Как-то - было это в середине декабря - Беллинсгаузен, осматривая горизонт, обнаружил на льдине, вдоль которой следовал шлюп "Восток", крупного тюленя, нежившегося под лучами только что вышедшего из облаков солнца. Командир корабля подозвал лейтенанта Игнатьева и указал ему на тюленя. Тот кликнул двух матросов, и не прошло и десяти минут, как ялик уже качался на волнах, направляясь к месту отдыха животного.

Спустя час охотники вернулись. Лейтенант Игнатьев был несколько сконфужен.

- Каковы успехи? - спросил его Беллинсгаузен, наблюдавший в подзорную трубу все перипетии охоты.

- Такая досада! - воскликнул Игнатьев. - Матросы действовали, как было задумано, и убили тюленя веслами, подкравшись к нему сзади. Но тут льдины начали расходиться, и я приказал им возвращаться без трофея, иначе бы они не

добрались до ялика. Но взамен мы привезли королевского пингвина. Вот он, взгляните, Фаддей Фаддеевич!

Появились матросы, тащившие очень крупную птицу.

- Да, это великан из великанов, - искренне удивился Беллинсгаузен. - В нем никак не меньше трех футов. Отнесите его в камбуз, там эту птицу выпотрошат и найдут ей применение, - распорядился он.

Спустя некоторое время прибежал один из матросов, участвовавших в охоте на тюленя.

- Ваше высокоблагородие, - взволнованно сказал он, обращаясь к капитану, - осмелюсь доложить, в желудке птицы нашли камень!

- Какой камень? Что за вздор! - пожал плечами Беллинсгаузен, переглянувшись с лейтенантом Игнатьевым, остававшимся около него.

- Так что осмелюсь доложить, вот эти каменья. - И матрос протянул ладонь, на которой лежали маленькие кусочки горной породы.

Лейтенант Игнатьев взял кусочки и принялся их рассматривать. Потом он передал осколки Беллинсгаузену со словами:

- Полагаю, что эти камешки, найденные в желудке птицы, не способной перемещаться на большие расстояния, дают нам надежду на близость земли, ибо не иначе как сей пингвин был недавно на берегу, где и позавтракал этими каменьями.

- Пожалуй, вы правы, лейтенант, - оживился Беллинсгаузен. - Нам надлежит удвоить бдительность и еще тщательнее наблюдать за горизонтом.

Десятого января утром шлюпы оказались на самой южной широте, какой им удалось достичь за все время плавания, - 69°53'. Время от времени показывались киты, пускавшие фонтаны, пролетало множество птиц. Беллинсгаузен и Завадовский, наблюдавшие эту картину на верхней палубе, переговаривались между собой, как вдруг сигнальщик крикнул: "Мирный" сигналит: "Вижу землю". Все на палубе пришли в чрезвычайное волнение, и в это время появившееся меж разорванных облаков солнце озарило все вокруг и обозначило прямо впереди по курсу скалистый остров, покрытый снегом. До него было не более тридцати пяти-сорока миль.

Беллинсгаузен и Завадовский переглянулись, счастливые открытием. Но тяжелые тучи закрыли солнце, и отдаленные очертания острова скрылись в туманной дымке.

Утром следующего дня, когда шлюпы приблизились к острову на короткое расстояние, он открылся во всей своей

суровой красе. Остров оказался гористым, возвышающимся над океаном на 1200- 1400 метров. Экипажи судов - офицеры на верхней палубе, а матросы - на вантах - троекратно прокричали "ура" в честь открытия, и Беллинсгаузен торжественно объявил, что остров отныне будет носить имя создателя русского флота императора Петра I.

Воодушевленные столь знаменательным открыта ем, мореплаватели продолжали поиски, которые спустя несколько дней вновь увенчались успехом. Этому благоприятствовала исключительно ясная, редкая в этих широтах погода.

Семнадцатого января, когда солнце было уже высоко, по правому борту показалась земля, начинавшаяся высокой горой и продолжавшаяся к юго-западу менее высокими вершинами.

Беллинсгаузен, неотлучно пребывающий на верхней палубе, приказал провести астрономические расчеты и определить широту и долготу. Между тем судно лавировало, пытаясь подойти к берегу. Но все усилия были безуспешными - сплошной лед не давал возможности приблизиться к земле.

- По всей видимости, сей берег должен быть весьма обширен, - сказал командир "Востока", - перемена в цвете воды тому свидетельство.

- Вы предполагаете, что берег сей есть часть южного материка? - спросил Завадовский.

- Не берусь утверждать что-либо определенное, но вполне допускаю такую мысль, принимая во внимание, что предела сей земли не видно. - Беллинсгаузен опустил подзорную трубу, в которую он рассматривал недосягаемый для шлюпов берег: - Допуская такую мысль, я полагаю, что правильным будет назвать обретение сие Берегом Александра I в честь императора всероссийского, направившего нас сюда.

Координаты Берега Александра I были такие: широта - 68 градусов 43 минуты, долгота - 73 градуса 10 минут, западная. Ориентиром для отсчетов служила высокая гора, впервые обнаруженная мореплавателями.

Побывав у берегов Новой Шотландии и обойдя ее с южной стороны, путешественники установили, что она представляет собой гряду островов, протянувшуюся с северо-востока на юго-запад на сто шестьдесят миль. Множество островов получили русские наименования: Бородино, Малоярославец, Смоленск, Полоцк и другие.

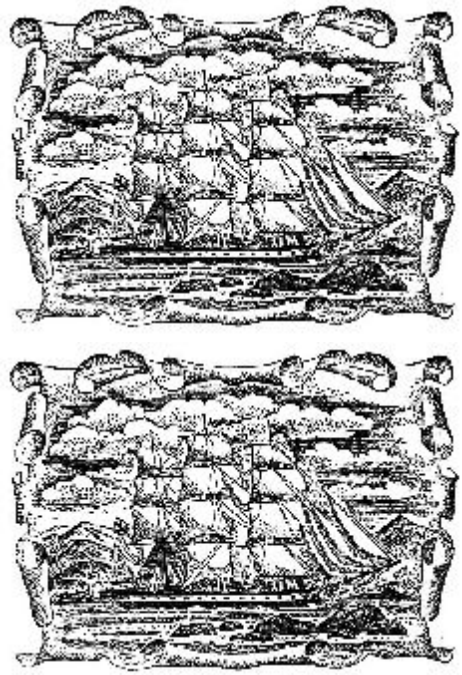
Состояние шлюпов, и в первую очередь "Востока", было очень ненадежным, пора было возвращаться домой. Беллинсгаузен принял решение прекратить поиски и направиться в Рио-де-Жанейро.

Двадцать четвертого июля 1821 года шлюпы бросили якоря на Кронштадтском рейде, закончив трудное плавание, продолжавшееся более двух лет. Восемьдесят четыре тысячи верст преодолели мореплаватели, что соответствует более чем двойному пути вокруг земного шара по экватору. Им удалось исследовать и описать множество земель как в южных водах, так и в тропиках, а главное, совершить открытие земель на крайнем юге, одна из которых - Берег Александра I - оказалась впоследствии частью Антарктического материка.

Имя начальника этой экспедиции - Фаддея Фаддеевича Беллинсгаузена без труда можно обнаружить на карте Антарктиды. В его честь названо море, омывающее берега шестого континента как раз там, где были открыты остров Петра I и Земля Александра I.

Имя Беллинсгаузена можно найти и на географических объектах других широт: в южной части острова Сахалин есть мыс Беллинсгаузена, названный так во время первой кругосветной экспедиции русских на "Надежде" и "Неве" в 1803-1806 годах, в которой принимал участие молодой офицер Беллинсгаузен; один из островов архипелага Туамоту также назван его именем.

В дальний вояж



В дальний вояж

1807 год. 25 июля, пять часов пополудни. Кронштадт, Пристань, украшенная флагами расцвечивания.

Шлюп "Диана", сделав прощальный салют, покидает порт, чтобы пуститься в дальний вояж. Командиром шлюпа назначен Василий Михайлович Головнин, помощником его - лейтенант Петр Иванович Рикорд. Главная цель экспедиции - открытие неизвестных и опись малоизвестных земель, лежащих в Тихом океане и примыкающих к российским владениям в восточной части Азии и на северо-западном берегу Америки.

Доверие, оказанное лейтенанту Головнину, - свидетельство его незаурядных качеств, проявленных на морской службе.

Ни Головнин, ни его помощник Рикорд, ни другие участники плавания - а всего их было шестьдесят человек - не предполагали, какие испытания подстерегают их на долгом пути, предопределенном инструкцией Адмиралтейства.

Уже первые шаги на этом пути насторожили мореплавателей. В Дании, а затем и в Англии стало известно, что в Европе назревает конфликт между Англией и Францией. Россия в то время заключила соглашение с Наполеоном, и это обстоятельство

осложнило условия пребывания в Англии "Дианы". Однако все необходимые запасы провианта были произведены, и можно было отправиться в дальнейшее плавание.

Намерение командира шлюпа провести его в Тихий океан, обогнув мыс Горн, осуществить не удалось: непрерывные штормы воспрепятствовали этому. Они были в это время года особенно продолжительны и жестоки.

Командир шлюпа принял решение идти к мысу Доброй Надежды, с тем чтобы дальше следовать в Тихий океан через Индийский.

На рассвете 18 апреля 1808 года перед мореплавателями открылся берег юга Африки, а спустя три дня шлюп входил в бухту, полную английских военных кораблей.

- Петр Иванович, голубчик, - обратился Головнин к Рикорду, - потрудитесь взять шлюпку и отправляйтесь на флагманский корабль к начальнику эскадры, дабы снестись с ним по поводу того, будет ли он отвечать равным числом выстрелов на наш салют.

Рикорд тотчас же исполнил приказание командира корабля. Тем временем вахтенный начальник гардемарин Якушкин доложил, что к шлюпу подошел катер с английским морским офицером.

Головнин поспешил к трапу и, взглянув вниз, тотчас узнал прибывшего.

- О, капитан Корбет! - воскликнул он по-английски. - Рад вас видеть! (*Под началом этого офицера он проходил стажировку в Англии.*)

- О, мистер Головнин! - дружелюбно отозвался Корбет, приятно удивленный столь неожиданной встречей. - Так это русское судно! А мы из-за тихой погоды никак не могли разглядеть ваш флаг. Прошу меня извинить, но я обязан доложить о вас командору.

Головнин недоуменно пожал плечами и предался размышлениям о причине столь странного поведения. Удивление его было подкреплено появлением английского лейтенанта, наспех расспросившего о целях плавания и столь же быстро исчезнувшего.

К этому времени "Диана" подошла к якорной стоянке и оказалась между батареями рейда и командорским фрегатом.

Едва стоянка русского шлюпа определилась, командорский фрегат поднял паруса и подошел к "Диане", а с других судов, стоявших на рейде, были отряжены шлюпки с вооруженными матросами. На палубе "Дианы" вновь появился английский лейтенант.

Он официально обратился к Головнину со следующими словами:

- Сэр, я уполномочен вам объявить, что Англия находится в состоянии войны с Россией, а потому мы намерены рассматривать ваш корабль как законный приз (*Приз - военный или торговый корабль, захваченный в период военных действий военным или каперским кораблем*). Прошу учесть, что меры предосторожности нами приняты и сопротивление бесполезно.

- Господин лейтенант, - отвечал Головнин, не теряя присутствия духа и чувства собственного достоинства, - цель нашего вояжа никакого отношения к военным действиям иметь не может и не имеет, и о сем английское правительство было извещено еще при нашем пребывании в Портсмуте.

- Это меняет дело, - заявил англичанин и приказал своим людям сойти со шлюпа. Он тотчас же отправил человека с донесением к командору, точнее, к капитану Корбету, распоряжавшемуся во время отсутствия командора, который находился в это время в главном городе Капской колонии городе Капштадте.

- Эх, Петр Иванович! - в сердцах сказал Головнин, когда Рикорд возвратился на корабль, отпущенный Корбетом. - И дернула нас нелегкая зайти в здешний порт! Кабы знать об объявлении войны между нами и Англией, нипочем не пошел бы сюда.

- Слов нет, Василий Михайлович, - согласился Рикорд, - состояние наше позволило бы без большого риска пуститься напрямик к Вандименовой Земле, где можно было бы пополнить запасы пресной воды, свежей рыбы и зелени.

- Судьбе угодно было, чтобы мы не знали о войне до прибытия в Капштадт, - невесело усмехнулся Головнин. - Как сложатся в дальнейшем наши обстоятельства, ума не приложу. Но честь русского флага посрамить не позволю.

На следующий день капитан Корбет пригласил Головнина на обед. Беседа во время обеда вращалась вокруг одной темы - задержания русского шлюпа.

- Право, я в затруднении, мистер Головнин, - говорил Корбет в некотором смущении. - Не будучи здесь главным начальником, я не знаю, как с вами поступить, хотя, если вы спросите мое личное мнение, я был бы склонен разрешить вам продолжить вояж независимо от того, какое поступит распоряжение из метрополии. А пока… - он на мгновение замялся, - хотя я и не считаю цель вашего плавания иной, нежели производство открытий новых земель на востоке, я вынужден рассматривать судно, которым вы командуете, как принадлежащее

неприятельской державе и задержанное впредь до особого распоряжения, а посему разрешить поднимать флаг российский в английских владениях не могу… - Он замолчал, заметив недовольство, написанное на лице Головнина, и закончил следующими словами:

- Ну, а для доказательства того, что корабль ваш не взят в качестве приза, а по-прежнему принадлежит его императорскому величеству государю российскому, вымпел остается у вас.

- Вы очень любезны, капитан Корбет, - ответил Головнин, - но я должен вам заявить со всей определенностью, что поднимать флаг моей державы я намерен и впредь, одновременно поднимая на грот-брам-стеньге белый флаг в знак того, что шлюп наш, хоть он и военный, пребывает в вашем порту на мирном положении.

- Вряд ли командор согласится с таким положением, - с сомнением заметил Корбет. - Такое право предоставляется лишь тем судам, которые вправе оставить порт, когда им заблагорассудится. Ваш же шлюп находится под сомнением, и, до тех пор пока не выяснится окончательно цель вашего плавания, он будет рассматриваться как возможный законный приз, как это предусмотрено всеми морскими законами. Если только…

- Что "если только"? - повторил за ним Головнин.

- Если только, - ответил Корбет, - вы не предъявите документ, бесспорно свидетельствующий о том, что ваш вояж предназначен не для военных целей или коммерческих спекуляций, а только для производства открытий в водах Восточного океана. Полагаю, что командор Роулей будет вполне этим удовлетворен. Головнин пригласил английского капитана в каюту и там вручил ему инструкцию Государственного адмиралтейского департамента, в которой недвусмысленно формулировалась цель плавания "Дианы". Корбет обещал передать бумаги командору и отбыл на флагманский корабль.

Прошло несколько дней, в течение которых англичане не беспокоили Головнина. Наконец явился посланный от командора Роулея с приглашением Головнину явиться к нему для беседы.

Любезно встретив русского командора, Роулейс сожалением сообщил ему, что в Капштадте не нашлось ни одного человека, который мог бы прочитать предъявленные Головниным бумаги, а потому он не имел возможности удостовериться в целях русской экспедиции. Командор дал понять, что разрешить "Диане" продолжить плавание он не может впредь до получения инструкций из Англии.

Головнин вернулся на шлюп расстроенный, но не подавал виду. Он сделал знак лейтенанту Рикорду следовать за ним.

- Обстоятельства наши невеселые, Петр Иванович, - со

вздохом констатировал он. - Видно, застрянем мы здесь на несколько месяцев, не менее. Англичане не намерены нас выпускать.

- Что же будем делать? - спросил Рикорд. - Не попытаться ли нам, Василий Михайлович, выбрать удобный момент и оставить здешних владельцев с носом?

- Нет, Петр Иванович, голубчик, - покачал головой командир шлюпа. - Я дал слово командору, и только чрезвычайные обстоятельства могут заставить меня нарушить данное обещание.

Миновалс около трех месяцев. 21 июля прибыл командующий английской эскадрой в Капской колонии адмирал Барти. Головнин обратился к нему с настоятельным требованием отпустить русский корабль как незаконно задержанный, на что последовал ответ, что без ведома английского правительства не представляется возможным разрешить русскому шлюпу свободу передвижения.

Прошло еще пять месяцев. Из Англии прибыл военный корабль, но никаких распоряжений касательно шлюпа "Диана" он не привез.

Тем временем запасы денег, довольно скудные, таяли, а кредит на пять тысяч пиастров в Кантоне, предусмотренный отправителями экспедиции, в Капштадте никто не хотел принять в качестве обеспечения и снабдить экипаж шлюпа продовольствием. Складывалось такое положение, при котором мореплавателям грозил голод.

Головнин обратился к адмиралу с письмом, затем, не получив ответа, лично обратился к нему с просьбой помочь в приобретении необходимого продовольствия, но удовлетворительного ответа не получил.

Впрочем, вскоре после прихода на рейд Капштадта английской эскадры, сильно потрепанной во время шторма, адмирал Барти вспомнил о русских, прислав к ним корабельного мастера с предложением кормить и оплачивать русских моряков, если они будут работать в доках, ремонтируя английские суда.

- Передай тому, кто тебя послал, - еле сдерживаясь от негодования, сказал Головнин, - что предложение сие мы считаем для себя оскорбительным и посему совершенно неприемлемым.

Едва посланный адмирала Барти удалился, командир "Дианы" пригласил лейтенанта Рикорда и мичманов Мура и Рудакова в кают-компанию.

- Господа, - сказал он озабоченно, - положение наше с каждым днем становится все более печальным. Адмирал Барти решил, по всей видимости, взять нас измором. В таких обстоятельствах у нас остается одно - уйти отсюда, пока еще сохранились какие-то

остатки провианта и команда работоспособна.

- Но вы дали заверение, что не покинете бухты до окончания войны или до поступления разрешения от английских властей! - удивился мичман Рудаков.

- Вы правы, мичман, - ответил Головнин, - но мне известны случаи, когда поведение неприятеля с военнопленными давало основание последним нарушить данное слово, и впоследствии такое поведение было оправдано беспристрастным суждением всей Европы.

- Истинно так, Василий Михайлович, я целиком на вашей стороне и полагаю, что наша честь никак не будет посрамлена после такого бесчеловечного отношения, кое мы испытываем от адмирала Барти, - горячо сказал Рикорд.

- Да, сами англичане поставили нас в невыносимые условия, и единственный выход - бежать отсюда и как можно скорее, - повторил Головнин, как бы убеждая себя в этой мысли.

- Осуществить это будет нелегко, - с сомнением произнес мичман Мур.

- Ничего, - задорно воскликнул Рудаков. - Покажем англичанам, как умеют управлять кораблем русские моряки!

Головнин с улыбкой посмотрел на совсем еще юных мичманов и сказал:

- План ухода следует продумать до мельчайших подробностей, и этим мы займемся сейчас же. Но прежде надлежит предусмотреть меры, благодаря коим истинные причины, побудившие нас покинуть Капштадт, стали бы достоянием общественности в Англии и России. С этой целью я напишу адмиралу Барти письмо, в котором возложу на него ответственность за эту нашу акцию…

- Но адмирал может не показать этого письма, сказав, что его не получал, и мы тогда будем опозорены, - перебил Головнина Рикорд.

- Я предусмотрел такую возможность, - успокоил Рикорда командир "Дианы". - Копии этого письма я вложу в благодарственные письма к тем местным жителям, голландцам и англичанам, кои отнеслись к нам по-дружески и оказали те или иные услуги. Убежден, что таким путем подлинные обстоятельства станут известны в Англии, если адмирал вдруг решит утаить мое письмо к нему.

- Блестящая мысль! - воскликнул темпераментный Рудаков. - Наша честь будет спасена, а посрамленным окажется этот спесивый англичанин!

- Что ж, друзья мои, - заключил Головнин, - если вы поддерживаете мое предложение, пораскиньте умом, как нам

лучше и быстрее выбраться из бухты. Положение нелегкое, "Диана" стоит на двух якорях в самом дальнем углу, а в полутора кабельтовых - флагманский корабль англичан "Резонабль", с которого за нами неусыпно наблюдают. Кроме того, на пути к выходу из бухты множество судов - одно от другого на расстоянии не более одного кабельтова. Наконец, следует помнить, что по требованию адмирала паруса у нас на шлюпе отвязаны. Ступайте, господа, завтра я жду ваших предложений.

Офицеры покинули кают-компанию и оставили Головнина одного. Он сидел некоторое время задумавшись, потом взял бумагу и гусиное перо и принялся писать письмо адмиралу Барти. Строчки ложились на бумагу ровно и быстро - все было давно обдумано Василием Михайловичем. Покончив с письмом к адмиралу, он набросал благодарственные письма некоторым местным негоциантам (*Негоциант - купец, глава торгового дома*), проявившим доброжелательность к русским мореплавателям.

Затем Головнин достал рисованный от руки план бухты и стал обдумывать действия, которые следовало предпринять для оставления мыса Доброй Надежды.

Прежде всего, необходимо было принять все меры для сохранения в полной тайне приготовлений русских моряков. Затем надлежало выбрать такой момент для ухода из бухты, когда в ее водах было бы минимальное количество военных кораблей англичан. Наконец, очень существенным, пожалуй одним из главных, был вопрос, как согласуются ветры, дующие в бухте, с ветрами, дующими в открытом океане. Последняя мысль заставила Головнина покинуть кают-компанию и подняться на палубу.

- Гардемарин, - обратился он к Филатову, исполнявшему обязанность вахтенного начальника, - распорядитесь спустить шлюпку, я намерен совершить прогулку в открытое море с мичманом Муром. И передайте ему, чтобы непременно захватил компас. Пока я буду в отсутствии, вам надлежит на шлюпе производить наблюдения за силой и направлением ветра в бухте, в то время как мы будем делать то же самое в открытом океане. Вы поняли меня?

- Цель ясна! - весело ответил гардемарин. - Все будет исполнено неукоснительно!

Несколько минут спустя шлюпка была спущена на воду, Головнин и Мур заняли места на корме, гребцы взялись за весла и по команде опустили их в воду.

В последующие дни Головнин неоднократно повторял такие прогулки с наблюдениями, и в конечном счете ему удалось установить, что, когда в бухте господствуют северо-западный или

западный ветры, в море преобладают юго-западный или южный, а подчас и юго-восточный. Но всякий раз, когда северо-западный ветер начинал дуть крепкими шквалами, принося в бухту облачную мокрую погоду, в море происходило то же самое. Было выяснено, что северо-западный ветер господствует здесь в зимнее время года, летом же бывает весьма редко. Предстояло выждать удобный момент, когда ветер будет способствовать осуществлению предприятия наряду с другими условиями. Долго ждали русские моряки, когда совпадут благоприятные для ухода обстоятельства. То на рейде стояло много кораблей, то ветер, который был надобен, затихал совсем…

Наконец 16 мая все сошлось. С утра задул крепкий северо-западный ветер, паруса на адмиральском корабле и других судах не были привязаны. Правда, судя по сигналам, которые подавали наблюдательные посты в горах, два английских корабля лавировали у входа в залив. Но Головнин счел, что более благоприятного момента можно и не дождаться, и известил всех на шлюпе, что решил предпринять попытку оставить бухту и выйти в открытое море, полагая, что риск вполне оправдан.

Едва наступили сумерки, без каких-либо команд, в полной тишине на "Диане" были привязаны штормовые паруса. В половине седьмого налетел сильный шквал с дождем, и командир "Дианы" распорядился рубить канаты, чтобы избежать шума при подъеме якорей. Шлюп вздрогнул и, набирая ход, двинулся к выходу из бухты.

Движение русского корабля было замечено не сразу на соседнем с ним английском судне, и оттуда в рупор сообщили об этом на флагманский корабль. Но было поздно. "Диана" в полной тишине уже миновала стоящие на рейде суда и беспрепятственно прошла расстояние, отделяющее ее от выхода из залива. Все без исключения на шлюпе - офицеры, гардемарины, унтер-офицеры и матросы - работали на марсах и реях. Головнин о нескрываемой радостью наблюдал за тем, как корабль одевается парусами. За два часа при сильном ветре и проливном дожде, в кромешной тьме южной ночи было сделано все, чтобы обеспечить "Диане" максимальную скорость движения. К десяти часам вечера шлюп был уже в открытом океане вне досягаемости английских военных кораблей.

Утром следующего дня командир шлюпа письменным приказом поздравил экипаж со счастливым избавлением из плена, поблагодарил за проявленные расторопность и рвение и назначил нижним чинам денежное вознаграждение, выплату которого отложил до прибытия на Камчатку.

Год и двадцать пять дней провели русские мореплаватели в

вынужденном бездействии.

Объявив приказ, Головнин пригласил всех офицеров, свободных от вахты, в кают-компанию и не без некоторой доли торжественности обратился к ним со следующими словами:

- Друзья, освободившись наконец от назойливой английской опеки, мы имеем теперь возможность следовать, как нам и надлежит, к Камчатке. Обдумав сие, положил я как можно скорее удалиться к югу, чтобы следовать в высоких широтах на восток, полностью обойдя с юга Новую Голландию, затем, пройдя между нею и Новой Зеландией, проследовать с восточной стороны Новогебридского архипелага, а далее держать путь к Камчатке, идя через Каролинские острова. Таковы мои намерения, коими я счел долгом с вами поделиться. Хочу подчеркнуть, что нам предстоит преодолеть великое расстояние при крайне ограниченных запасах провианта…

- Придется подтянуть пояса, - заявил лейтенант Рикорд.

Офицеры дружно подтвердили готовность ограничить себя на время перехода.

- Я рад, что встретил в вас понимание, - удовлетворенно сказал Головнин. - Нам надлежит предупредить об оном всех служителей, чтобы каждый знал, что его ожидает. Сухарей особливо мало, и потому уже с сегодняшнего дня приказываю выдавать людям менее двух третей регламентской порции. Только при сем условии сумеем мы продержаться до прибытия на Камчатку.

Почти семьдесят дней продолжалось плавание шлюпа по намеченному маршруту, прежде чем впереди прямо по курсу появилась земля. Это был остров Тана из Новогебридского архипелага. Возвышающийся над островом вулкан курился и время от времени выбрасывал в воздух пламя и дым. Особенно впечатляющим было это зрелище ночью, да еще сопровождаемое подземным гулом, внушающим невольный страх.

Днем позже шлюп подошел ближе к острову и мореплаватели без труда могли наблюдать столпившихся у кромки воды островитян. Имея на руках словарь, составленный еще Куком, Головнин без труда объяснился со старшиной островитян, рискнувшим после долгих колебаний подплыть к кораблю. Он дал ему понять, что нуждается в питьевой воде и продовольствии и готов взамен дать гвозди, топоры, украшения. Гунама, так звали старшину, охотно согласился снабдить русских всем необходимым и пригласил их съехать на берег.

Островитяне помогали морякам наполнять бочки водой и грузить их в шлюпки, приносили плоды и съедобные коренья.

Тридцать первого июля шлюп оставил остров Тану,

провожаемый всеми островитянами. Вновь потянулись недели плавания.

На исходе седьмой недели непрерывного плавания стоявший на вахте Рикорд послал вестового разбудить командира судна. Было раннее утро.

- Что случилось, Петр Иванович? - с тревогой спросил Головнин, появляясь на капитанском мостике.

Рикорд, не говоря ни слова, протянул командиру подзорную трубу.

Головнин направил ее в сторону северо-запада.

- Неужели Камчатка? - взволнованно сказал он, пристально всматриваясь в далекие еще очертания берега.

- Она самая, - ответил уверенно Рикорд, и голос его дрогнул: - Странное чувство испытываешь, глядя на этот дикий, суровый берег, Василий Михайлович. До Петербурга тринадцать тысяч верст, а все же берег наш, российский. Ведь больше двух лет прошло, как мы оставили Кронштадт.

Головнин на минуту оторвался от трубы и с пониманием взглянул на Рикорда, потом продолжил наблюдение.

- Это что же, Кошелева сопка виднеется? - отрывисто спросил он.

- Полагаю, что она, - ответил Рикорд, глядя в свою очередь в подзорную трубу. - Однако должен заметить, что открывающаяся картина не очень радует глаз. Эти сопки, покрытые снегом, и чернеющие долины…

- Полно, Петр Иванович, - перебил его с улыбкой Головнин. - Небось в душе рады-радешеньки, ведь сами чуть слезу не пустили.

- Что правда, то правда, - развел руками Рикорд. - Ну слава богу, добрались-таки до российской земли.

В Петропавловске-Камчатском "Диану" ожидало распоряжение о необходимости приступить после непродолжительного отдыха к обследованию полуострова Камчатка. Головнина ожидало и еще одно известие: о награждении его двумя орденами - св. Георгия за участие в восемнадцати морских кампаниях и св. Владимира за благополучное окончание многотрудного плавания.

Отличительной чертой Василия Михайловича Головнина было умение полностью отдаваться делу, которое ему предстояло выполнить. Не удивительно поэтому, что он горячо взялся за исследование Камчатки, начав с того, что по возможности ознакомился весьма обстоятельно со всеми материалами, характеризующими растительность и животный мир полуострова, а также его коренных обитателей - камчадалов. Присущая

Головнину широта взглядов и непредубежденность способствовали во многом тому, что он смог по достоинству оценить качества местных жителей - их добродушие, выдержку, человеколюбие, искусство в охоте и промысле. Ему удалось найти в Петропавловске-Камчатском журналы многих мореплавателей с записями о Камчатке, Курильских и Алеутских островах, Охотском и других морях, окружающих эти земли. Среди авторов журналов значились прославленные мореплаватели Чириков и Беринг, Шелехов, Лаперуз и Кук. В его руки попали записи Степана Крашенинникова, составившего описание земли Камчатки еще в прошлом столетии. Словом, предстояло осмыслить и обобщить большой материал, уточнив ряд подробностей, вызывавших сомнения.

А весной следующего 1810 года "Диана" уже держала курс к берегам Северо-Западной Америки, где находились русские владения. Мореплавателям предстояло произвести описание этих берегов и доставить продовольствие жителям владений. Инструкциями, полученными Головниным еще до отплытия из Кронштадта, предписывалось уделить немалое внимание этому описанию. Однако в полной мере ему не удалось выполнить эти инструкции из-за более чем годового плена у англичан в Капской колонии. Были потеряны время и специально заготовленные запасы продовольствия.

Двадцатого апреля 1811 года прибывшее из Охотска судно доставило распоряжение морского министра де Траверсе следующего содержания:

"Господину капитан-лейтенанту, командиру шлюпа "Диана" и кавалеру Головнину.

Отношение ваше от 24 декабря 1809 года на имя министра военных и морских дел, написанное с приложением другого, я получил. Предпринятое вами на шлюпе "Диана" в Ситху (*Ситха - остров у берегов Северо-Западной Америки*) плавание я одобряю…

Вместе с сим я нужным считаю уведомить вас, что его императорскому величеству угодно, чтобы сделано было точнейшее описание островов южных Курильских и лежащих напротив Удинского порта Шантарских, а равно и берегов Татарии (*Так именовали тогда побережье нынешнего Приморского края, а пролив между материком и Сахалином и в наше время называется Татарским*) и чтобы описание сие поручить произвести вам на шлюпе "Диана". Сие возлагаемое на вас поручение описано подробно в посланных к вам ныне же бумагах от Адмиралтейств-коллегий и от Адмиралтейского департамента".

Головнин, ознакомившись с повелением морского министра,

протянул его Рикорду и сказал, дождавшись, когда тот его прочтет:

- Если мы станем дожидаться поступления упомянутых бумаг или, того хуже, отправимся за ними в Охотск, будут потеряны самые лучшие месяцы для плавания и описи. Не так ли, Петр Иванович?

- Разумеется. - Пожал тот плечами. - Сие столь очевидно, что ваш вопрос излишен.

- Я не спрашиваю, мой друг, а размышляю вместе с вами, - пояснил с улыбкой Головнин. - И хочу услышать от вас подтверждение моих мыслей.

Рикорд ответно улыбнулся:

- Извольте. Нам следует, не теряя времени даром, составить план описи островов и тут же приступить к его осуществлению! Не сомневаюсь, что именно это вы имеете в виду.

- Итак, решено? - сказал Головнин. - Мы начнем от двенадцатого и тринадцатого Курильских островов и пойдем на юг, а затем проследуем вдоль восточного берега Сахалина и закончим опись на Татарском берегу и островах Шантарских.

- Полагаю, что план сей вполне приемлем, - ответил Рикорд. - Не поспешить ли мне на шлюп, чтобы сделать необходимые распоряжения?

- Ступайте, голубчик, Петр Иванович, - сказал Головнин. - И не забудьте, что гавань Петропавловская еще покрыта льдом и потому надобно будет его прорубить для выхода в открытое море.

Все летние месяцы были посвящены исследованию и описанию Курильских островов. Одновременно уточнялись сведения, сообщенные предшественниками, побывавшими в этих водах в разное время, - англичанином Броутоном, французом Лаперузом, первыми русскими кругосветными мореплавателями Крузенштерном и Лисянским.

Главным помощником Головнина в составлении карты Курильских островов был штурман Хлебников, человек высокообразованный, с широким кругозором. Им пришлось немало Потрудиться, чтобы уточнить географические координаты отдельных островов и внести поправки в карту Крузенштерна и Лисянского, причем не только в отношении координат, но и названий некоторых островов.

Время от времени мореплаватели высаживались на берег, и тогда они встречались с местными жителями, которые отнеслись к русским очень доброжелательно.

На одном из островов Головнина и Хлебникова, высадившихся на берег, гостеприимно встретили местные жители во главе со старшиной селения. Их провели в жилище и

предложили угощение, которое офицеры с удовольствием отведали.

Старшина селения степенно беседовал о Головниным, давая ему при этом понять, что жители острова всегда рады русским, к которым они питают самые лучшие чувства. Во время беседы он неожиданно вскочил с места и поспешно удалился. Головнин и Хлебников недоуменно переглянулись.

Спустя несколько минут старшина вновь появился, держа в руках какой-то документ.

- Вот грамота, полученная нашими предками очень давно, - сказал старшина, протягивая документ Головнину.

Командир "Дианы" взял его и пробежал глазами.

- Эта грамота, Андрей Феоктистович, - сказал он, обращаясь к Хлебникову, - выдана в прошлом столетии в том, что жители острова - подданные Российской империи.

- По всему видно, что они довольны этим обстоятельством, - заметил Хлебников.

- Радостно сие наблюдать, - сказал Головины. - Надобно будет отплатить за гостеприимство. Андрей Феоктистович, потрудитесь передать мое распоряжение на сей счет. Мню я, что лучшими подарками для этих, людей будут порох, табак и чай. Пусть снабдят их сими дарами в изобилии.

Описание Курильской гряды между тем продолжалось с присущей Головкину энергией и целеустремленностью. В конечном счете исследователям удалось установить, что Курильских островов не двадцать один, как считалось прежде, а двадцать четыре и что многие из них называются иначе, чем было до сих пор известно.

Летом 1814 года Головнин возвратился в Петербург после семи лет отсутствия. А спустя три года ему было поручено возглавить кругосветную экспедицию на шлюпе "Камчатка", превосходившем "Диану" и по размерам и по численности экипажа.

Вновь достигнув полуострова Камчатка, Головнин занялся тем, что не успел сделать в первое плавание, - исследованием берегов Северо-Западной Америки, уделив значительное внимание Алеутским островам и Калифорнии.

Довелось ему посетить и Гавайские острова, которые в его времена были известны под именем Сандвичевых.

После возвращения из второго кругосветного плавания Головнин назначается помощником директора Морского корпуса, а спустя некоторое время - генерал-интендантом флота. Смерть настигла вице-адмирала Василия Михайловича Головнина в 1831 году, когда ему было пятьдесят пять лет.

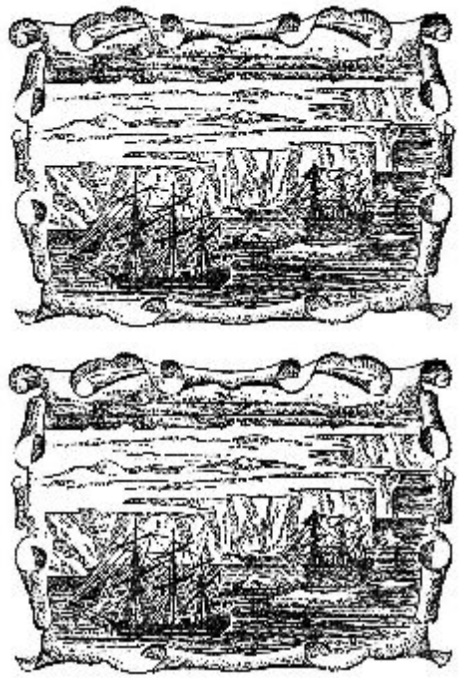
Без преувеличения можно сказать, что этот военный моряк оставил заметный след как в истории русского морского флота, так и в истории исследования и освоения Земли.

Хорошо было сказано о Головнине на собрании Российского Географического общества в 1883 году: "Замечательная личность Головнина еще не оценена у нас по достоинству. Между своими современниками Василий Михайлович выдавался глубокими теоретическими и практическими сведениями, обширным разносторонним образованием, светлым умом и широким, можно сказать, государственным взглядом. Ко всему этому надо добавить, что Головнин был закаленный, суровый и, если позволительно так выразиться, "лихой моряк".

Поистине, эти слова могли бы быть высечены в качестве надгробной эпитафии этому выдающемуся человеку.

А вечными памятниками Василию Михайловичу Головнину стали названные в его честь бухта в заливе Норт-Саунд у берегов Северо-Западной Америки и пролив между островами Райкоку и Матуа в Курильской гряде.

Ледяной барьер



Ледяной барьер

Было раннее утро августовского дня 1836 года.

Узкие улочки Гёттингена казались совершенно пустынными. Лишь изредка на них появлялись молочницы, везущие на тележках бидоны с молоком, да зеленщики, разносящие по домам овощи и фрукты.

Вильгельм Вебер, профессор физики Гёттингенского университета, степенно шел по центральной улице городка, направляясь к его окраине. Он был настолько погружен в свои мысли, что не обращал никакого внимания ни на ласкающие лучи солнца, ни на ликующие краски неба и деревьев, ни на случайных прохожих, попадающихся ему на пути.

Он двигался машинально, и ноги сами вели его к дому коллеги и друга Карла Фридриха Гаусса, с которым они в последнее время увлекались очень любопытной проблемой - земным магнетизмом.

Дойдя до конца улицы, Вебер свернул вправо, затем через некоторое время влево и замедлил шаги перед двухэтажным уютным на вид домиком с палисадником, Он отворил калитку и поднялся на крыльцо, где молоденькая горничная, выбивавшая

половики, приветствовала его книксеном.

- Что, доктор уже проснулся, Гертруда? - спросил Вебер, доставая из кармана жилета часы и щелкая крышкой.

- Герр доктор у себя в кабинете, герр профессор, - ответила, приседая, Гертруда, с почтением взирая на пришедшего.

- В таком случае я как раз вовремя, - заметил Вебер, облегченно вздыхая, и проследовал в дом, который был ему хорошо знаком.

- Вот и я, Карл! - объявил он, входя в кабинет.

Хозяин кабинета в это время находился на одной из верхних ступенек лестницы, просматривая какой-то фолиант, взятый с книжной полки. Услышав знакомый голос, он живо воскликнул:

- Вы как всегда пунктуальны, Вильгельм! По вам можно проверять часы. Минуточку терпения, я сейчас к вам спущусь, только дочитаю страницу. - Он быстро пробежал глазами несколько строчек, установил том на место и спустился с лестницы. Пожав на ходу руку Вебера, Гаусс увлек коллегу к письменному столу, заваленному книгами и листами рукописи.

- Сколько дней мы с вами не виделись? - спросил он, приглашая Вебера сесть и сам усаживаясь в кресло с высокой спинкой. - Неделю?

Вебер утвердительно кивнул головой.

- Так вот, Вильгельм, - не без гордости продолжал Гаусс, - кажется, я закончил. - Он хлопнул ладонью по рукописи. - Признаюсь, мне удалось преуспеть за эту неделю. Взгляните. - И он подвинул листы рукописи к Веберу.

Тот схватил пачку листов, исписанных мелким, но довольно разборчивым почерком, и углубился в чтение.

Гаусс молча наблюдал за ним, сидя в кресле и положив ногу на ногу. Он испытывал естественное чувство удовлетворения, закончив наконец работу, составлявшую смысл его существования вот уже несколько лет.

Перевернув последний лист рукописи, Вебер глубоко вздохнул, как бы переводя дух, и тихо произнес:

- Это колоссально, Карл! Вы понимаете, что это такое? - Он похлопал рукой по рукописи, - Это же стройная теория земного магнетизма, ни больше ни меньше! После вашей теоремы (*Карл Фридрих Гаусс (1777-1855) - знаменитый немецкий математик, которому принадлежат работы по теории чисел, теории двучленных уравнений, наименьших квадратов и др.*) теперь еще и это!

- Не преувеличивайте моих заслуг, Вильгельм, - спокойно ответил Гаусс. - Я делаю только то, что не могу не делать. Это так естественно для каждого человека, не правда ли?

- Вы большой ребенок, Карл, хотя и дожили уже до седых волос, - снисходительно сказал Вебер. - Ваше имя известно всему миру, а вы не придаете этому никакого значения.

- Дорогой Вильгельм, - рассмеялся Гаусс, - для меня значение имеют только числа. В них я нахожу все - и прозу, и поэзию жизни!

- Как вы намерены поступить с рукописью? - поинтересовался Вебер.

- Я предложу ее в издательство почтеннейшего господина Кестера, который и прежде публиковал мои работы, - пожал плечами Гаусс. - Если он не выразит желания взять на себя расходы по изданию, придется издавать ее своим иждивением. Я прекрасно понимаю, что труд этот заинтересует очень немногих, и рассчитывать на шумный успех не приходится, - он иронически усмехнулся, - тем более с таким названием: "Общая теория земного магнетизма".

- Скажите, Карл, вы что-нибудь уже публиковали из этого труда? - спросил Вебер.

- Да, небольшую заметку в ученых записках университета о предположительном местонахождении магнитных полюсов Земли, - ответил Гаусс рассеянно, думая о чем-то другом. - Как вы думаете, Вильгельм, может пригодиться моя теория для чего-либо практического?

- Вас волнует земная слава? - изумленно воскликнул Вебер. - Вас, фанатика науки?!

- Не слава, Вильгельм, и не почести, - медленно улыбнулся Гаусс. - Меня интересует, принесу ли я людям практическую пользу.

- О, я совершенно убежден в этом, Карл! - безапелляционно заявил Вебер. - Как и в том, кстати, что созданный нашими совместными трудами электромагнитный телеграф найдет себе практическое применение! Подумайте только, Карл, и допустите, что ваш труд становится достоянием мыслящих и ищущих людей, на которых ваши размышления о земном магнетизме, о северном и южном магнитном полюсах, об их местонахождении производят неизгладимое впечатление! Что тогда? Очень просто. Эти ваши теоретические расчеты начинают материализоваться в деяниях мореплавателей, пускающихся на поиски этих полюсов!

- Ваш энтузиазм, Вильгельм, весьма заразителен, - улыбнулся Гаусс - Я невольно поддаюсь ему и начинаю верить, что сделал действительно нечто существенное.

* * *

Сэр Джемс Росс, уже снискавший себе известность плаваниями в арктических водах западного полушария вместе с известными полярными исследователями Вильямом Парри и своим дядей Джоном Россом, направлялся в Адмиралтейство, недоумевая, зачем он там понадобился. Приглашение явиться к одному из лордов Адмиралтейства принес накануне посыльный, разбитной малый лет семнадцати.

Была осень 1839 года. Лондон тонул в пелене тумана. В такую погоду куда более приятно было бы сидеть у пылающего камина и вести беседу с друзьями за бокалом грога, нежели находиться на улице.

- Сэр Джемс, - обратился к Россу принявший его лорд Адмиралтейства, седой, представительный мужчина с проницательными живыми глазами, - мы получили некоторое время назад письмо от барона фон Гумбольдта. Надеюсь, имя этого человека вам известно?

- Разумеется, милорд, - наклонил голову Росс, - кто не знает этого знаменитого путешественника и ученого, познакомившего мир с природой Южной Америки…

- Вот, вот, - перебил его несколько нетерпеливо старый моряк. - Господин фон Гумбольдт в письме своем призывает английское Адмиралтейство снарядить экспедицию в южные антарктические моря, и как вы думаете - для чего?

- Право, затрудняюсь ответить на ваш вопрос, милорд, - пожал плечами Росс.

- Достопочтенный ученый муж предлагает произвести в этих морях обширную серию наблюдений, особенно в высоких широтах, дабы установить по возможности местонахождение южного магнитного полюса, подтвердив или опровергнув тем самым предположения известного его соотечественника математика Гаусса, разработавшего теорию земного магнетизма и рассчитавшего теоретически координаты этого полюса, равно как и северного. - Лорд Адмиралтейства потеребил длинными пальцами бакенбарды и вопросительно посмотрел на собеседника: - Вы что-нибудь слышали о господине Гауссе, сэр Джемс?

- Да, милорд, кое-какие слухи доходили до моих ушей, - ответил Росс. - Но, прошу прощения, какое отношение это может иметь ко мне?

- Самое прямое, сэр, самое прямое, - усмехнулся лорд Адмиралтейства. - Дело в том, сэр, что мы сочли возможным пойти навстречу пожеланиям господина фон Гумбольдта. Тем более что оно в полной мере соответствует интересам английской

короны в тех районах земного шара, о которых идет речь в письме этого незаурядного человека.

Джемс Росс понимающе кивнул головой и поинтересовался:

- Какое поручение намерены вы возложить на меня, милорд? Смею заверить, что готов послужить отечеству и науке в той степени, в какой это будет необходимо, и со всем рвением, на которое я способен.

- Иного я не ожидал от вас услышать, сэр Джемс, - одобрительно произнес лорд, подходя к Россу и пожимая ему с чувством руку. - Не случайно наш выбор пал на вас!

- Что вы имеете в виду, милорд? - спросил Росс.

- Да только то, что мы решили поставить вас во главе экспедиции. Да, да, сэр! - подчеркнул он, не обращая внимания на протестующий жест Росса. - Вопрос этот решенный, и я пригласил вас сюда не для того, чтобы выслушивать возможные ваши возражения, а с тем, чтобы оповестить о принятом решении…

- Вы неправильно истолковали мой жест, милорд, - перебил его Росс. - Просто это было весьма неожиданно.

- Ну и прекрасно! - продолжал лорд Адмиралтейства. - Слушайте меня внимательно. В ваше распоряжение будут предоставлены два судна, специально приспособленные для плавания в высоких широтах, - "Эребус" и "Террор". На первом из них пойдете вы, сэр Джемс, на втором - капитан Френсис Крозье, опытный и надежный командир. Инструкции на днях будут вам вручены, и там вы найдете все необходимые указания и разъяснения. Хотел бы особо обратить ваше внимание на следующее обстоятельство. По моим предположениям, господин фон Гумбольдт послал письмо не только англичанам, но и французам и североамериканцам. Иначе чем объяснить, что с аналогичными целями в Южные моря направились мореплаватели этих двух держав? Было бы крайне желательно, как вы сами понимаете, чтобы ваша экспедиция преуспела в осуществлении намеченной цели больше, нежели они.

- О, милорд! - воскликнул Росс, воодушевленный только что услышанным. - Поверьте, я сделаю все от меня зависящее, чтобы с честью завершить порученное мне предприятие!

- Вот и отлично! - удовлетворенно произнес лорд Адмиралтейства. - С нынешнего дня вы исполняете обязанности начальника экспедиции. Принимайтесь за дело, сэр Джемс, и пусть вам сопутствует удача!

Росс почтительно поклонился и вышел из кабинета.

* * *

В следующем 1840 году "Эребус" и "Террор" вышли в плавание и без особых приключений достигли берегов острова Тасмания.

Росс и Крозье в сопровождении еще нескольких офицеров посетили губернатора острова и засвидетельствовали ему свое почтение. Губернатор гостеприимно принял английских мореплавателей, и во время обеда, данного им в честь прибывших соотечественников, состоялась застольная беседа.

- В пакете, привезенном вами, сэр Джемс, - сказал губернатор, - я получил сообщение о цели вашего плавания, так что не буду вас расспрашивать. Видимо, вы бы хотели получить кое-какие сведения, которыми я располагаю? - Он понимающе улыбнулся, взглянув на Росса.

- Вы нас очень обяжете, господин губернатор, - сказал Росс, - если поделитесь информацией о плавании в Южных морях француза Дюмон-Дюрвиля и североамериканца Чарлза Уилкса.

- В моем распоряжении есть сведения, согласно которым ни тот ни другой не преуспели в дридах южного магнитного полюса. Им просто не удалось приблизиться к тому району, где, по мысли господина Гаусса, должен находиться этот полюс. Они плавали к западу от него, и каждый в отдельности высказал предположение, что немецкий математик неправильно определил координаты, допустив неточность в расчетах.

- Вы порадовали меня этим сообщением, сэр, - поблагодарил Росс губернатора. - Вы не представляете себе в полной мере, как важно для нас, исследователей, осознать, что все еще впереди, что никто тебя не опередил.

Через несколько дней корабли были уже опять в пути.

Полученные от губернатора сведения не давали Россу покоя. Его нисколько не смутили неудачи француза и североамериканца, напротив, они только подстегнули его волю.

Пригласив к себе на "Эребус" капитана Крозье, Росс поделился а ним своими планами и намерениями в расчете услышать дельный совет.

- Поскольку Дюмон-Дюрвиль и Уилкс не смогли по каким-то причинам проникнуть в район, где господин Гаусс предсказал нахождение южного магнитного полюса, - рассуждал он, расхаживая по кают-компании, - нам придется поискать полюс восточнее. Как ваше мнение, Френсис?

- Думаю, вы правы, Джемс, - отвечал тот. - Разведать восточные пространства Антарктики и постараться углубиться как можно дальше к югу - вот как я понимаю нашу задачу. Если мне память не изменяет, господин Гаусс назвал 72 градуса южной

широты?

- 72 градуса 30 минут, - уточнил Росс. - Что вы скажете, Френсис, если мы начнем наши поиски на меридиане южного острова Новой Зеландии? А там видно будет, как надлежит поступать дальше. Жизнь покажет. Решено?

- Решено, - подтвердил Крозье, и оба капитана обменялись крепким рукопожатием.

В конце 1840 года, когда в Антарктике наступило лето, корабли экспедиции начали свое продвижение на юг, по 170 градусу восточной долготы.

Вскоре на пути кораблей появились льды, становившиеся по мере продвижения к югу все более и более плотными. С трудом преодолевая их, "Эребус" и "Террор" медленно и неуклонно двигались в южном направлении, пока наконец не вышли на чистую воду. Было это 9 января 1841 года. А спустя два дня, к великой радости мореплавателей, был обнаружен возвышающийся высоко над льдами горный хребет, названный ими хребтом Адмиралтейства. Произошло это событие уже за семьдесят первой параллелью.

Хребет поднимался над землей, названной Россом Землей Виктории в честь царствующей в те годы английской королевы.

Следуя вдоль открытой земли, суда достигли семьдесят седьмой параллели. Обширность земли не вызывала сомнений. Воображение мореплавателей было поражено зрелищем двух высоких вулканов, из которых один был действующим и достигал более четырех тысяч метров. Эти крупные конусообразные горы получили имена в честь кораблей экспедиции - Эребус и Террор.

В первых числах февраля на пути кораблей встал огромный ледник, простиравшийся, насколько хватало глаз, вправо и влево. Он представлял собой совершенно отвесную и очень высокую ледяную стену. Астрономические наблюдения показали, что экспедиция достигла 78 градусов 04 минуты южной широты. Несколько дней суда плыли на восток вдоль преградившего путь на юг ледяного барьера в надежде обнаружить какой-нибудь проход. Но все усилия оказались тщетными, и экспедиция вынуждена была повернуть обратно на север.

Достигнув широты 72 градуса 30 минут, обозначенной Гауссом в качестве ориентира для нахождения южного магнитного полюса, Росс решил проделать ряд магнитных наблюдений, попросив Крозье продублировать их одновременно на "Терроре". Когда серия наблюдений была сделана, оба капитана встретились на борту "Эребуса", чтобы сравнить результаты.

- Что ж, Френсис, - сказал Росс после того, как внимательно

просмотрел привезенные Крозье записи, - ваши расчеты очень близки к моим, что позволяет сделать вывод совершенно однозначный: наблюдения проведены тщательно, и на них можно опираться в дальнейшем.- Я рад, Джемс, что так получилось, - сказал Крозье, довольно улыбаясь. - Но одного этого, полагаю, мало? Какие, по вашему мнению, выводы напрашиваются из наших наблюдений?

- Весьма знаменательные, Френсис, весьма, - торжественно произнес Росс. - Видит бог, проведенные нами наблюдения полностью подтверждают предположения господина Гаусса из города Гёттингена! Взгляните еще раз на эти цифры. Разве они не свидетельствуют с полной очевидностью, что магнитный полюс действительно должен находиться на широте, названной им, но…

- Но где-то в трехстах километрах отсюда! - подхватил Крозье.

- Совершенно верно, друг мой, - подтвердил Росс. - Где-то на Земле Виктории!

Крозье еще раз просмотрел цифры, вникая в их суть. Глаза его блеснули, и он восхищенно воскликнул:

- Аи да Гаусс! Аи да теоретик! Сидел себе в своем кабинете, соображал, считал, пересчитывал, сопоставлял и не только сочинил целую теорию земного магнетизма, но и предугадал, что должно твориться на самом краю Земли, там, где еще не побывала нога человека!

В апреле 1841 года корабли экспедиции вернулись к острову Тасмания, а в ноябре того же года была предпринята новая попытка проникнуть за ледяной барьер, не пускавший мореплавателей далее на юг.

Это плавание, продолжавшееся все летние месяцы 1841-1842 годов, не принесло ощутимых успехов. Росс и Крозье пересекли южный полярный круг значительно восточнее того места, где они это сделали в первый раз, - на две тысячи двести пятьдесят километров, но ледовые условия, в которые попали их корабли, оказались еще более тяжелыми, чем в первом плавании в антарктических широтах. И все же им удалось продвинуться на юг несколько дальше, до 78 градуса 09 минут 30 секунд южной широты и 167 градусов 27 минут западной долготы. Убедившись в том, что дальнейшие попытки бесплодны, мореплаватели повернули на север и 5 апреля 1842 года подошли к Фолклендским островам, расположенным в южной части Атлантики.

Дождавшись наступления следующего антарктического лета, Росс и Крозье в третий раз направились к югу. Было это в середине декабря 1842 года. На этот раз они рассчитывали,

следуя по 55 градусу западной долготы, найти продолжение Земли Луи-Филиппа, открытой Дюмон-Дюрвилем. Однако, кроме острова Жуанвилля, также обнаруженного впервые французским мореплавателем, им не удалось увидеть на своем пути ничего нового. Поиски восточнее также ни к чему не привели.

В ноябре 1843 года "Эребус" и "Террор" возвратились в Англию. Закончилось более чем трехлетнее плавание в антарктических водах.

Трудно переоценить значение этой экспедиции. Она продолжила с успехом то, что было не менее успешно начато русскими мореплавателями Ф. Беллинсгаузеном и М. Лазаревым двадцатью годами ранее.

Значительным вкладом в исследование шестого материка было открытие Земли Виктории и гигантского ледяного барьера, достигающего пятидесяти метров в высоту и семисот пятидесяти километров в длину, а также обследование огромной акватории Южных антарктических морей.

Спустя два года после возвращения Росса на родину его спутник капитан Крозье отправился в новую экспедицию, на этот раз в Арктику, вместе с Джоном Франклином на поиски прохода из Атлантического океана в Северный Ледовитый океан. Они отплыли на "Эребусе" и "Терроре" и не вернулись, погибнув в борьбе с суровой арктической природой.

В поисках пропавшей экспедиции Джона Франклина принимал участие и Джемс Росс.

Море Росса, омывающее берега Антарктиды, ледник Росса, протянувшийся на многие сотни километров, - вечные памятники этому выдающемуся исследователю Антарктики и Арктики.

Источник:
Узин С.В. 'Имя на карте' - Москва: Мысль, 1983 - с.192

This file was created

with BookDesigner program

bookdesigner@the-ebook.org

02.01.2013